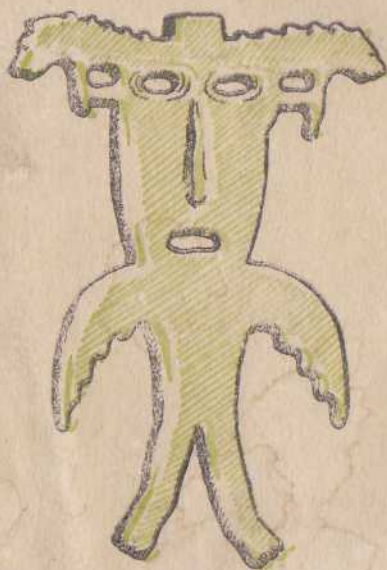


О. Н. Бадгер

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИКАМЬЯ



МОЛОТОВГИЗ 1950

5026
О. Н. БАДЕР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ПРИКАМЬЯ
И ИХ НАУЧНОЕ ВЫЯВЛЕНИЕ

15852 4/3
Пособие для начинающих
археологов и краеведов



15852 4/3
МОЛОТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1950

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Седая древность при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»¹. Эти слова Энгельса приобретают особое значение в условиях нашего советского строя, благодаря которому ряд народов впервые получили свою писаную историю и, повседневно повышая свой политический и культурный уровень, пылливо и упорно стремятся к познанию этой истории. В то же время изучение исторического прошлого, в особенности его древнейших, ещё первобытных стадий, помогает в активной борьбе против всякого рода отсталых, в частности, религиозных представлений, в борьбе за материалистическое мировоззрение.

Советским государством созданы крупные научно-исследовательские организации, призванные систематически вести археологическое изучение нашей Родины и добившиеся очень больших успехов. Но эти успехи в значительной мере основаны на активности местных краеведов, которыми в русло советской науки постоянно направляется огромный новый археологический материал, состоящий из передаваемых в музеи случайно найденных древних предметов, из сведений о памятниках старины, различных наблюдений и пр. Оргкомитет Всесоюзного археологического совещания в Москве, собравшегося в марте 1945 года, в условиях ещё продолжавшейся гигантской борьбы на фронтах Великой Отечественной войны, отметил, что «насуточно необходимым условием прогресса археологической науки в нашей стране является широкая популяризация её достижений и методов, привлечение к участию в её развитии широких слоёв советской интеллигенции на местах...», в том числе учителя, студента, а также учащихся средней школы. Но для того, чтобы доставляемый ими археологический материал отличался научной доброкачественностью и полнотой, необходимо

¹ Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, Госполитиздат, 1945, стр. 109.

научно-методическое руководство местными работниками. Наиболее простой и эффективный его приём — издание практического пособия по методике археологических обследований, доступного начинающим археологам — студентам и краоведам на местах. За советский период было издано несколько таких руководств, но тираж их давно разошёлся.

Первое уральское археологическое совещание, созванное в апреле 1947 года Молотовским университетом, в своих постановлениях отметило крайнюю нужду в издании такого руководства применительно к области Урала.

Наконец, выполнение ответственных задач, возложенных на наши областные и районные отделы культурно-просветительной работы постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры», подписанным товарищем И. В. Сталиным, также крайне затруднено без соответствующего методического руководства, касающегося выявления наиболее многочисленных памятников культуры — археологических памятников.

Предлагаемая вниманию читателя книжка стремится восполнить указанный пробел в нашей научно-методической литературе. Составлена она применительно к территории Прикамья, но может иметь и более широкое применение, в особенности в общей и методической части.

В первой её главе дано разъяснение основных положений, на которых строится советская археология и из которых вытекают её задачи.

Во второй — официальный материал по учёту и охране памятников.

В третьей — общие понятия об археологических памятниках.

В четвёртой — сжатое введение в раннюю историю Прикамья.

В пятой — методика первичного изучения памятников.

В отличие от большинства предшествующих руководств этого рода, в настоящем пособии приведены рисунки вещей, представляющих наиболее частые и характерные находки в археологических памятниках различных эпох в Прикамье, что позволит этому руководству играть также роль первого определителя вновь находимых предметов. В конце книжки даны адреса, чтобы отдельные краеведы могли связаться с соответствующими научными организациями.

Глава I

РОЛЬ АРХЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

Археология — историческая наука. Археология изучает вещественные остатки, остатки материальной культуры древних времён, сохраняющиеся в земле и на её поверхности на местах древних поселений человека, в его могильниках и пр. Такое изучение возможно только путём постановки археологических раскопок, проведение которых требует знания многих специальных приёмов, методов.

Цель советской археологии — изучение истории человеческого общества на всех ступенях его развития, поскольку эта история может быть освещена сохранившимися остатками материальной культуры. Понятно, что археологическое исследование исторических остатков во многих местах, хорошо известных истории по разнообразным письменным документам и даже сохранившихся ещё в народной памяти в виде преданий, представляет относительно меньшее значение, чем исследование остатков, скажем, каменного века — времени, когда не существовало письменности, о котором не сообщают ни слова ни летописи, ни даже самые старые народные предания. Эта глубокая старина давно забыта современными культурными народами. И вот здесь, при изучении древнейших стадий истории человеческого общества, начиная с самого его возникновения, начиная с момента первоначального заселения человеком любой изучаемой территории, когда письменная история совершенно бессильна, — археология приобретает значение основной науки, освещающей нам этапы развития человеческого общества на протяжении десятков и даже сотен тысячелетий, по сравнению с которыми период существования письменности представляет совершенно ничтожный отрезок времени.

Но, может быть, изучение этой первобытной истории не так уж необходимо? Может быть, знание истории столь отдалённых от нас времён не имеет ни практического, ни теоретического значения, и изучение первобытной истории является своего рода научной роскошью?

На этот вопрос можно дать только один ответ: изучение ранней, первобытной истории общества — насущная необходимость.

Для того, чтобы научно и правильно подойти к разрешению всякого вопроса в общественной, исторической науке, нужно, как учил В. И. Ленин, «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своём развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Поэтому совершенно ясно, что всеобщая история человечества была бы по меньшей мере неполна, если бы в ней отсутствовало знание о древнейшей, то есть первобытной эпохе. Без такого знания очень многое было бы недостаточно понятным или даже вовсе непонятным и в истории последующих эпох, преемственно связанных с первобытностью. Изучение первобытной истории помогает в изучении основных законов развития общества и подтверждает правильность этих законов примерами из многотысячелетнего исторического процесса.

Однако, могут ли служить древние орудия труда и прочие остатки материальной культуры, извлекаемые археологами из земли, надёжным основанием для заключений об экономике, строении и развитии древних обществ? Ответ на этот вопрос должен быть дан вполне определённый и только положительный — да, могут.

Археология капиталистических стран, находясь на позициях формального вещеведения, когда развитие вещей, материальной культуры рассматривается как подчинённое каким-то своим особым законам, не зависимым от развития создавшего эти вещи общества, далека от использования методов подлинной исторической науки и зашла в своём развитии в тупик. В своих обобщениях буржуазные учёные примекают антинаучные и антинародные теории, как теория неравноценности рас, теория миграций (переселений), теория заимствований и другие, грубо искажающие картину исторического процесса, отвлекающие от изучения процесса внутреннего развития общества и его законов.

Единственно правильным методом, с помощью которого вещественный археологический материал превращается в полноценный исторический первоисточник, является марксистский диалектический метод, метод исторического материализма. «Марксизм, — говорит Ленин, — указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций...»² Одной из сторон, одним из способов этого изучения является археология.

Марксизм-ленинизм учит, что «каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, — таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения»³.

¹ Ленин В. И., О государстве. Лекция в Свердловском университете 1. VII-1919 г. — Сочинения, т. XXIV, стр. 364.

² Ленин В. И., Соч., т. XVIII, стр. 13.

³ Сталин И., О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. Изд. 11, 1947, стр. 545.

В чём же «состоит та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?»

Такой силой исторический материализм считает способ добы-
вания средств к жизни, необходимых для существования людей, **способ производства материальных благ** — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться... **Орудия произ-
водства**, при помощи которых производятся материальные блага, **люди**, приводящие в движение орудия производства и осуществляю-
щие производство материальных благ благодаря известному **произ-
водственному опыту и навыкам к труду**, — все эти элементы вместе
составляют **производительные силы общества**»¹.

Археология как раз и является той наукой, которая добывает из земли и изучает **орудия производства** и предметы быта давно исчезнувших поколений и главным образом на изучении древних орудий труда строит свои выводы. Археологи извлекают из земли костные остатки **людей**, осуществлявших производство, и пере-
дают их для изучения антропологам; по этим данным мы получаем возможность судить о физических особенностях, об истории антро-
пологического развития людей с древнейших времён. Археология как раз и является той наукой, которая изучает историю развития **техники человека с первобытных времён**, степень его **производ-
ственного опыта и навыков к труду**; многочисленные остатки материальной культуры нередко с большой полнотой и ясностью представляют в распоряжение археолога эти данные.

О роли изучения орудий труда в деле восстановления основных этапов истории далёкого прошлого, и в особенности древней-
шего прошлого, первобытности, мы находим у классиков марк-
сизма чрезвычайно определённые, ясные высказывания.

«Труд начинается с изготовления орудий», — говорит Энгельс².

«Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда», —
говорит Маркс, — и потому Франклин определяет человека как животное, делающее орудия. Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения общественно-экономических формаций... Средства труда³ не
только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показа-

¹ Сталин И., О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. Изд. 11, стр. 550.

² Энгельс Ф., Роль труда в процессе очеловечения обезьяны — Диалектика природы, 1946, стр. 139.

³ Под «средствами труда» Маркс понимает главным образом орудия про-
изводства. — О. Б.

тель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹.

В соответствии с только что сказанным, «производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ.

Первая особенность производства состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причём изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада...

Это означает, что история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей...

Значит, **первейшей задачей исторической науки** является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»².

Экономическое развитие первобытных, так сказать, «ископаемых» обществ, основа их хозяйства и последовательные изменения этой основы фиксируются археологией с большой точностью и объективностью путём изучения костей диких и домашних животных в культурном слое древних поселений, остатков жилищ и различных хозяйственных сооружений, различных древних изображений и т. п., а главным образом путём изучения орудий труда из древних поселений и могильников.

«Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится»³, какими орудиями труда.

Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства. Производительные силы являются, стало быть, наиболее подвижным и революционным элементом производства. Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, в зависимости от этих изменений и соответственно с ними — изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей»⁴.

¹ Маркс К., Капитал, т. I, 1935, стр. 121.

² Сталин И., О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. Изд. 11, стр. 551, 552.

³ Маркс К., Капитал, т. I, 1935, стр. 121.

⁴ Сталин И., О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. Изд. 11, стр. 552.

Отсюда вытекает возможность установления периодизации основных стадий развития хозяйства и общества на основе изменений производительных сил, выражающихся прежде всего в изобретении новых орудий труда, в появлении новых видов производительной деятельности, в тех или иных новых крупных культурных завоеваниях. Такая периодизация была разработана Л. Г. Морганом на основании этнографических и археологических данных, использована и углублена Марксом и Энгельсом и приведена Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — основном сочинении марксизма по истории первобытного общества.

В. И. Ленин, используя новейшие достижения науки, развил эту периодизацию, возвел ее на высший этап, указав, что основными делениями первобытности являются: первобытное стадо и первобытная клановая (родовая) коммуна (община)¹.

Основываясь на учении о стадийном развитии общества, мы знаем, что если, например, северо-американские племена индейцев-ирокезов при первом знакомстве с ними европейцев находились на относительно примитивной стадии культурного развития, обозначенной у Энгельса как низшая ступень варварства², то большинством народов Европы, в силу неравномерности темпов исторического процесса, эта ступень была пройдена почти четыре тысячи лет назад. В современном быту, языке и старинных письменных документах, сочинениях древних авторов и летописях можно найти лишь скудные следы пережитков этой давно пройденной исторической ступени. И лишь археология, извлекая на свет многочисленные остатки той эпохи при раскопках мест древних поселений или могильников, позволяет нам составить себе вполне определённое представление о том, в какие конкретные формы выливалась эта историческая ступень в Европе и Азии, и рисует нам основные черты давно миновавшего здесь исторического процесса.

Необходимо отметить, что историческая картина первобытных времён, восстанавливаемая археологическими исследованиями, отличается от картины истории позднейших эпох. В свете дошедших до нас археологических источников исторический процесс рисуется не как чередование мелких или крупных событий и действий исторических лиц, а как преемственное развитие различных сторон и явлений общественной жизни от стадии к стадии, причём выявляются обычно лишь наиболее существенные изменения: узловые этапы в развитии производительных сил, существенные культурные успехи, изменения формы общин и т. д. Поэтому в первобытной истории, в перспективе подчас огромных хронологических периодов, важ-

¹ Ленин В. И., Письмо М. Горькому, декабрь, 1913 г. Соч., т. XVII, стр. 85 и Ленин В. И., Государство и революция. Соч., т. XXI, стр. 375.

² Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства.

нейшее историко-культурное содержание исторических этапов и основные закономерности развития выступают особенно выпукло и наглядно.

История первобытного общества показывает **историчность** всех общественных формаций, в том числе и классового общества, частной собственности, буржуазного государства; история первобытного общества показывает, что было время, когда не было ни частной собственности, ни классов, ни государства, «что эти категории вовсе не коренятся в неизменной якобы природе вещей, а преходящи и исчезнут поэтому везде, где они возникли когда-то в конце первобытной истории. Отсюда классовая ненависть буржуазной науки к подлинно-научной марксистско-ленинской истории первобытного общества» (В. И. Равдоникас). Далее, история первобытного общества изучает и показывает причины возникновения всех устоев современного классового общества, а следовательно, помогает выяснению путей и способов его уничтожения. Наконец, знакомство с первобытной историей рассеивает туман религиозных представлений, служащих на пользу эксплуататорских классов, и служит могучим средством в антирелигиозной борьбе, способствуя изживанию пережитков капитализма в сознании людей и формированию материалистического мировоззрения.

В свете всего вышесказанного делается понятным, почему основоположники марксизма-ленинизма много занимались историей первобытного общества и сами разрабатывали её. Они применили свой метод к изучению первобытности и разработали глубоко продуманное учение об истории первобытного общества и возникновении государства. Они придавали большое значение археологии и пользовались в своих работах её данными.

Отсюда же нам станет понятным, почему у нас после Великой Октябрьской революции археологические памятники были национализированы и взяты под охрану государства. В 1919 г. по инициативе В. И. Ленина был создан советский центр археологической науки и охраны культурных сокровищ нашей страны—Российская академия истории материальной культуры. Одновременно в СССР были созданы многочисленные научно-исследовательские институты, музеи и краеведческие организации, которые повели из года в год планомерные археологические исследования по поручению и на средства государства и добились огромных результатов, оставивших далеко позади достижения в этой области знания не только царской России, но и современных буржуазных государств.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СССР

I

Национализация научных памятников в СССР и организация их изучения

При широчайших возможностях, созданных для развития науки в Советском Союзе, археологии придаётся такое значение и для изучения её созданы такие условия, как ни в одном из буржуазных государств.

В этих последних, как это было и у нас до Октябрьской революции, археологические памятники являются собственностью частных лиц, на земле которых они находятся. Так, в законах гражданских царской России говорилось: «По праву полной собственности на землю владелец имеет право на все произведения её, на всё, что заключается в недрах её», и т. д. Поэтому на всякого рода археологические изыскания и раскопки непременно нужно было получить согласие собственника земли. Памятники старины, скрытые под землёй, не отличались дореволюционным законом от кладов. «Клад (сокрытое в земле сокровище) принадлежит владельцу земли, — читаем мы в старом законе, — и без позволения его не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может...» Такие условия создавали подчас непреодолимые препятствия для организации серьёзных исследований и даже охраны памятников. Одиноко звучали голоса отдельных русских учёных, призывавших к сохранению памятников культуры: «Необходимо принять к сердцу памятники старины, потому что они не ждут, а гибнут, и гибель их есть бедствие для науки и для чести государства» (А. А. Спицын). В капиталистических странах эти условия налицо и в наши дни.

У нас 28 октября 1917 года декретом II Всероссийского съезда Советов все земли были признаны государственной собственностью вместе со всеми их недрами. Тем самым было устранено основное препятствие для развития широких археологических исследований. Вслед за тем Советским Правительством был создан ряд государ-

ственных научных организаций, в обязанность которых было вменено планомерное изучение археологических памятников нашей родины. 18 апреля 1919 года лично В. И. Лениным был подписан декрет об учреждении Российской академии истории материальной культуры (ныне институт того же имени в составе Академии наук СССР). В число функций этого учреждения декрет включил научную охрану археологических памятников и научный контроль за производством археологических исследований в РСФСР.

Все эти мероприятия привели за четверть века к исключительно крупным достижениям советской археологии и, одновременно, к коренной перестройке её на основе марксистско-ленинской методологии, которая вывела её на путь широких исторических обобщений.

2

Законоположения Советского Правительства по учёту и охране памятников старины

Советским правительством был разработан и опубликован ряд законов по учёту, охране и изучению памятников старины. Этими законами подчёркивается большое научное значение археологических памятников и безусловно воспрещается их разрушение; раскопки их без соответствующего разрешения караются по закону, как уголовное преступление; разрешения на раскопки — особые открытые листы — выдаются единым центральным органом, в настоящее время Комитетом полых исследований Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

Ранее изданные законы были подтверждены 14 октября 1948 года постановлением Совета Министров СССР за № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», подписанным И. В. Сталиным. Это постановление вместе с приложенным к нему «Положением об охране памятников культуры» является ныне действующим законом. В нём говорится:

«Все находящиеся на территории Союза ССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным народным достоянием и состоят под охраной государства». В числе других памятников культуры государственной охране подлежат ...«**памятники археологии:** древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надгробные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также находимые древние предметы»...

Руководство и контроль за постановкой дела учёта, охраны, реставрации и использования археологических памятников осу-

ществляется Комитетами по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик. В соответствии с этим... «Советы Министров автономных республик и исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся, на территории которых имеются археологические памятники, обязаны через местные органы Комитетов по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик:

а) осуществлять надзор за тем, чтобы археологические разведки и раскопки производились исключительно лицами, имеющими на то право в соответствии с полученными ими разрешениями («Открытыми листами»);

б) не допускать использования в качестве строительного материала, а также раскопки или разрытия в каких-либо хозяйственных целях археологических памятников (например, остатков древних городов, городищ, курганов, могильников и проч.);

в) установить вокруг археологических памятников охранные зоны, в зависимости от размера и значения памятников, которые должны оставаться неприкосновенными;

г) решительно пресекать самовольные раскопки и другие действия, влекущие разрушение археологических памятников».

В то же время, с самого начала законодательство и практика охраны опирались также на краеведческие организации и на местные музеи как на низовые органы охраны, кровно в ней заинтересованные. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1924 года (СУ 1924, № 18, ст. 179) «все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруживаемые при земельных работах или на поверхности земли при осыпях, размывании и проч., должны обязательно сдаваться в ближайшие государственные музеи». Отсюда и вытекает роль наших музеев в деле охраны памятников. «Музеи своими выставками и экскурсионной работой прививают массам первичные знания по древнейшей истории нашей родины, показывают им, какое огромное значение имеют для этой области знаний исследование и изучение археологических памятников. В музеи поступают вещи, добытые раскопками центральных и местных археологических учреждений, нередко и сами музеи организуют и с успехом проводят полевые археологические изыскания... На музеях лежит почетная задача сохранять, реставрировать и экспонировать для масс добытые с большой затратой исследовательского труда и государственных средств коллекции»¹.

Руководители земляных и прочих работ, в процессе которых случайно обнаруживаются те или иные археологические памятники, обязаны принимать решительные меры к тому, чтобы найденные памятники не подвергались разрушению, а о сделанных находках немедленно ставить в известность ближайшее научное учреждение и сдавать их туда для дальнейшего направления их в музей.

¹ «Итоги и перспективы развития советской археологии». Сборник ИИМК, 1945.

Исключение делается только в отношении старых монетных кладов. В «Положении об охране памятников культуры», приложенном к указанному выше постановлению Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года сказано: «Все находки древних монет в кладах должны передаваться Академии наук СССР или академиям наук союзных республик, которые обеспечивают учёт, научное описание кладов и распределение образцов монет из них для хранения в музеях».

Органы власти на местах обязаны не допускать самовольных раскопок без открытого листа Академии наук и привлекать лиц, виновных в их производстве, к ответственности по закону.

Вопросы охраны памятников в условиях развёрнутого социалистического строительства и роль советской общественности

В условиях развёрнутого капитального строительства последних пятилеток, когда в зоне наших крупных новостроек некоторое число археологических памятников неизбежно оказывалось на трассе земляных работ или на площади, подлежащей затоплению, — советское государство обеспечило сохранение этих памятников для науки путём их обязательного предварительного изучения.

С этой целью в постановление ВЦИК и СНК от 10 февраля 1934 года «Об охране археологических памятников» (СУ 1934, № 9, ст. 52) был включён особый пункт:

«2. В тех случаях, когда Комитетом по охране памятников при Президиуме ВЦИК дано разрешение на уничтожение или использование археологического памятника, Наркомпросом РСФСР или по его поручению Наркомпросами АССР, краевыми, областными отделами народного образования устанавливается объём необходимых работ по научному изучению и фиксации данного памятника (раскопки, фотографирование, обмер, передача вещественных находок музеям и пр.), а также указываются научные учреждения, на которые возлагается выполнение этих работ.

Расходы по изучению и фиксации памятников относятся за счёт учреждений, использующих эти памятники».

С целью доведения этого и предыдущих законов Правительства до низовых организаций, непосредственно ведающих теми или иными строительными работами, был издан целый ряд постановлений по различным ведомствам. Таковы постановления: Госплана по сектору водных ресурсов (8.X-1932 г.), по Главгидроэнергострою (26.II-1935 г.), по Главному управлению металлургической промышленности (19.V-1934 г.), по Главводхозу (1933 г.), по Главторффу (3.III-1935 г.), по Центральному управлению пути и сооружений НКПС (19.II-1936 г.).

Благодаря этим актам, множество ценнейших памятников спасено для науки и сделаны интереснейшие научные открытия.

Исходя из приведённого закона от 10.II-1934 года, наши крупнейшие научно-исследовательские учреждения бросили все воз-

можные силы на выполнение срочно выдвигаемых жизнью работ по обслуживанию зон новостроек. Основной целью таких исследований является выявление и обследование памятников в зоне капитальных работ и затем проведение детального исследования — раскопок ценнейших из них, чем достигается сохранение их для науки. Научные достижения этих «новостроечных» археологических экспедиций огромны.

В постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года включён особый пункт:

«В тех исключительных случаях, когда даётся разрешение на снос или переделку памятников культуры, орган охраны, в ведении которого он находится, обязан организовать работы по завершению научного исследования и фиксации данного памятника (раскопки, фотографирование, обмеры, составление чертежей, передача вещественных находок музеям и пр.).

Связанные с этим расходы относятся за счёт учреждений, получивших разрешение на снос или переделку этих памятников».

В деле выявления и предварительного описания археологических памятников, находящихся в зонах новостроек и могущих оказаться под угрозой разрушения, работы краеведов могут сыграть, а местами и сыграли существеннейшую роль. Мы несколько задержались на изложении важнейших мест из постановлений правительства об охране памятников и указали даты аналогичных постановлений по различным ведомствам из тех соображений, чтобы низовые советские культурно-просветительные организации, а также отдельные представители нашей краеведческой общественности могли использовать их в деле охраны памятников и в разъяснительной работе на местах, дальнейшее развитие которой необходимо. Не подлежит сомнению, что, помимо принятия соответствующих административных мер, огромное значение в деле учёта и охраны памятников имеет подлинно сознательное отношение к этому делу со стороны широких масс населения. Только при этом условии ни одна находка, ни один обнаруженный памятник старины не пропадут для науки.

Все находки предметов археологического значения, сделанные при тех или иных строительных работах, распахке полей и т. п., равно как и сведения о вновь открытых археологических памятниках следует немедленно передавать в ближайший районный или областной музей, научную краеведческую организацию или специальное научное учреждение под расписку ответственного лица. Для Прикамья таким учреждением является Молотовский государственный университет, имеющий в своём составе Кабинет археологии.

Однако для успешного выполнения поставленных задач нужно научиться распознавать археологические памятники и усвоить методы их первичного научного описания. Необходимые сведения и указания приводятся ниже.

Глава III

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИЗУЧЕНИЕ ИХ В ПРИКАМЬЕ

1

Археологические памятники Прикамья

Археологические памятники — это различного рода вещественные остатки, сохранившиеся в земле или на её поверхности от миновавших исторических эпох. Археологические памятники — это места древних поселений и разрушенных древних городов, сохраняющие под землёй многочисленные остатки прежней жизни, а над землёй, нередко, следы архитектурных сооружений, крепостных валов, рвов и т. п.; это — места древних погребений, могильников, сохраняющие в земле человеческие скелеты и различные вещи, положенные вместе с трупами в силу веры в загробную жизнь; это — разнообразные надгробные сооружения в виде каменных столбов, изваяний, земляных или каменных курганов, каменных ящиков, дольменов; это — древние рудники, шахты, в которых человек добывал полезные ископаемые; это — пещеры, в которых человек не только жил, но и оставлял на их потолках и стенах свои рисунки; это — древние наскальные изображения, «каменные бабы», жертвенные и обрядовые места и т. п. Наконец, сюда же относятся различные клады и находки отдельных предметов — каменных, металлических, костяных, глиняных и прочих предметов домашнего обихода, орудий труда, оружия. Но основное значение имеют древние поселения и могильники, раскрывающие наиболее полно сложную совокупность бытовых и культурных черт оставивших их, давно исчезнувших обществ. Более подробная характеристика их приводится ниже в этой же главе.

В Прикамье имеются не все перечисленные категории археологических памятников. Здесь можно встретить палеолитические стоянки (в частности, пещерные), неолитические стоянки, поселения бронзовой и различных этапов железной эпохи; укрепленные поселения-городища с остатками земляных валов, рвов, а иногда и каменных сооружений; могильники различных эпох от неолита до современности, состоящие как из насыпных курганов (в степной и

лесостепной полосе), так и из грунтовых могил; древние рудники; наскальные рисунки; каменные изваяния людей и животных; жертвенные места на высоких холмах, вершинах скал и в пещерах; разного рода клады, в том числе захоронения древних серебряных сосудов, главным образом иранского происхождения, которыми особенно славится Прикамье.

О наружных признаках и содержании перечисленных памятников будет сказано ниже.

Сейчас в Прикамье зарегистрировано около полутора тысяч археологических памятников. Местному населению, без сомнения, известно их несравненно больше. И ещё большее их число остаётся лежать неведомым в земле.

2

Остатки древних поселений и их раскопки

Археологические памятники распадаются на две основные, наиболее распространённые группы: это места древних поселений и места погребений, могильники. Остановимся сначала на первых.

На каждом месте, где более или менее длительное время живут люди, неизбежно остаются следы их пребывания в виде остатков жилищ, костров, потерянных или брошенных предметов, орудий труда, различных принадлежностей домашнего обихода, как например, черепков глиняной посуды, отходов пищи в виде костей животных и пр. Если на поселении жили долго, то подобные культурные остатки, скопляясь и смешиваясь с землёй, образовывали постепенно более или менее мощный слой, окрашенный перегноем от сгнивших органических остатков, примесью угля и т. п. в тёмный, иногда почти чёрный цвет. Этот слой археологами называется культурным слоем. Вполне аналогичный описанному процесс постепенного образования культурного слоя мы до сего времени можем наблюдать везде, где всякого рода отбросы не убираются, а остаются на месте.

Культурный слой на обнажении, скажем, на береговом обрыве, обыкновенно выделяется хорошо заметной тёмной лентой.

Впрочем, в некоторых случаях культурный слой оказывается слабо окрашенным или даже совсем не окрашенным; особенно часто это бывает на палеолитических стоянках или на неолитических стоянках, расположенных на поверхности песчаных дюн, когда весь гумус из слоя успел выщелочиться. Тогда культурный слой устанавливается исключительно по наличию в нём культурных остатков.

Исследование культурного слоя путём тщательных раскопок даёт обычно весьма разнообразный, сложный материал, позволяющий делать заключения относительно размеров и планировки древнего поселения, формы и величины жилищ (большею частью земляных), относительно форм хозяйства обитателей поселения (по назначе-

нию найденных орудий труда, остаткам костей диких и домашних животных и т. п.). А уже по всем этим заключениям вместе взятым, основываясь на учении о стадийном развитии, возможно делать выводы и относительно той стадии общественного развития, на которой находились обитатели поселения.

3

Что дают раскопки могильников

Места древних погребений или могильники могут быть подразделены у нас на две крупные категории. К первой относятся могильники, погребения которых отмечены насыпями в виде курганов; ко второй — могильники, могилы которых в настоящее время ничем не отмечены с поверхности, и такие могильники в Прикамье преобладают. Имеются в Прикамье и погребения в пещерах.

Бескурганные могильники с грунтовыми могилами обнаруживаются с ещё большим трудом, чем древние поселения, ибо они даже не имеют сплошного пласта культурного слоя. Лишь находки человеческих костей и сопровождающего их могильного инвентаря говорят о наличии здесь древнего могильника.

Изучение могильников также даёт нам многое для представлений о древнем обществе, но представлений о других сторонах его жизни, не тех, что обнаруживаются на поселениях; поэтому изучение каждого древнего общества желательно вести и по остаткам его поселений, и по могильникам одновременно. Изучение могильников, доставляющее также скелетный палеоантропологический материал, даёт представление о физическом облике населения изучаемой территории в каждую историческую эпоху, что представляет часто значительный научный интерес. Изучение могильников позволяет судить об идеологических представлениях первобытного общества, так как погребения и их ритуал всегда были связаны с определённой системой религиозных представлений. Наконец, погребения нередко являют признаки имущественной дифференциации в обществе, говорят также о наличии у него тех или иных производств, об отношении к ним мужской и женской части общества и т. д., и т. п.

4

Что даёт изучение прочих древних памятников Прикамья

Из прочих категорий древних памятников остановимся только на некоторых. Наскальные рисунки относятся к числу памятников первобытной идеологии. В Прикамье они очень плохо изучены. В то же время исчезновение их идёт особенно быстро, поэтому с фиксацией и описанием их надо особенно торопиться. Жертвенные места на холмах и в пещерах для Прикамья характерны; изучение их проливает свет на верования первобытного населения.

Особый интерес имеет изучение древних рудных разработок, рудников; на Урале они были найдены не раз. В области Прикамья

они имеют обычно вид полузаплавившихся ям со следами выбросов рядом на поверхности или даже без них. Их изучение может иметь в некоторых случаях даже практический интерес для нашей промышленности. Не надо забывать, что в отдалённом прошлом разрабатывались лишь месторождения с высоким процентным содержанием металла, а покидаться они могли не только по причине выработки, но и по различным причинам исторического порядка. На Урале имеются тысячи заброшенных месторождений ценного сырья; многие из них далеко не потеряли промышленного значения, но они совершенно забыты.

В качестве примера того, как археология может содействовать розыску важнейших ископаемых, приведём следующий: на Северном Урале часты находки древних бронзовых предметов, покрытых оловянной полудой. Это говорит об обилии там местного олова, притом, в близких от поверхности месторождениях; о привозном же олове в те времена, да к тому же на Северном Урале, не могло быть и речи. Картографирование указанных древних предметов с оловянной полудой позволяет очертить определённый, довольно узкий район, куда и должны быть направлены поиски геологических партий.

5

Понятие об ископаемых культурах

Тысячи изучавшихся археологами древних поселений, могильников и других памятников удалось постепенно сгруппировать по их сходству между собой. Поселения и могильники, на которых найдены очень сходные, иногда почти тождественные по форме, материалу и обработке орудия труда, черепки глиняной посуды, одни и те же типы жилищ, погребального ритуала и т. п., могут с полным правом быть отнесены к одной эпохе и, больше того, могут расцениваться в качестве памятников, оставшихся от связанного каким-то историческим единством, родственного населения.

Такие близкие по культуре памятники часто объединяются археологами в понятие древней ископаемой культуры; это условное обозначение заменяет собою давно забытые, исчезнувшие исторические имена древних обществ, создавших ту или иную культуру.

Близкие по культуре памятники обыкновенно расположены не очень далеко один от другого и при нанесении на карту обрисовывают определённую территорию, иногда небольшую, чаще значительную, включающую несколько наших современных областей.

Таким образом археологи получают возможность не только устанавливать особенности быта, формы хозяйства и общественной жизни древнего населения на различных ступенях его исторического развития, но, в известной мере, проследить территории распространения древних племён или других давно исчезнувших крупных социально-экономических образований прошлого.

Абсолютная и относительная хронология

Но как археологи устанавливают время существования того или иного памятника, каким образом они его датируют? А, ведь, датировка — это одно из первых необходимых условий изучения археологических памятников, ибо без неё мы не сможем расположить их в последовательном хронологическом порядке и никогда не получим истинной и ясной исторической картины.

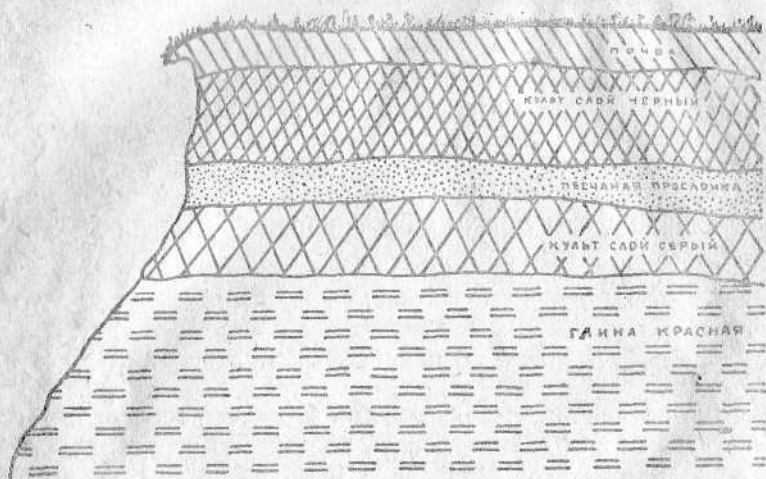


Рис. 1. Разрез двух культурных слоев, обнажающихся на обрыве.

Вопрос датировки решается сравнительно легко и просто, если на относительно позднем поселении или могильнике найдены, например, монеты, год чеканки которых почти всегда известен. Учитывая возможность некоторого переживания монет во времени, мы всё же можем с их помощью более или менее точно установить дату и древнего поселения или другого памятника, на котором они найдены. Дальше, если остатки материальной культуры, тождественные тем, которые найдены на таком хорошо датированном поселении, обнаружены на другом поселении, то хоть на последнем и не сделано находок монет или других точно датирующих предметов, всё же есть основание и второе поселение относить приблизительно к тому же времени.

С другой стороны, древнейшие поселения человека, относящиеся ещё к каменной эпохе и отстоящие от нас во времени на тысячи лет, не могут, как в предыдущем примере, датироваться с точностью в абсолютных цифрах лет; другими словами, абсолютная хронология применима к ним лишь условно. Поселения каменной

эпохи, в особенности палеолитические, залегают нередко под довольно значительными толщами позднейших отложений: ледниковых и речных наносов, торфа и т. п. Для датировки таких поселений археологам приходится отчасти прибегать к геологии, палеонтологии, палеоботанике и т. д. Впрочем, теперь, когда вопросы хронологии ископаемых культур разработаны довольно хорошо, эти науки нередко сами обращаются за датами к археологии.

Древние поселения, относящиеся к огромным по протяжению дописьменным периодам, никогда не получают точной датировки по находкам монет или письменных палеографических памятников. По отношению к ним большое значение приобретает так называемая относительная хронология, то есть определение старшинства одних поселений относительно поселений другой группы. Могут быть такие случаи, когда на одной и той же территории прослежены две группы поселений, причём они не только не могут датироваться в абсолютных цифрах, но даже трудно с достоверностью определить, какая группа поселений существовала раньше, какая позднее. Лучшим разрешением подобного вопроса является находка такого места, где присутствуют оба культурные слоя (рис. 1). Тогда более древним должен быть сочтён тот, который залегает ниже, верхний же — более поздний. Так археологам удаётся привести в относительный порядок во времени многочисленные и часто вначале неясные находки древних поселений. Понятно, что только после этого можно восстанавливать общую картину и изучать закономерность сменявшихся исторических стадий развития общества.

7

К истории археологического изучения Прикамья

Археологические памятники Прикамья и Урала очень рано стали привлекать к себе внимание местного населения и даже далёких от Урала центров. Так, ещё в XIV веке «серебро закамское», под которым можно подразумевать богатые и обильные тогда находки сасанидских и византийских сосудов и других драгоценных предметов, сделалось поводом для конфликта между Новгородом и Москвой и не раз фигурировало в старинных документах последующего времени. Раскопки наших лет показали, что большая часть богатых погребений IV—IX веков (харинской и ломоватовской эпох) была ещё в старину разграблена. Так, в 1721 году учёный путешественник Мессершмидт отметил, что раскопки составляли обычный промысел зауральского населения, тамошние курганы давали предметы из драгоценных металлов, и жители кладовискатели целых поселений назывались «бугорщиками». Пётр Великий, один из первых собирателей древностей в России, не раз посылал своим сибирским (в том числе уральским) воеводам указы, запрещающие грабить древние могилы и переплавлять находимые в них вещи. В то же время царское правительство, запрещая частные

раскопки, пыталось направить их в свою пользу. Так, в Долматовском монастыре сохранилась запись, что в 1712 году шадринский воевода послал во владения монастыря как знатоков этого дела «отставного драгуна Михаила Слободчикова да крестьянина Макара Лобова с товарищами, для принску, при вспоможении бобылей монастырских, золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей для казны государевой». Лишь немного, что в тот период не попало в переплавку, было передано в первый русский музей — петровскую кунсткамеру. Воеводы, ссылаясь на царские указы, вымогали от кладоискателей за бесценнок или за водку старинные вещи из серебра и золота и плавили их сами. Конечно, для этого периода не может быть и речи о научном познании археологических памятников, являвшихся исключительно объектами кладоискательства.

Однако необходимо отметить, что именно времени Петра Великого принадлежат первые законодательные мероприятия по разысканию археологических памятников, а его сподвижнику, знаменитому историку и горному начальнику на Урале В. Н. Татищеву — едва ли не первая в мире инструкция по добыванию старинных вещей из земли.

В первой половине XVIII века Страленберг, используя сведения о многочисленных находках древней серебряной посуды в Прикамье, развивал в печати воззрения скандинавских учёных XVII и XVIII веков о существовании богатой и славной страны Биармии, о которой говорят древние скандинавские саги и записи. Страленберг помещал Биармию в области Перми Великой, то есть на Верхней Каме, и считал, что по Каме пролегал древний торговый путь из Индии к Белому морю.

Начало научного описания древних памятников Прикамья и Урала относится ко второй половине XVIII века, ко времени знаменитой «Второй академической экспедиции», имевшей целью широкое комплексное естественно-историческое описание различных областей России. Академики И. И. Лепёхин в 1771 году и П. С. Паллас в 1770 и 1772 годах осмотрели и описали некоторые уральские пещеры с древними следами пребывания в них человека. Паллас впервые сообщил о «чудских копах» — следах древних разработок меди на Урале. В 1772 году академик И. Г. Георги обследовал, а в 1775 году подробно описал некоторые камские и чусовские городища. Особенно много сведений о городищах содержится в «Журнале» Н. П. Рычкова (1776 г.), объехавшего в 1770 году по поручению Палласа Волгу и Каму. Рычков впервые в русской литературе приводит планы городищ. Поражённый обилием древних городищ в районе Чердыни, он присоединился к Страленбергу, помещая здесь Великую Биармию скандинавских саг. Эти положения Рычкова были восприняты многими русскими историками конца XVIII и начала XIX века. Так, Чулков писал о «великом биармийском государстве», простиравшемся от Урала до Белого моря. Другие историки, наоборот, доказывали фантастичность, необоснованность этой гипотезы.

С целью проверки предположений о Великой Биармии были произведены первые в Прикамье археологические раскопки. Автором их был чиновник Пермской казённой палаты В. Берх, раскопавший в 1818 и 1819 годах Урольское и Искорское городища близ Чердыни. Он обнаружил там остатки плавильных печей, железных предметов, медные серьги и серебряное кольцо. «Ежели бы жители местностей сих, — писал Берх, — были действительно на такой степени просвещения, на которой нам хотят представить, то памятники величия их, например, признаки больших городов и значительных развалин, достигли бы, и до наших времён». Приводя далее древние свидетельства новгородцев о населении Заволочья, как о «грубых» племенах, живших звериной и рыбной ловлей, Берх объявил теорию Биармии «плодом фантазии». Здесь надо сказать, что если теория Биармии в стиле Чулкова и других, без сомнения, плод научной фантазии, то и Берх явно преуменьшил уровень древней культуры Верхнего Прикамья. Бесчисленные археологические находки, сделанные на этой почве за последнее столетие, говорят о существовании здесь своеобразной и по-своему очень богатой культуры, отражающей период разложения первобытно-общинного строя.

С начала XIX века в местных изданиях начинают появляться сведения об археологических памятниках и находках. Таково «Хозяйственное описание Пермской Губернии» Н. С. Попова (1811 г.), статьи в газете «Пермские Губернские Ведомости», «Дорожные записки» Мельникова (1838 г.) и другие.

С тридцатых годов прошлого века начала собираться замечательная коллекция пермских древностей, известная впоследствии под именем коллекции Теплоуховых.

Обилие случайных археологических находок в Верхнем Прикамье побудило владельца огромных имений в Пермской губернии графа С. Г. Строганова, будущего председателя Археологической комиссии в Петербурге, обратиться в село Ильинское к своему управляющему В. А. Волегову с письмом и подробной инструкцией о сборе этих находок и наблюдении над ними. Волегов положил в Ильинском начало будущей огромной коллекции, но часть вещей отсылал владельцу в Петербург, где из них составила интересная коллекция, ныне хранящаяся в Государственном Эрмитаже. В 1864 году коллекция в Ильинском перешла в руки А. Е. Теплоухова, так же, как и Волегов, бывшего крепостного Строгановых, а в 1885 году — к его сыновьям. К 1890 году собрание Теплоуховых содержало уже около 7000 предметов. В настоящее время основная часть этой замечательной коллекции хранится в Молотовском областном музее, но теплоуховский «Дневник», который содержит подробные записи о памятниках и которому дал высокую оценку ряд крупных учёных, не будучи издан, пропал и лишь год назад был обнаружен в Ленинграде.

Круг вопросов, занимавших в середине прошлого века первых исследователей археологии Прикамья, ограничивался немногими

проблемами, вытекавшими из ранних письменных источников: это легенда о Биармии, культурные остатки камско-волжских «серебряных» болгар, прошлое Казанского и Сибирского татарских ханств, неясные сведения о народах, живших к северо-востоку от скифов, сообщаемые греческим историком V века до нашей эры Геродотом и т. п. Первоначально именно с этими вопросами стремились связывать и быстро накапливавшиеся археологические находки, часто относившиеся к более ранним эпохам.

В 1858 году чиновник Удельного ведомства П. В. Алабин раскопал замечательный могильник у села Ананьина, близ Елабуги. За один день было вскрыто 48 погребений; при такой быстроте раскопок, совершенно недопустимой, не могло быть и речи о тщательном исследовании. Алабин правильно отнёс Ананьинский могильник к добулгарской эпохе. Его открытие — первое крупное открытие в Прикамье — вызвало многочисленные отклики крупнейших учёных того времени (Эйхвальд, Невоструев), которыми и были установлены истинная датировка Ананьинского могильника — середина первого тысячелетия до нашей эры — и черты сходства его культуры со скифской.

Следствием повышения научного интереса к древностям, вызванного раскопками в Ананьине, были новые раскопки, в Прикамье. Тот же П. В. Алабин в 1864 году и П. И. Лерх в 1865 году производили раскопки городищ Вятской губернии, а К. И. Невоструев дал описания некоторых городищ Прикамья и Поволжья, причисляя все их к булгарским и казанско-татарским памятникам.

Первый археологический съезд, собравшийся в 1869 году в Москве, дал существенный толчок к изучению древностей и в Восточной России. Но особенно большую роль в этом отношении сыграл IV археологический съезд, собравшийся в 1877 году в Казани. После него археологические исследования на востоке стали быстро развиваться. В восьмидесятых годах произведены многочисленные раскопки, в том числе первые систематические, вполне научные исследования. Они заложили прочное основание для развития научной археологии на Урале и в Поволжье.

Необходимо отметить, что в Поволжье и на Урале во второй половине XIX века археологические работы производились главным образом инициативой и силами местных, а не центральных работников, причину чего можно видеть прежде всего в удалённости этих областей от центров страны. Исследователи-археологи Поволжья, Прикамья и Урала ставили своей задачей изучение местных памятников древности и самостоятельно разрешали её, чего не наблюдалось в провинциальных центрах Средней России, почти целиком обслуживавшихся специалистами Москвы и Петербурга. В Прикамье и на Урале рано сложилась самостоятельная археологическая традиция. Её центрами стали Казань, Вятка, Пермь, Екатеринбург.

В 1870 году О. Е. Клером в Екатеринбурге было основано

Уральское общество любителей естествознания. Оно развернуло очень широкую и плодотворную деятельность, включив в свою программу также и археологию Урала; в сферу этой деятельности попало и Прикамье. Здесь вёл исследования член УОЛЕ М. В. Малахов, а позднее, в 1890 году, в Перми был основан музей отделения УОЛЕ, ныне Молотовский областной музей.

В Казани в 1878 году при университете было основано Казанское общество археологии, истории и этнографии, развернувшее в Прикамье энергичную археологическую деятельность. Оно сумело объединить вокруг себя не только научных деятелей, но и любителей-собирателей, благодаря чему, и деятельность последних пошла по более научному пути, а собранные ими коллекции послужили ценным научным источником. Так, например, казанский купец В. И. Заусайлов собрал очень большую и чрезвычайно интересную коллекцию древностей каменного и бронзового веков, попавшую затем из Казани в Гельсингфорс.

Из работников Казанского общества археологии, истории и этнографии следует упомянуть С. М. Шпилевского, работавшего над городищами, Н. Ф. Высоцкого и А. А. Штукенберга, исследовавших и собиравших остатки каменного века в Казанском крае и даже в Тиманской тундре (Штукенберг, 1874 г.). Особенно большое значение имели работы А. Ф. Лихачёва и П. А. Пономарёва.

А. Ф. Лихачёв, крупный любитель-коллекционер, поставил проблему доболгарских памятников и ещё в семидесятых годах сделал первые шаги к её разрешению. За ним в восьмидесятых годах П. А. Пономарёв провёл целую серию раскопок, которыми выявлены разновременные памятники доболгарской эпохи. Раскопки Пономарёва, отличавшиеся исключительной тщательностью, затронули Ананьинский могильник (1881 г.), «костеносное» городище у деревни Сорочьи Горы (1881 г.), близкое, по его мнению, ананьинской культуре; богатый могильник у села Пьяный Бор близ устья реки Белой, давший имя особой культурной стадии (1881 г.); далее, пьяноборский же могильник «Атамановы кости» на реке Вятке (1888 г.); могильник бронзовой эпохи у села Маклашеевки и др. В классификации древних культур Прикамья Пономарёвым сделан крупный шаг вперёд: доболгарские памятники он разделил на три крупные группы: ананьинскую, костеносную и пьяноборскую, придавая этим группам хронологическое значение и считая Ананьинский могильник памятником приалтайской культуры. Вопросы о взаимоотношении людей металлической культуры Прикамья с сибирским миром и скифами касался в своих работах и А. Ф. Лихачёв, основываясь преимущественно на литых из бронзы украшениях, выполненных в своеобразном «зверином» стиле. Он же открыл в 1878 году первые стоянки с каменными орудиями в окрестностях Казани. П. И. Кротов, изучая каменные сверлённые топоры в Яранском уезде Вятской губернии, пришёл к выводу, что далеко не все каменные орудия принадлежат здесь каменному веку.

В Вятке по выявлению и описанию археологических памятников немало было сделано местным губернским статистическим комитетом. В Вятке же началась деятельность А. А. Спицына, впоследствии знаменитого русского археолога, тогда учителя местной гимназии. В восьмидесятых годах он составил сводное описание и общий обзор всех известных в то время археологических памятников Вятской губернии; такой тип работы был в то время совершенно новым и получил одобрение ближайшего же археологического съезда.

В Уфе так же, как и в Вятке, большую положительную роль в интересующем нас вопросе сыграл в то время губернский статистический комитет. Член его Р. Г. Игнатьев производил раскопки курганов железного века. В 1879 году по поручению Комитета антропологической выставки в Москве исследованиями поздних курганов занимался в Уфимской губернии И. Д. Нефёдов.

В Пермской губернии, как отмечалось, развернулась интенсивная собирательская деятельность Теплоуховых. А. Е. Теплоуховым в восьмидесятых годах начата также научная обработка и публикация описания собранной коллекции как у нас, так и за границей. Публикуя материал о Кудымкарском городище, А. Е. Теплоухов впервые у нас дал попытку классификации орнаментов глиняной посуды и впервые же отметил большую разницу между керамикой Предуралья и Зауралья, тем самым проведя важную культурную грань. В 1880 году А. П. Ивановым произведён осмотр многих археологических памятников на Верхней Каме и впервые указаны находки там каменных орудий.

Для первого периода развития археологической науки на Урале характерно понятие «чуди», основанное на широко распространённом народном предании, согласно которому «чудь» (или «чудак») обитала в этой области до прихода русских, и все находимые в земле древние предметы являются «чуждскими». Большинство учёных того времени отождествляло «чудь» и древние племена северной и восточной полосы, а также Северной Сибири, с финнами. А. А. Спицын называл «чуждскими» лишь памятники железной эпохи.

Однако уже в восьмидесятых годах началась реакция против этого сбивчивого термина. Так, М. В. Малахов совершенно отбрасывает термин «чудь», как ненаучный и очень по-разному понимавшийся. А. Ф. Лихачёв же указал, что обозначение «чуждской» в народном представлении равнозначно выражению «доисторический», поэтому и «чудь» нет никаких оснований связывать с какой-либо определённой народностью.

С 1884 года во многих губернских городах России организуются учёные архивные комиссии, которые повели систематические, часто энергичные работы и по археологии. В их числе вскоре оказалась и Пермская учёная архивная комиссия. Тогда же создаётся ряд провинциальных музеев, в том числе Казанский и Пермский (1890 г.).

В 1893 году выходит из печати большая работа А. А. Спицына «Археологические изыскания в Вятской губернии», где он характеризует последовательную смену ископаемых культур. В те же годы появляется много статей других исследователей Прикамья, в том числе Ф. А. Теплоухова, осветившего многие вопросы позднейшей археологии Верхнего Прикамья с помощью своей великолепной коллекции.

Девяностые годы — время интенсивных и уже более систематических археологических исследований в Прикамье. В 1893 и 1894 годы вдоль течения рек Камы и Ветлуги вёл многочисленные раскопки И. Д. Нефёдов. В 1893 году на камских городищах и на могильниках X века у деревни М. Аниковой, Чердынского уезда, работал А. А. Спицын. В 1895 году раскопки известного могильника у Котловки вёл И. Н. Смирнов. Раскопками занимались также П. А. Пономарёв, В. К. Магницкий и др.

В 1898 году большую поездку по Волге и Каме совершил А. А. Спицын, тогда же вскрывший 218 погребений на богатом могильнике ананьинского типа близ деревни Зуевки, Вятской губернии, и два могильника пьяноборского типа у деревни Нырғында, позднейший могильник у деревни Броды, близ Кунгура, и др. В 1901 году в своём докладе в Русском археологическом обществе А. А. Спицын подвёл итоги предшествующим исследованиям в Восточной России и попытался выделить отдельные культуры. В том же году вышла из печати сводная работа А. А. Штуkenберга о памятниках медно-бронзового века в Волгокамье.

Вятские и камские исследования А. А. Спицына в бассейне реки Чепцы прекрасно дополняются работами Н. Г. Первухина, давшего детальное, хорошо иллюстрированное описание памятников, преимущественно городищ Глазовского уезда.

Многочисленные обследования и раскопки в Пермском Прикамье в 1894—1896 годах произвёл С. И. Сергеев (в том числе раскопки жертвенных мест у деревни Подбобыки, Чердынского уезда, и в Чанвенской пещере Соликамского уезда) и Н. Н. Новокрещенных в 1896—1898 годах, наиболее значительной работой которого были раскопки знаменитого Гладеновского костяща близ села Нижние Муллы, на Каме.

В девятисотых годах работы по археологии северо-востока, в том числе в Перми и в Казани, почти совершенно замирают. В 1900—1901 годах В. А. Борисов раскопал несколько могильников в Чердынском уезде, в том числе новый по типу могильник у деревни Хариной, оставшийся тогда без точной датировки. А. А. Спицын вскрыл в 1901 году Селянинский могильник в Кунгурском уезде и Шабановский могильник в Пермском уезде — оба XII—XIV веков. В 1906—1908 годах П. Г. Тарасов и В. Д. Емельянов раскопали большой и богатый Поломский могильник IX—X веков в Вятской губернии. В 1910 году замечательный клад серебряных вещей и бронзовых украшений (VIII—XI вв.) был найден у села Редикор,

Чердынского уезда. Интересный могильник послеананьинского времени исследовала в 1911—1912 годах близ города Уфы В. В. Гольмстен. В 1910—1913 годах на камских, сарапульских городищах работал Л. А. Беркутов, показавший, что большая часть этих городищ относится к пьяноборской эпохе.

Крупнейшими событиями для археологии Прикамья в первые годы XX века нужно считать появление двух больших монографий А. А. Спицына «Древности Оки и Камы» (1901 г.) и «Древности Пермской чуди по коллекции Теплоуховых» (1902 г.). Автор устанавливает для железной эпохи в Прикамье культуры ананьинскую, пьяноборскую, гляденовскую и ломоватовскую, а также культурные типы X—XV вв. В 1906 году А. А. Спицын издал очень полный атлас древних шаманских изображений, разделив их на три группы: эпоха костниц, эпоха VIII—IX веков и эпоха X—XIV веков. Этого же вопроса касается и несколько более ранняя работа Д. Н. Анучина.

Империалистическая война 1914 года и последовавшая за ней гражданская война на много лет прервали у нас археологические исследования. Позволим себе отметить для сравнения, что в период Великой Отечественной войны археологические раскопки в СССР не прекращались ни на один год. Как бы то ни было, но полевое изучение археологических памятников, после восьмилетнего перерыва возобновилось у нас только в 1922 году, причём первые шаги в этом направлении были сделаны не в центре, а преимущественно на местах, где работа концентрировалась вокруг музеев и университетов, частью созданных вновь. В числе таких провинциальных центров были Казань и Пермь. Национализация археологических памятников, широкая поддержка и плановость обеспечили археологическим изысканиям в советский период быстрые успехи.

В Перми археологические вопросы всё более входят в круг интересов созданного в 1916 году Пермского университета. Здесь появляется в те годы новая крупная фигура в деле исследования древнего Прикамья в лице А. В. Шмидта. В Казани это дело попадает в руки В. Ф. Смолина, внёсшего ценный вклад в науку своими работами по болгарским древностям.

С 1924 года А. В. Шмидт по поручению Музея антропологии и этнографии Академии наук начинает систематические археологические работы на Каме, а с 1928 года и в бассейне реки Белой, в Башкирии. Эти исследования обогатили науку целой серией вновь раскопанных памятников, получивших значение узловых для археологии Прикамья. В 1925 году были произведены раскопки ранней стоянки у посёлка Лёвшино; это — первый хорошо изученный комплексный памятник, характеризующий позднеолитическую культуру Прикамья, хотя там и появляются уже первые медные орудия. В 1924 и 1925 годах раскапывался замечательный могильник бронзовой эпохи у деревни Турбиной, содержащий, помимо крем-

нёвых изделий, многочисленные предметы из литой бронзы в виде ножей, втульчатых топоров-кельтов и пр., а также серпентиновые шлифованные кольца. Турбинский могильник оказался принадлежащим к сейменской культуре, связь которой с Уралом и, вообще, востоком раньше только предполагалась. А. В. Шмидтом же установлена харинская культурная ступень в Верхнем Прикамье (IV—VI вв.), отличавшаяся присутствием многочисленных южных, степных элементов. В 1926 году А. В. Шмидт исследовал городище и могильник ломоватовского типа у села Неволина близ Кунгура (VI—VIII вв.), а в 1924 году погребение харинского типа близ Усть-Качки, на Каме. Для этих культур А. В. Шмидт выделил вещи среднеазиатского, доарабского происхождения и подчеркнул присутствие предметов византийского импорта. Серебряная византийская и сасанидская посуда одновременно явилась предметом специальных работ Орбели, Гирса и Мацулевича. А. В. Шмидт работал и над столь характерными для Прикамья бронзовыми шаманскими изображениями, дал их новую хронологию и указал на значительную долю местного, а не восточного творчества в создании воплощённых в них фантастических образов. Раскопками в бассейне реки Белой А. В. Шмидт установил кара-абызский культурный тип, являющийся там аналогом ананьинской культуры.

В 1925 и 1926 годах Б. С. Жуковым и О. Н. Бадером (Антропологический институт Московского университета) были раскопаны несколько городищ по реке Ветлуге; был пройден по этой реке сплошной разведочный лодочный маршрут длиной в 750 километров. Этими работами установлен западный предел распространения ананьинской культуры.

В 1930 году Б. С. Жуковым произведены контрольные раскопки Ананьинского могильника, давшие остатки всего одного погребения и показавшие непригодность этого памятника для дальнейших раскопок.

В 1929—1930 годах М. В. Талицким и М. А. Бадер (Антропологический институт Московского университета) произведено обследование реки Пижмы и смежной части реки Вятки и раскопан Кочергинский могильник X века, а в 1931 году О. Н. Бадером и А. В. Збруевой пройден 600-километровый сплошной лодочный маршрут по реке Вятке от Котельнича до Камы с обследованием преимущественно городищ.

В 1929 году Б. С. Жуковым и А. В. Збруевой по линии всё той же Антропологической комплексной экспедиции Московского университета произведены раскопки городищ Свиногорского, Гроханского и других близ устья Вятки. Результаты перечисленных исследований частью опубликованы в ряде монографий и специальных статей.

В 1926—1936 годах А. П. Смирновым проведены систематические работы по изучению памятников железного века в бассейне рек Чепцы, Ижа и Валы, позволившие ему охарактеризовать про-

песс формирования удмуртского народа. Им же исследовались булгарские города Сувар и Великий Булгар.

Новый этап археологического изучения Прикамья связан с постановкой широких, систематических исследований, предпринятых Государственной академией истории материальной культуры (впоследствии Институт истории материальной культуры Академии наук СССР). Эти работы длились с 1932 по 1937 год включительно и охватили разведочными маршрутами и раскопками огромный район вверх от Перми по берегам Камы до Березников и по реке Чусовой до устья реки Утки. Эти работы дали возможность чрезвычайно полного территориального и хронологического охвата древних памятников, а применение метода исторического материализма при обработке добываемого материала привело впервые для Прикамья к попыткам исторических обобщений как для всего древнейшего первобытно-общинного периода в Волгокамье (А. В. Шмидт), так и по отдельным его этапам (Н. А. Прокошев, А. В. Збруева, М. В. Талицкий).

По отдельным этапам древней истории Прикамья в этот период необходимо отметить исследование Н. А. Прокошевым нескольких ранних стоянок (эпохи бронзы) у северной оконечности озера Грязного (1936—1937 гг.), у хутора Астраханцева (1934—1936 гг.), у Гремячего ручья (1935—1936 гг.), давших впервые в Прикамье общую картину древнего поселения середины второго тысячелетия до нашей эры, состоявшего из довольно больших четырёхугольных полуземлянок, соединённых между собой узкими переходами. Аналогичную систему жилищ вскрыла А. В. Збруева в стоянке у посёлка Лугового, недалеко от Ананьина. Прокошевым же были произведены исчерпывающие раскопки Лёвшинской стоянки (1934 г.) и Турбинского могильника (1934—1935 гг.).

Большого внимания заслуживают раскопки А. В. Збруевой в 1938—1940 годах на вновь открытом могильнике ананьинского типа у посёлка Лугового, оказавшегося наиболее древним из всех могильников ананьинской культуры (VII—VI вв. до н. э.), и её же раскопки Галкинского городища и Конецгорского селища ананьинской эпохи у устья Чусовой.

Наконец, М. В. Талицким в 1935—1937 годах произведены большие раскопки на Родановом городище X—XIV вв. в районе Березников. Эти раскопки послужили ему основанием для исследований о булгарской эпохе в Верхнем Прикамье, тесно связанных с вопросом о происхождении коми-пермяцкого народа.

Крупнейшим событием последних предвоенных лет в археологии Прикамья было открытие М. В. Талицким в 1938 году первой верхнепалеолитической стоянки у деревни Остров, в низовьях реки Чусовой, а в 1939 году неподалёку от неё — гораздо более древнего, мустьерского местонахождения у устья Пещерного лога. Это открытие развеяло гипотезу о необитаемости Урала в ледниковую

эпоху и заполнило огромное белое пятно между Муромом и Томском на карте палеолитических поселений в Евразии. М. В. Талицким произведены первые рекогносцировочные раскопки стоянки у деревни Остров.

Археологические исследования не замирают в Прикамье даже в годы Великой Отечественной войны. Из этих исследований надо упомянуть небольшие раскопки Четвертичной комиссии Академии наук на Островской палеолитической стоянке и на энеолитической стоянке у Верхних Гарей, на Чусовой, проведённые в 1942 году под руководством В. И. Громова, М. П. Грязнова и А. А. Иессена, а также раскопки и обследования ряда памятников в районе Елабуги, предпринятые в 1943 году Елабужской группой эвакуированного из Ленинграда Института истории материальной культуры Академии наук под общим руководством П. П. Ефименко; между прочим, доисследовался Луговской могильник.

Три первых послевоенных года ознаменовались крупными трёхлетними раскопками палеолитической стоянки имени Талицкого (у деревни Остров), предпринятыми Институтом геологических наук Академии наук СССР при участии Молотовского государственного университета, Молотовского областного музея и Тагильского музея под руководством О. Н. Бадера (1945—1947 гг.).

При Молотовском университете в 1947 году организован кабинет археологии, а также проведено Первое уральское археологическое совещание, собравшее большой актив из центральных и уральских работников; совещание подвело итоги предыдущим исследованиям и разработало план работ на 1947—1950 годы. Возобновились полевые археологические исследования в Прикамье, перешедшие от Академии наук в ведение Молотовского университета. В 1947 году Молотовским университетом была организована Камская археологическая экспедиция, работавшая тремя отдельными отрядами. Крупнейшим из них, Чусовским, работавшим совместно с Чусовским отрядом Института геологических наук Академии наук СССР, продолжены раскопки палеолитической стоянки имени Талицкого и стоянок у Нижнего Адищева и Верхних Гарей, а также открыты в низовьях Чусовой 15 новых стоянок и местонахождений с каменными орудиями (О. Н. Бадер). Часть этих памятников чрезвычайно удачно восполняет два крупнейших пробела в археологии Прикамья: Нижне-Адищевская стоянка оказалась эппалеолитической (переходной от палеолита к неолиту), а на Боровом озере, выше Верхних Гарей, впервые открыта и исследовалась неолитическая стоянка. Чердынским отрядом Камской экспедиции (руководитель И. А. Талицкая) проведены обширные обследования по течению Колвы, Вишеры и Камы и начаты раскопки большого городища близ села Губина, на Каме, относящегося к началу второго тысячелетия нашей эры. Елабужский отряд совместно с отрядом Института истории материальной культуры Академии наук (руководитель А. В. Збруева) продолжал рас-

копки стоянки у посёлка Лугового и вскрыл несколько бедных курганов близ неё, относящихся, видимо, к тому же времени.

Материалы всех этих исследований поступили в кабинет археологии Молотовского университета и частью в Молотовский областной музей.

Отмеченные выше работы так же, как и активная деятельность местных музеев и отдельных краеведов, свидетельствуют о росте в Молотове в послевоенное время нового центра археологического изучения Прикамья.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ПРИКАМЬЯ

Систематическое изучение археологических памятников Прикамья с постановкой определённых исторических задач началось совсем недавно, лишь в советский период. Поэтому в наших представлениях о древнейших исторических судьбах этой обширной области ещё очень много неясностей и пробелов. И всё же мы знаем о древнейшем прошлом Прикамья уже многое, о чём, к слову сказать, несколько десятилетий назад история почти ничего или совсем ничего не знала¹.

I

Первоначальное заселение Прикамья человеком.

Нижний палеолит (первобытное стадо, низшая ступень дикости)

На правом берегу реки Чусовой, невдалеке от впадения её в Каму, у самого устья оврага Пещерный лог (рис. 3), было найдено на береговом склоне несколько искусственно сделанных отщепов сильно окремневшего чёрного сланца и между ними очень типичное законченное обработкой орудие в виде небольшого (разм. $55 \times 42 \times 16$ миллиметров) «ручного рубила» миндалевидной формы, со следами двухсторонней оббивки (рис. 2). Этого рода каменные орудия были ручными орудиями-ножами ещё неандертальского человека в так называемую мустьерскую эпоху древнекаменного века, или палеолита, и хорошо известны по другим палеолитическим мустьерским стоянкам СССР и Европы.

Это была эпоха наибольшего оледенения Европы и Азии, когда материковые льды толщиной в один-два километра, как в современной Гренландии, покрывали сплошным щитом всю северную Европу и Азию, достигая района нынешнего Днепропетровска на Украине. На востоке, в области Урала, граница ледника проходила севернее, в районе нынешнего Молотова, что объяснялось более континентальным климатом, меньшим количеством влаги, которой питался и за счёт которой существовал ледник. Всё же никто не предполагал, что в мустьерскую эпоху, в основном совпадающую с максимальным оледенением, человек успел расселиться так далеко на север,

¹ Настоящая глава составлена по данным на 1947 год включительно.

и открытие у Пещерного лога явилось неожиданностью и большой сенсацией в мировой исторической науке.

Пещерный лог—самая северная в мире точка расселения человека в мустьерскую эпоху. Следовательно, первоначальное заселение Урала человеком произошло не менее 30 тысяч лет назад, а, вероятно, раньше. С тех пор люди уже никогда более не покидали Урала.

В мустьерскую эпоху на материках Старого Света жили люди (неандертальского типа, представлявшего переходную ступень от первого человека — питекантропа — к современному человеку. Они

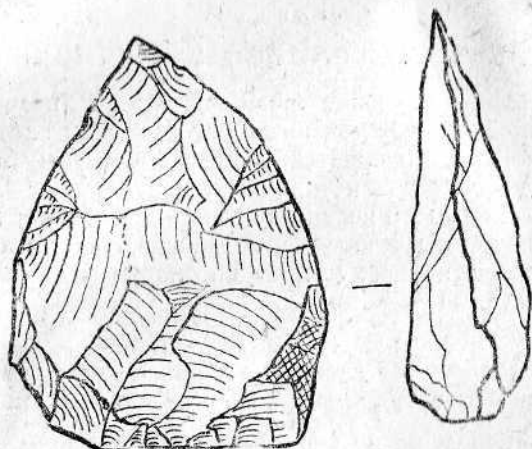


Рис. 2. „Ручное рубило“ мустьерского типа из Пещерного лога на Чусовой (по М. В. Талицкому).
Натуральная величина.

отличались от нас более примитивными чертами и, в частности, отсутствием вполне развитой членораздельной речи, которая на этой стадии лишь вырабатывалась.

Мустьерская эпоха—это период первобытного стада по периодизации Ленина и конец низшей ступени дикости по периодизации, принятой Энгельсом. Это — одна из первых ступеней истории общества. Ей соответствует форма кровнородственной семьи, период группового брака, когда в каждой возрастной группе, на которые делилось население, все мужчины и все женщины, будь они даже единокровными братьями и сестрами, состояли между собой в брачных отношениях. Брак между родителями и детьми, то есть между возрастными группами, был уже запрещён. В то время люди жили небольшими, плохо связанными между собой стадами-ордами и занимались коллективной охотой на крупных (мамонт и носорог) и стадных (дикая лошадь и северный олень) животных. Они обитали в пещерах и на равнине, знали уже огонь и, вероятно, какие-то примитивные искусственные жилища и одежду, без чего немислимо представить себе их жизнь в приледниковых областях, в условиях арктического климата.

Верхний палеолит (первобытная община, средняя ступень дикости)

Следующий этап палеолита — так называемый верхний палеолит — представлен в Прикамье богатейшей палеолитической стоянкой Урала, названной в память погибшего на фронте М. В. Талицкого его именем. Стоянка Талицкого находится также на правом берегу Чусовой, в низовьях реки, неподалёку от Пещерного лога и деревень Остров и Гляденово. Культурный слой этой замечательной по своему научному значению стоянки залегает в толще речных отложений на глубине 16 метров от современной поверхности (рис. 3).

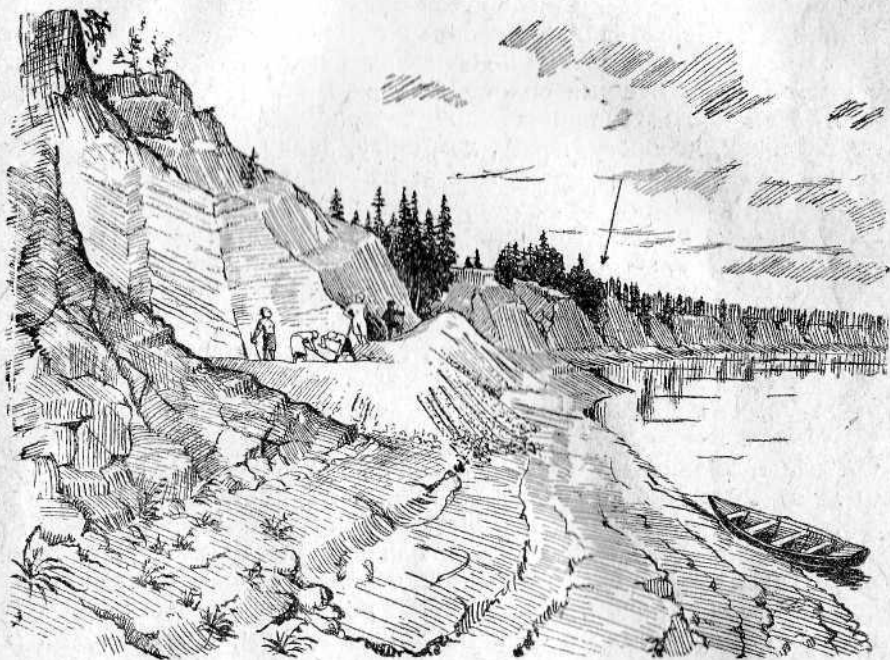


Рис. 3. Общий вид раскопок палеолитической стоянки Талицкого в 1946 г. Вдали указан стрелкой Пещерный лог (по фот. автора).

Раскопки показали, что здесь была временная стоянка первобытных охотников. На небольшой обитаемой площади было вырыто в земле несколько неглубоких округлых ям диаметром около 70—75 сантиметров, служивших очагами. Они были переполнены углем от сожжённых костей мамонта, носорога и других животных. Судя по распространению культурного слоя, над очагами могло быть какое-то искусственное сооружение — жилище, но ясных остатков его не найдено. Вокруг очагов были разбросаны каменные плитки, раз-

дробленные кости животных, каменные инструменты и бесчисленные осколки, получавшиеся при выделке орудий тут же, на стоянке. Культурный слой местами имел толщину всего 2—3 сантиметра и отличался красноватым цветом от значительной примеси охры, которой обитатели стоянки пользовались, вероятно, для раскраски различных предметов и, может быть, тела.

Орудия труда выделялись из кремня, горного хрусталя, кремнистого сланца и других пород, хорошо раскалывающихся при ударах, чем облегчалась обработка. Чаще других встречаются небольшие скребки для обработки шкур, с тонкой отделкой на конце, ножевидные пластинки, служившие для резания, резцы и др. Часть орудий сделана из кости; среди них—кусок ребра мамонта с тонким резным орнаментом (рис. 4, ф. 9). Особенно интересно костяное орудие в виде острия со вставленными по бокам кремнёвыми ножевидными пластинками, образующими сплошные длинные лезвия (рис. 4, ф. 8).

Кости животных принадлежали северному оленю и дикой лошади, мамонту, носорогу, песцу, леммингу, зайцу, косуле и др. Наличие песца и лемминга говорит об арктических условиях, господствовавших тогда в районе Молотова; ледник даже на этой последней стадии своего развития находился всё же не очень далеко.

Существовала стоянка Талицкого 25—20 тысяч лет назад.

Верхний палеолит, а вместе с ним и стоянка Талицкого, соответствует уже периоду первобытной общины, средней ступени дикости.

В это время запреты в области брачных отношений между полами пошли ещё дальше: запрещались браки не только между родителями и детьми, но и между единоутробными братьями и сёстрами, то есть между детьми одной матери. В то же время брак оставался групповым. Общество людей, обитавших поблизости друг от друга, делилось на группы уже не по возрасту; ядром каждой из них была группа женщин-сестёр и их единоутробных братьев, то есть, теоретически, дети одной матери или дети нескольких матерей-сестёр. Такая группа братьев и сестёр являлась основной ячейкой того, что называется родом. Браки внутри рода были строго запрещены и разрешались только с членами другой группы, другого рода. На этой стадии род получает своё первое оформление. Антропологически, по своему физическому облику, люди уже не отличались от современных.

Хозяйство на стадии верхнего палеолита определялось коллективной мясной охотой прежде всего на стадных (северный олень, лошадь) и крупных (мамонт, носорог) животных. Эта охота могла быть только загонной, то есть только коллективной, ибо охотничье оружие было тогда крайне несовершенным, не существовало ещё даже лука и стрел, и усилия отдельного человека в борьбе за существование были настолько слабы, что жизнь вне коллектива была просто немыслима, обрекая отщепенца на гибель. «Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы,— говорил Ленин,— это глупая побасенка... Никакого золотого века

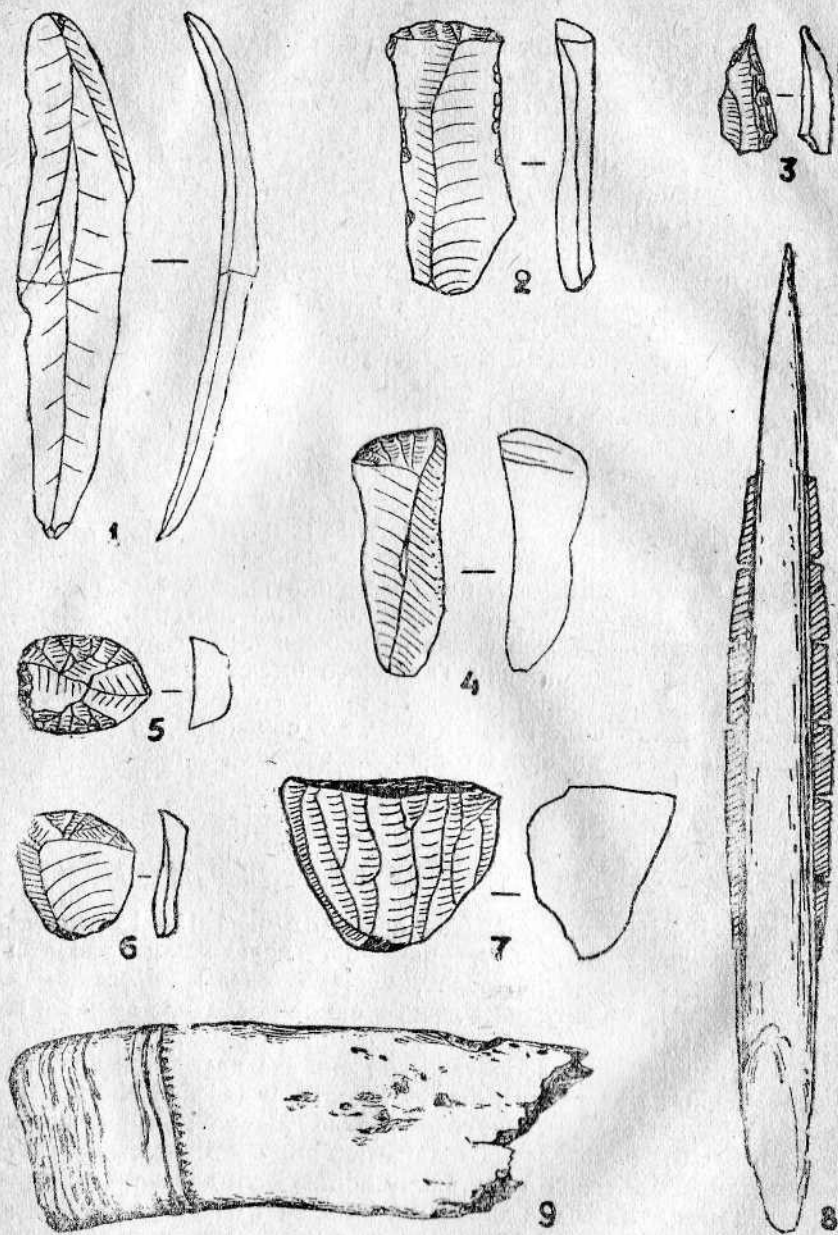


Рис. 4. Каменные и костяные предметы со стоянки Талицкого:
 1 — 2 — ножевидная пластина и концевой скребок из горного хрусталя; 3 — кремневая проковка;
 4 — 6 — кремневые скребки; 7 — кремневый нуклеус; 8 — костяное острие со вставными кремневыми
 лезвиями; 9 — обломок ребра мамонта с резным орнаментом: (Молот, обл. музей, уменьшено.

позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»¹.

К этому же времени относятся и первые достоверные следы возникающей религии в виде погребений умерших с вещами, культовых изображений животных и т. д. По словам Энгельса, «религия возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и внешней природе»².

Низкое развитие производительных сил ставило первобытного человека в очень большую зависимость от природы. Если в классовом обществе основной причиной, порождающей и поддерживающей религию, по В. И. Ленину, является классовое угнетение, то религиозные верования первобытного общества возникли, как результат господства над человеком природы, как результат подавленности человека грозными, таинственными силами природы³. «Страх создал богов», страх ещё дикого, первобытного человека перед непонятными ему стихиями природы.

Красная краска, найденная в большом количестве на стоянке Талицкого, олицетворяет у первобытных племен огонь, солнце, тепло, кровь, вытекающую из животного или человека, когда их покидает жизнь. Красный цвет имел магическую, колдовскую, притом благотворную силу и употреблялся поэтому для раскрашивания тела, различных предметов и при погребениях.

Каменные орудия стоянки Талицкого имеют сходство с культурой палеолита Сибири, а не Европы; это говорит за то, что первые обитатели Урала пришли сюда не с запада, а с востока или юго-востока, из Сибири, и сохранили свои сибирские связи.

3

Эпипалеолит (первобытная община, высшая ступень дикости)

Ледник очистил пространство нашего севера 15—12 тысяч лет назад. Кончился палеолит, началась переходная эпоха или эпипалеолит, а затем и неолит. Однако следы населения этих эпох в Прикамье обнаружены лишь в самое последнее время и пока незначительны.

Единственная эпипалеолитическая стоянка находится близ устья реки Чусовой, на её правом берегу (рис. 5), у деревни Нижнее Адищево. Найденные здесь многочисленные тонкие ножевидные пластинки (рис. 6), определяющие характер всего каменного инвентаря, говорят о преобладании в эту эпоху костяных и деревянных орудий с кремнёвыми вкладными лезвиями. Глиняной посуды ещё не было, но впервые появились наконечники стрел, следовательно, лук и стрелы, что знаменует переход на высшую ступень дикости.

¹ Ленин В. И., Сочинения, т. IV, стр. 182.

² Энгельс Ф., Соч., т. XIV, стр. 673.

³ Ленин В. И., Соч., т. VIII, стр. 419.

В это время установился климат, близкий современному. Мамонт и носорог вымерли; исчезли и бесчисленные в палеолите стада диких лошадей, а, вероятно, и северных оленей. В новых условиях первобытные производственные коллективы дробятся и делаются более подвижными, постоянно передвигаясь по своей племенной территории в погоне за благородным оленем, косулей, кабаном и другими животными, не задерживаясь подолгу на одном месте. Поэтому и остатки стоянок эпохи эпипалеолита слабо выражены и обладают очень тонким и бедным находками культурным слоем.

На высшей ступени дикости происходит укрепление материнского рода (матриархат). Женщина занимает почётное положение в роде, счёт родства ведётся по материнской линии.

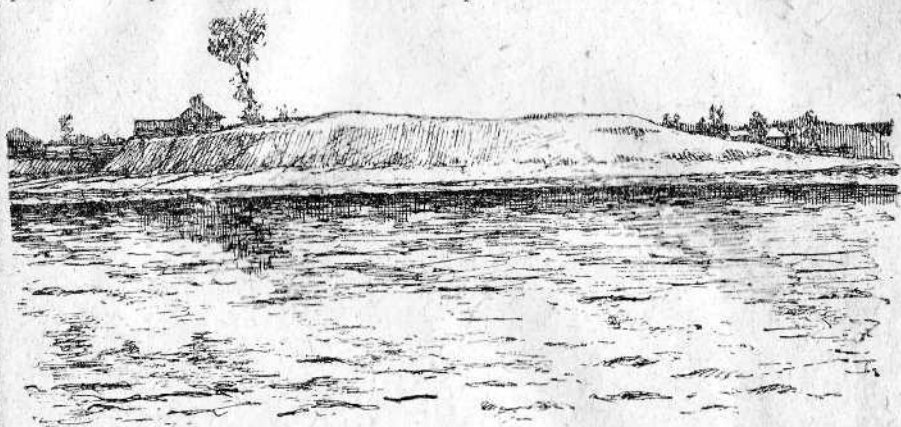


Рис. 5. Эпипалеолитическая стоянка у д. Н. Адیشه, на берегу Чусовой (по фот. автора).

Происходит дальнейшее развитие религиозных верований — тотемизма, магии, анимизма. Под анимизмом разумеется фантастическая вера в существование нематериальной души, невидимого двойника человека, животного или предмета, вера в бесплотных духов, могущих влиять на дела и судьбу человека. Здесь лежит начало идеализма, без которого не может быть и религии. На стадии эпипалеолита люди тщательно сохраняли особые небольшие, разрозненные предметы из камня и дерева, у современных австралийцев называемые «чуринги», которые якобы являлись вместилищами человеческих душ.

4

Неолит и энеолит (первобытная община, низшая ступень варварства)

Временем расцвета матриархата является следующая, неолитическая эпоха, когда появилась посуда из обожжённой глины, полированные и сверлёные каменные орудия и в основу хозяйства, наряду с охотой, легло рыболовство. Последнее служило также

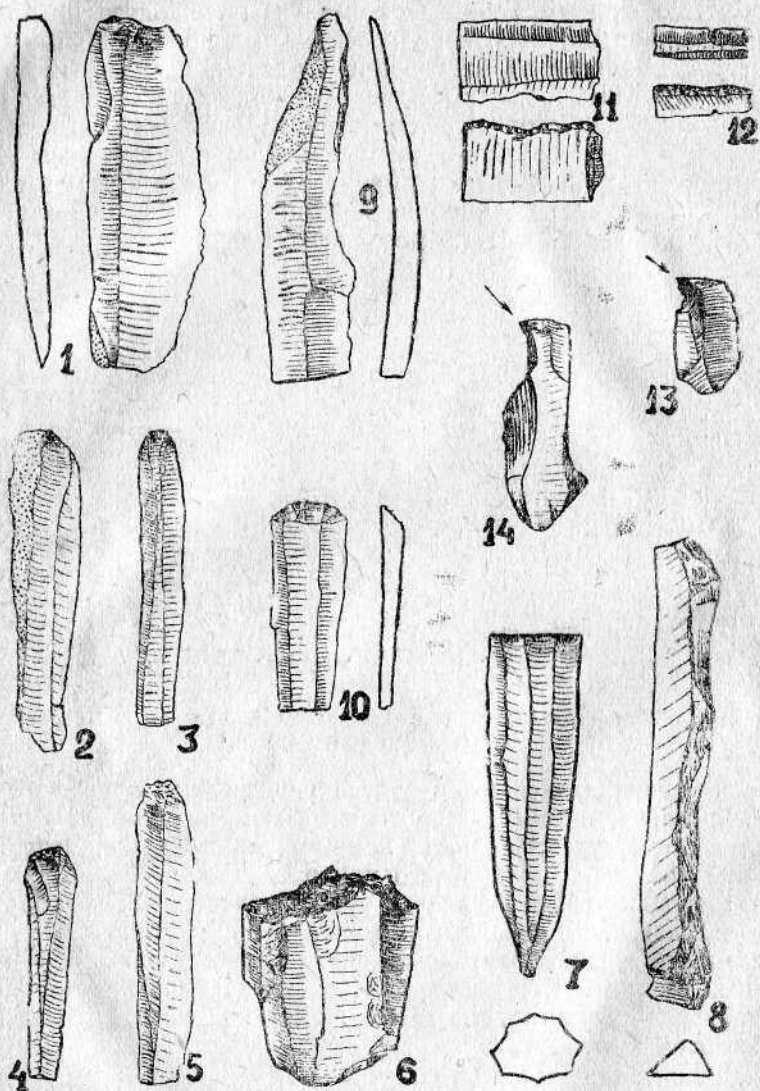


Рис. 6. Кремневые предметы с эппалеолитической стоянки у д. Нижнее Адищево (по раскопкам автора в 1947 г.):

1—5—ножевидные пластинки; 6—7 нуклеусы (ядрища); 8—ребристый отщеп; 9—пластинка с ретушью; 10 — концевой скребок; 11—12—вкладные лезвия с ретушированным краем; 13—14—резцы.

В натуральную величину.

основой оседлости и определило расположение поселений на берегах водоёмов, низко, непосредственно у воды.

Такая стоянка раскопана на берегу озера Борового, в долине Чусовой, близ деревни Верхние Гари (рис. 7). Здесь удалось обнаружить каменные орудия, шлифовальный камень, обломки многочисленных глиняных сосудов полуяйцевидной формы с округло-коническими днищами и густым орнаментом из вдавлений зубчатого штампа, нанесённым до обжига (рис. 8).

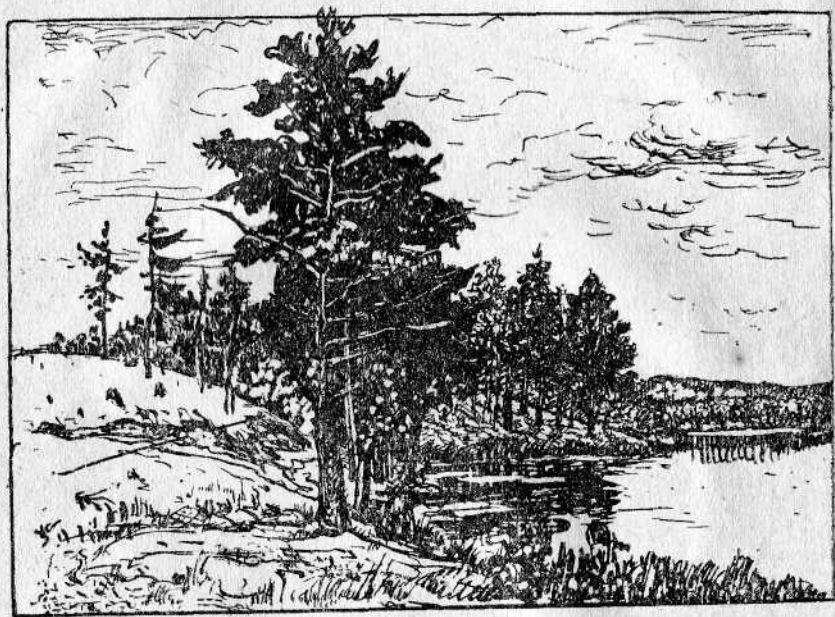


Рис. 7. Вид неолитической стоянки на Боровом озере (рис. с натуры худ. Г. Ф. Обориной).

Следующая по времени стоянка, Лёвшинская, дала уже находки трёх медных, кованных предметов, в том числе ножа и четырёхгранного шила (рис. 9). Неподалёку, также в районе устья Чусовой, есть ещё несколько стоянок того же типа, например, в урочище Гладком, у деревни Усть-Чусовая, вторая стоянка у Нижнего Адищева.

Стоянки типа Лёвшинской являются уже не неолитическими, а энеолитическими, переходными к бронзовой эпохе, и относятся к концу третьего — началу второго тысячелетия до нашей эры. Однако металлические орудия на них были, возможно, привозными: никаких следов местной обработки металлов на этих стоянках не найдено. Поэтому, сохранив ещё в своей культуре все основные черты, присущие позднему неолиту, они могут служить основанием для общей характеристики также и камского неолита.

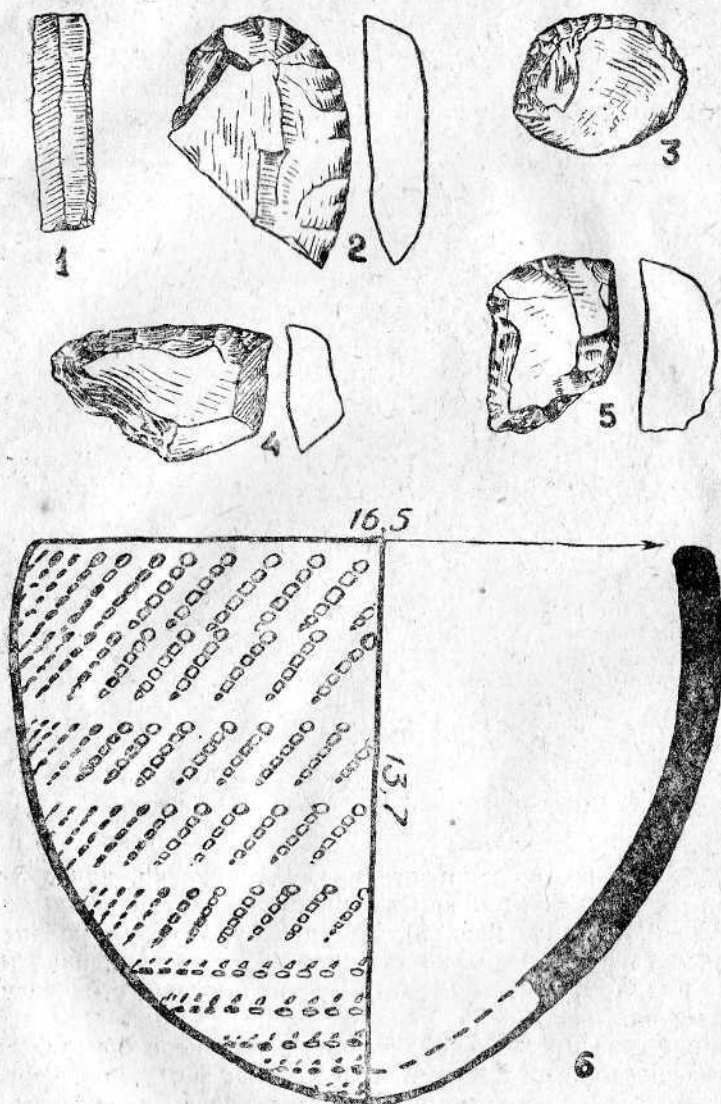


Рис. 8. Вещи с неолитической стоянки на Боровом озере
(по раскопкам автора в 1947 г.).

1 — ножевидная кремневая пластинка; 2—5—кремневые скребки; 6—глиняный сосуд (реконструкция).

На них не найдено пока прочных, постоянных жилищ, и даже самая крупная стоянка — Лёвшинская — дала лишь следы одного, к тому же почти не выявленного жилища; она покрыта остатками кострищ. В основе хозяйства населения продолжали лежать рыболовство и охота. Об этом говорит излюбленное расположение стоянок на берегу озёр, наличие рыболовных грузил и различных наконечников стрел. Среди костей животных, очень плохо сохранившихся, обнаружены кости только бобра и кабана. Костей домашних животных и, вообще, каких-либо указаний на скотоводство нет. Сохранившиеся орудия труда, кроме наконечников стрел (рис. 9), состоят главным образом из различных каменных скребков для обработки шкур, дерева и кости, ножевидных пластинок, частью мелких, употреблявшихся, видимо, в качестве вкладных лезвий, как это мы видели ещё в палеолите и эпилеолите, а также из крупных каменных орудий для обработки дерева, как грубо оббитых, так и шлифованных, в виде топоров и стамесок.

Глиняная посуда, появляющаяся ещё в самом начале неолита, в Лёвшине почти вся крупная, круглодонная, близкой к полуяйцу формы, грубо лепленная вручную, толстостенная, непрочного кострового обжига, жёлтого или красноватого цвета, с орнаментом в виде зубчатых линий, зигзагов, отдельных ямочных вдавлений и пр.; сосуды с плоским дном (рис. 10) здесь встречаются очень редко и относятся, вероятно, к более позднему времени.

Описанная древняя поздненеолитическая культура в Прикамье своеобразна. Она отличается от культуры того же времени и в Средней России, и в Сибири.

Стоянки типа Борового озера и лёвшинского типа со всеми присущими им чертами материальной культуры мы должны отнести к низшей ступени варварства, к концу её.

Это — период расцвета первобытно-общинного строя. «При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведёт к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют ещё понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

¹ Сталин И., О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма. Изд. 11, 1947, стр. 555.

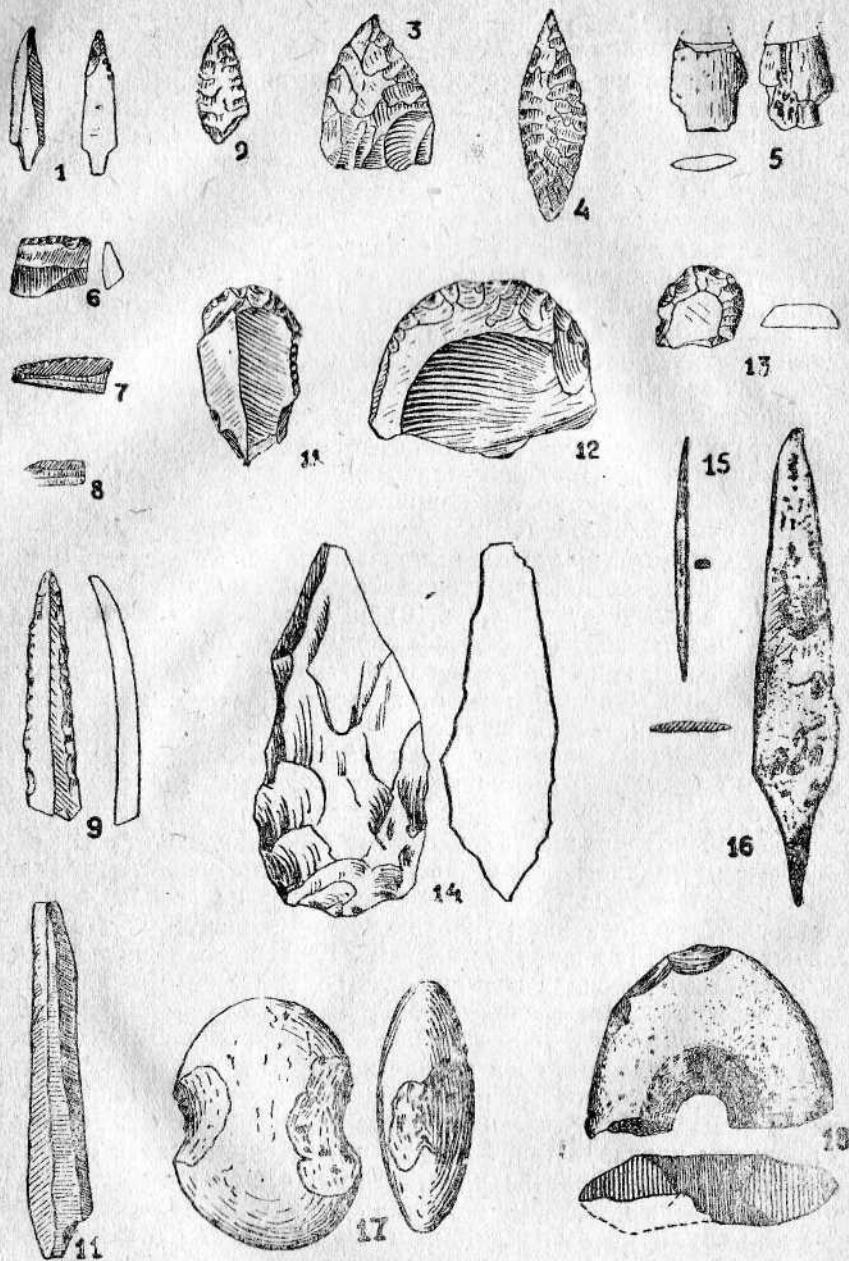


Рис. 9. Каменные, костяные (5) и медные (15 и 16) орудия с Лёвшинской стоянки:

1—5— наконечники стрел; 6—8— вкладки лезвия; 9— острие; 10— ножовидная пластинка; 11—13— скребки; 14— резак; 15— шило; 16— нож или наконечник, 17—18— рыболовные грузила.

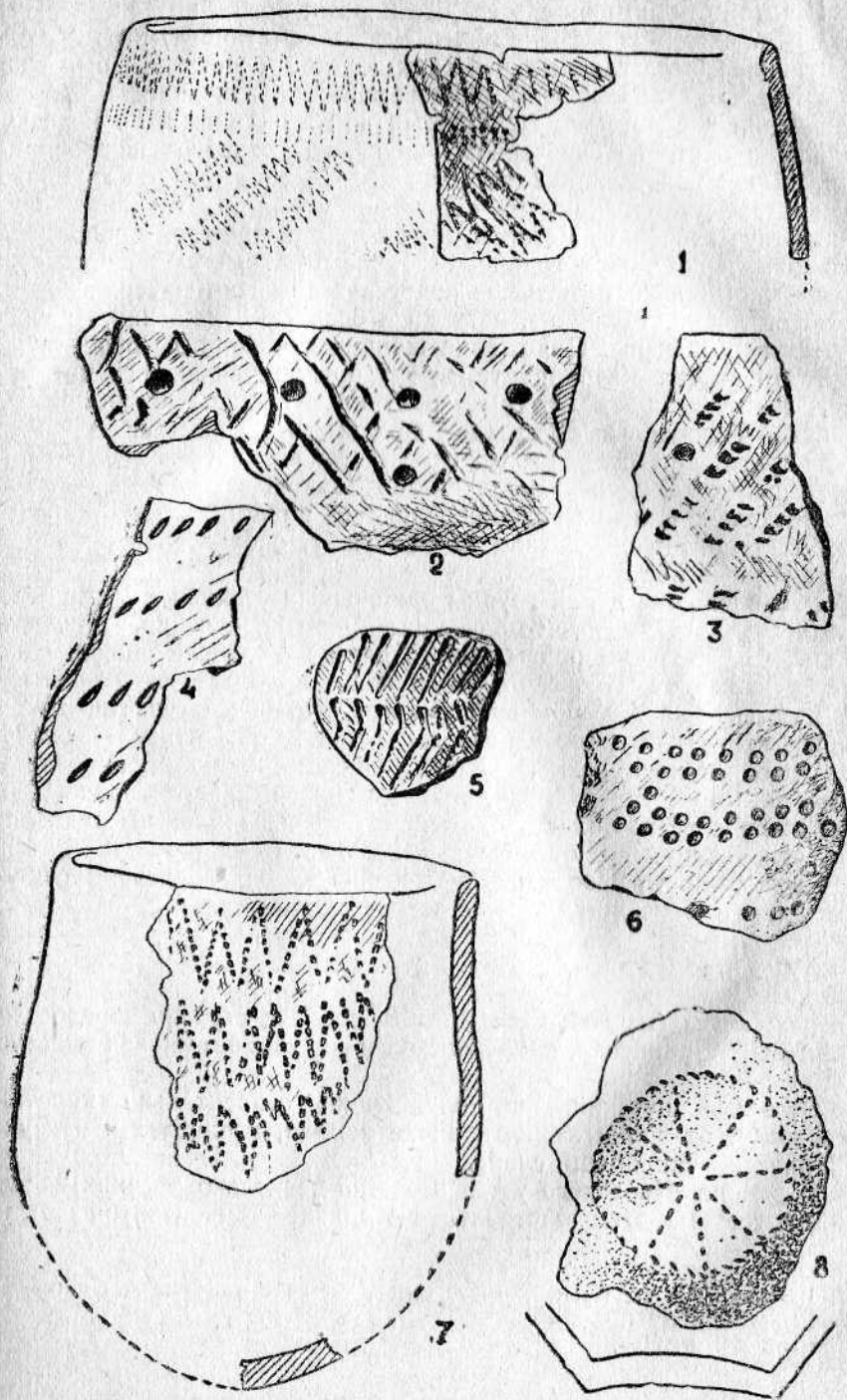


Рис. 10. Глиняная посуда с Лёвшинской стоянки. Уменьшено.

На этой стадии появляется уже парный брак, но он не был парным браком в современном смысле, то есть моногамным браком. У мужчины была главная жена так же, как у женщины был главный муж, но, наряду с этим, одновременно практиковались брачные отношения и с другими женщинами или мужчинами, но не с кем попало, а в строго очерченном кругу, из которого исключались ближайшие родственники по матери. Следовательно, групповой брак ещё бытует. К тому же «брачные узы... легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери»¹. При групповом браке отец бывает недостоверен, достоверна только мать. Счёт родства ведётся по материнской, по женской линии. Мужчина, вступая в брачные отношения, переселяется в род жены. Положение женщины в роде высокое, почётное. Это стадия матриархата, всюду предшествовавшего патриархату, когда господство в семье получил мужчина. Обитатели Лёвшинской и подобных ей стоянок находились на стадии расцвета матриархального рода, на той грани, где появляются первые признаки перехода к следующей стадии (например, медные орудия).

Несколько близких родов соединялись в племя. Племя обладало особой территорией, ловило на ней рыбу, охотилось и защищало её от посягательств соседей.

Расположение целой группы однородных стоянок в устье Чусовой позволяет думать, что здесь мы имеем поселения, принадлежавшие нескольким родам одного племени. Обследования Камы вверх и вниз от Чусовского устья показали отсутствие неолитических стоянок на большом пространстве. Это обстоятельство вполне соответствует тому, что мы знаем о родовом обществе. «Население в высшей степени редко, — писал Энгельс, — оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный защитный лес, отделяющий его от других племён»². Перед нами увлекательная возможность проследить в бассейне Камы территории отдельных племён, обитавших здесь 4 тысячи лет назад.

5

Эпоха бронзы (первобытная община, средняя ступень варварства). Сейменско-турбинская, андроновская и срубно-хвалынская культуры

Этот исторический этап, служивший относительно коротким переходом от эпохи камня к эпохе железа, представлен и изучен в Прикамье также ещё слабо.

В районе Чусовского устья известно несколько древних поселений, которые дают представление о дальнейшем развитии местной

¹ Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1937, стр. 44.

² Там же, стр. 152.

культуры в последёвшинское время, в первой половине второго тысячелетия до нашей эры. На одном из этих поселений, у деревни Верхние Гари, относящемся, примерно, к середине второго тысячелетия до нашей эры, найдены части глиняного плавильного тигля со следами меди на оплавленных краях — древнейшее на Урале свидетельство появления местной металлургии.

Часть позднейших поселений этой группы, как, например, стоянка на озере Грязном, у бывш. хутора Астраханцева, относится уже ко второй половине второго тысячелетия до нашей эры и совпадает по времени с замечательным могильником у деревни Турбиной, находящемся всего в нескольких километрах, на противоположном, правом берегу Камы.

Турбинский могильник вместе с ещё более богатым Сейменским могильником на реке Оке близ города Горького дают нам первое представление о своеобразной и замечательной по богатству бронзовым инвентарём культуре. Однако представление это совершенно недостаточное и главным образом потому, что до сих пор не изучены связанные с этими могильниками поселения. Одновременность, черты культурного сходства и территориальная близость позволяют рассматривать стоянки типа Астраханцевской и Турбинский могильник как памятники одной и той же, сейменско-турбинской культуры и, тем самым, считать её, вместе с указанными стоянками, выросшей на местной поздненеолитической основе.

На нескольких поселениях обнаружены группы четырёхугольных жилищ-полуземлянок. На поселении у хутора Астраханцева раскопками вскрыты все жилища. Их было шесть, они располагались по овалу, были углублены до 1,2 метра от поверхности и соединены друг с другом узкими коридорами, также углублёнными в землю, отражая родовую структуру, слитность обитавшего в них общества (рис. 11). Жилища имели размеры 6×8 метров; в каждом из них было по два очага, один из которых служил, судя по находкам вокруг него, для приготовления пищи, другой — для отопления. Внутри жилищ обнаружены остатки обугленных бревенчатых стен и ямки от столбов, располагавшихся двумя рядами вдоль жилищ и поддерживавших кровлю. Пять таких же жилищ были исследованы и на северном конце озера Грязного, там они были вытянуты в один ряд вдоль озера, и три жилища — на поселении в устье Гремячего ручья, на противоположном берегу Камы, недалеко от Турбинского могильника.

При раскопках жилищ обнаружены культурные остатки, позволяющие сделать вывод об особенностях материальной культуры и хозяйства их населения. Орудия труда исключительно каменные, из металлических изделий найдены остатки всего одного медного предмета очень плохой сохранности. Среди каменных орудий хорошо представлены разнотипные кремнёвые наконечники стрел (рис. 12, ф. 1—5), служившие для охоты. Среди наконечников стрел хорошо представлены основные типы Сейменского и Турбинского могильников (рис. 12, ф. 1—3; рис. 13, ф. 1 и 2). Часты полиро-

ванные топоры и тёсла для обработки дерева (рис. 12, ф. 11, 12). Редкость употребления в быту металлических орудий подчёркивается не только очень высокой техникой обработки камня, но и изготовлением из камня таких орудий, как ножи: они здесь кремнёвые (рис. 12, ф. 9, 10) и полированные из сланца (рис. 12, ф. 8). В Турбинском могильнике найдены также великолепные кремнёвые ножи (рис. 13, ф. 8), наконечники стрел (рис. 13, ф. 1, 2) и скребки (рис. 12, ф. 3). Глиняная посуда попрежнему круглодонная или полуяйцевидная, крупных размеров; среди примесей к глине встречаются тальк и слюда, что делает поверхность сосудов как бы жирной наощупь и сближает её с древней посудой Зауралья.

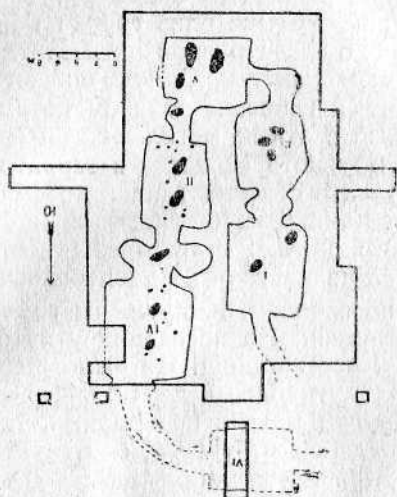


Рис. 11. План жилищ на дне раскопа на древнем поселении у хутора Астраханцева (по Н. А. Прокошеву).

Занятие охотой, помимо разнообразия наконечников стрел, доказывается наличием костей некоторых диких животных, очень плохо сохраняющихся в песчаном грунте: всё же представлены бобр, лось, северный олень и кабан. На большую роль рыболовства указывают многочисленные каменные грузила для сетей (рис. 12, ф. 13, 14) и находка рыболовного крючка.

Но, наряду с этим, имеются указания на существование земледелия и скотоводства. О земледелии говорят каменные наконечники мотыг на Астраханцевском поселении, а также многочисленные полированные топоры, с помощью которых могла производиться расчистка участков для посева. На скотоводство указывают три фигурки баранов на рукоятке бронзового ножа из Турбинского могильника. Далее, в одном из погребений медный вислообушный топор был завернут в ткань из белой овечьей шерсти.

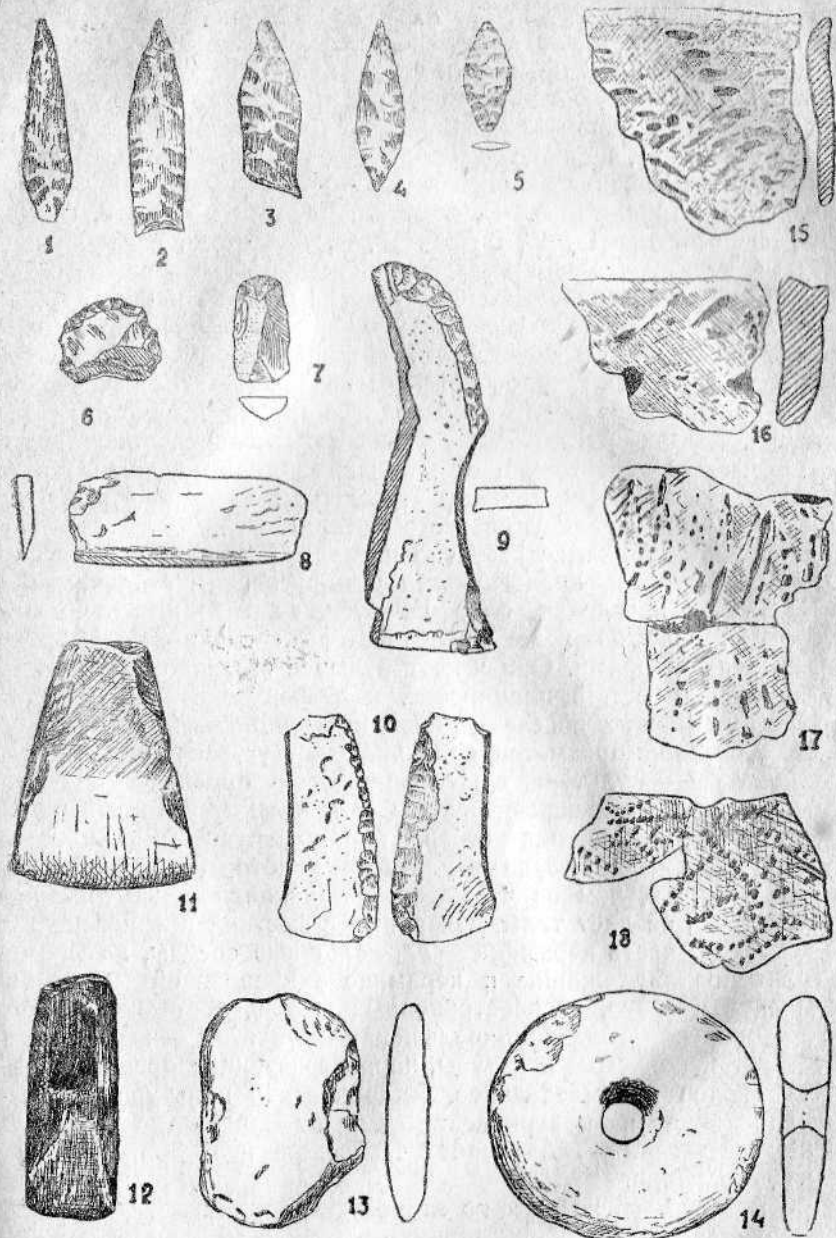


Рис. 12. Каменные орудия и керамика с среднекаменных поселений
бронзов. й эпохи.

1-5—кремневые наконечники стрел; 6-7—кремневые скребки; 8—шлифованный нож из сланца; 9, 10—кремневые топоры; 11, 12—шлифованные топоры; 13, 14—каменные рыболовные грузила; 15-18—обломки керамики. (1-4, 8, 9, 11-13—с Астраханцевской стоянки на оз. Грязном; 5-7, 10, 14-18—со стоянки у Гремячего ручья). Уменьшено.

Турбинский могильник дал не вполне выясненную картину погребений, сделанных в неглубоких могильных ямах, в которых не обнаружены скелетные остатки, но найдены орудия из камня (рис. 13) и бронзы; глиняная посуда в погребениях также отсутствует. Среди медно-бронзовых предметов имеются особой формы ножи (рис. 13, ф. 9), частью с фигурными украшениями (рис. 13, ф. 12), втульчатые наконечники копий (рис. 13, ф. 10) и три типа топоров: клиновидный (рис. 13, ф. 4), втульчатый (кельт, рис. 13, ф. 5) и проушный с вислым обухом (рис. 13, ф. 7). Копья, вислообушные топоры и кельты, без сомнения, служили и боевым оружием. Турбинский могильник относится к XIV—XI векам до нашей эры.

Бронзовые изделия сейменско-турбинской культуры отличаются своеобразием форм и богатством. Литейные формы для отливки предметов сейменских типов найдены на Среднем Урале, что говорит о местном, уральском производстве орудий. Медно-бронзовые и даже серебряные предметы сейменско-турбинских типов покрывают огромную территорию: от Финляндии до Минусинска и от Северного Урала до Бессарабии. Перед нами картина первого широкого распространения уральского металла.

В Нижнем Прикамье известно несколько поселений бронзовой эпохи с жилищами, аналогичными усть-чусовским стоянкам. Так, на Луговском поселении, близ Елабуги, вскрыто шесть четырёхугольных жилищ, так же последовательно соединённых узкими проходами-коридорами. Они имеют большое сходство с жилищами у озера Грязного и в планировке, и в форме, и во внутреннем устройстве. Такое же поселение, повидимому, имеется и в устье Камы. Но коллекция предметов, собранная на Луговской стоянке, даёт представление о культуре, существенно отличающейся от культуры описанных усть-чусовских стоянок. Среди каменных орудий имеются скребки, наконечники стрел, полированный топор-клин; из металлических — бронзовое втульчатое долото. Глиняная посуда совершенно иная, чем на чусовских поселениях. Лишь незначительная часть её даёт типы, связанные с местной древней керамикой. Большая часть керамики — плоскодонные сосуды, по форме и орнаменту принадлежащие к керамике андроновской и срубно-хвалынской культур, распространённых южнее, в степной полосе.

Андроновская и срубно-хвалынская культуры — это близкие друг другу ископаемые культуры, характеризующие древние племена скотоводов и земледельцев. Андроновская культура занимает южносибирские и приуральские степи от Енисея до Бузулука, срубно-хвалынская — всё степное Поволжье и Подонье от Приуралья до Днепра.

Обе культуры относятся ко второй половине второго тысячелетия до нашей эры.

Поселения андроновского и срубно-хвалынского типов содержат остатки крупных четырёхугольных жилищ, несомненные доказательства существования земледелия и развитого скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота в стаде. Могильники этих

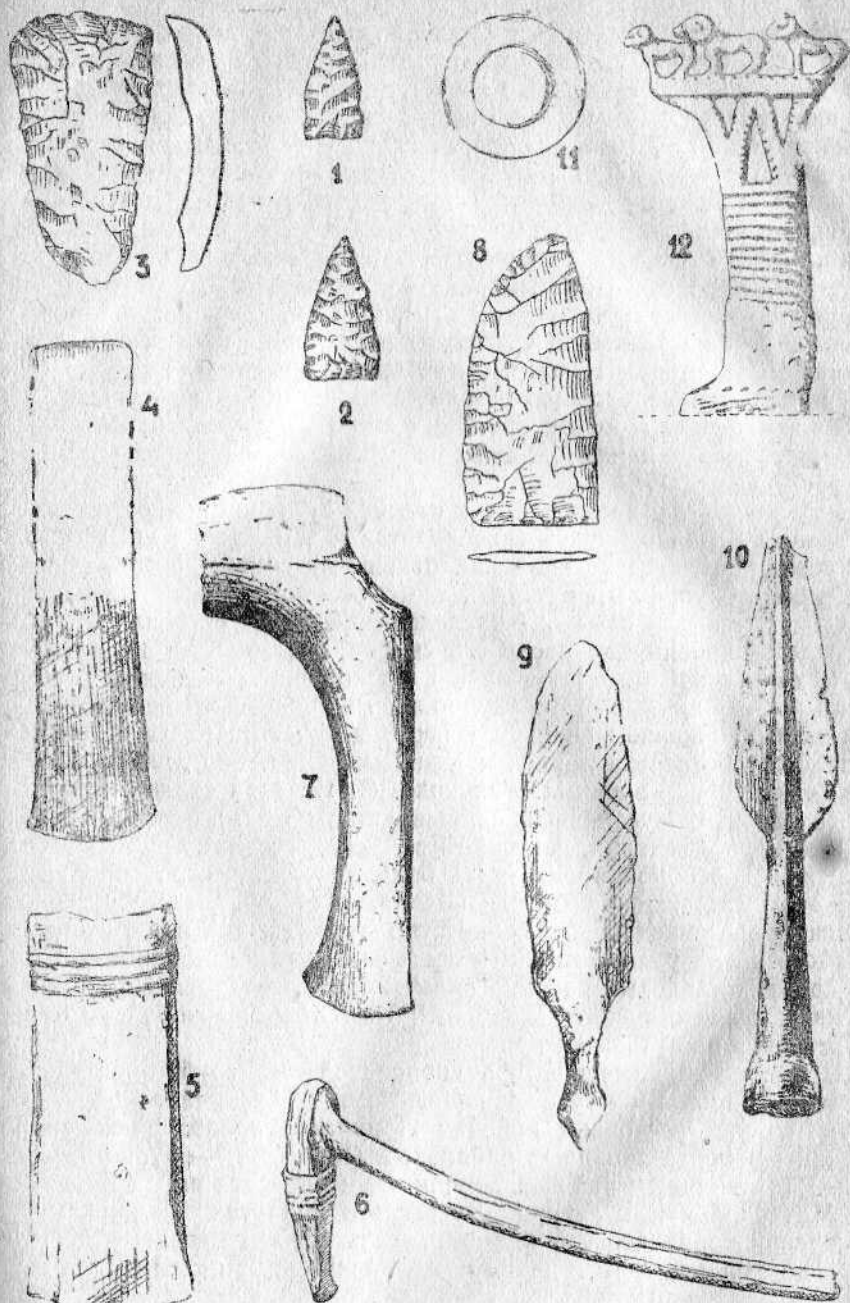


Рис. 13. Вещи из Турбинского могильника.

1, 2 — кремневые наконечники стрел; 3 — кремневый скребок; 4 — медно-бронзовый клиновидный топор; 5 — втульчатый топор-келья; 6 — он же на рукояти; 7 — вислобушный бронзовый боевой топор; 8 — кремневый нож; 9 — бронзовый нож; 10 — бронзовое копье (случайная находка); 11 — шлифованное кольцо из серпентина; 12 — рукоять бронзового ножа. Уменьшено.

племён состоят из насыпных курганов, под которыми, нередко в деревянных срубах, лежат скелеты, на боку, в скорченном положении. Придаваемая трупу поза спокойно спящего была связана с религиозным убеждением в том, что умерший как бы уснул, в то время как его невидимый двойник — душа — переселяется в воображаемый мир, где ведет такую же жизнь, как и раньше. Поэтому сородичи снабжали умершего всеми необходимыми при жизни вещами, постоянно находимыми в могилах при раскопках. Иногда и руки, и ноги скелета скорчены неестественно сильно, что могло быть только результатом намеренного связывания трупов из боязни возвращения умершего и вреда от него. Такие верования, приводящие даже к расчленению трупов, дожили кое-где на земном шаре до нашего времени. Некоторые андроновские могилы вместо курганов имеют кольцеобразную обкладку из камней. При мужских погребениях нередко боевое оружие в виде бронзовых наконечников копий, топоров, ножей, кинжалов, каменных наконечников стрел и пр.

Эти культуры относятся уже к средней ступени варварства, когда на основе развивающихся скотоводства и земледелия началось накопление богатства во владении отдельных семей, возросло значение в семье мужчины, в руках которого находилось разведение стад, и изменился порядок наследования: дети оставались в роде отца, наследовали ему после его смерти, счёт родства из материнской перешёл в отцовскую линию, положение женщины в семье стало подчинённым и резко ухудшилось, — произошло всемирно-историческое поражение женщины — переход от матриархата к патриархату. Рост богатства привёл к возникновению грабительских набегов, к учащению военных столкновений. На этой стадии исторического развития «увеличение производства во всех областях — скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания её. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Стоило привлекать новые рабочие силы. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов»¹. Тем самым первобытная община вступила на путь своего разложения.

В Прикамье памятники андроновской и срубно-хвалынской культур открыты к югу от Нижней Камы и в бассейне Белой. При этом в более восточных районах Приуралья преобладают андроновские; в более западных районах, в Поволжье, — срубно-хвалынские. Пограничным районом между ними является район Бузулука.

Материальная культура Луговского и других нижнекамских поселений конца второго и, может быть, начала первого тысячелетия до нашей эры, наряду с древними местными элемен-

¹ Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 154.



Рис. 14. Керамика бронзовой эпохи в южном Прикамье:

1—3 — андроновская культура (1 — с селища Балабаш на р. Белой; 2, 3 из Феодоровского могильника в Зауралье); 4—6 — абашевская культура (с селища Балабаш); 7 — срубная культура (из курганов у пос. Кашкара на р. Белой).

тами, отражает переkreшивающееся влияние упомянутых южных степных культур. Хозяйство этих поселений также заметно отличается от хозяйства усть-чусовских поселений, к тому же несколько более ранних. На Луговском поселении костей диких животных не обнаружено вовсе, что говорит о минимальной роли охоты. Зато имеются кости домашних животных: лошади, крупного рогатого скота, овцы, свиньи; остатки крупного рогатого скота преобладают. Наряду с развитым скотоводством, мотыжное земледелие также выступает в качестве гораздо более развитого, чем на усть-чусовских поселениях; за это говорит зернотёрка с Луговского поселения и отдельные находки бронзовых серпов в этом районе.

Таким образом, в конце второго тысячелетия до нашей эры в Нижнем Прикамье уже оформился переход к явному преобладанию в хозяйстве скотоводства и земледелия, распространившихся, вероятно, отсюда и в районы Среднего и Верхнего Прикамья. Процесс окончательного перехода к новым формам хозяйства в Нижнем Прикамье был ускорен непосредственным общением со степными племенами, находившимися уже на следующей стадии развития — средней ступени варварства. Вероятно, в свете соприкосновения местных охотничье-рыболовных племён со степными племенами скотоводов и земледельцев в более раннее время, за 1500 лет до нашей эры, следует рассматривать и возникновение племён, оставивших памятники сейменско-турбинской культуры.

В наиболее южной части Прикамья, в бассейне реки Белой, на грани второго и первого тысячелетий получает распространение абашевская культура конца бронзовой эпохи (рис. 14), сменяющая здесь андроновскую и срубно-хвалынскую.

6

Ананьинская культура (военная демократия, высшая степень варварства)

О следующем крупном этапе в первобытной истории Прикамья даёт представление ананьинская культура. Она лучше изучена и очень характерна для Прикамья. Время существования её установлено точно: от VII до II века до нашей эры. Этот полутысячелетний промежуток совпадает с временем существования племён скифов в наших степях. Греческий историк и географ Геродот (V в. до н. э.), оставивший в своих сочинениях подробное описание скифов, говорит и об их соседях; примерно, в бассейне Камы он помещает тиссагетов.

Ананьинская культура получила своё имя от группы очень богатых и своеобразных по культуре могильников, первым из которых был могильник у села Ананьино, близ Елабуги. Уже известно свыше 10 могильников. Жили ананьинцы в небольших, укреплённых рвами и земляными валами посёлках-городищах и в неукреплённых селищах. Известно свыше двадцати таких городищ и не-

сколько селищ. Территория, занятая памятниками ананьинской культуры, очень велика: она охватывает Верхнюю Каму до деревни Гарево, низовья Белой, Вятку до Кирова и выше, захватывает реку Ветлугу и заходит на правый берег Волги в районе Казани (рис. 15).

Ананьинская культура местного происхождения. Ещё на упомянутом выше Луговском поселении начинает встречаться ананьинская керамика — круглодонная, с характерными «воротничками» на шейках, с частым шнуровым орнаментом в верхней части сосуда (рис. 21). Наиболее типичные для Ананьина бронзовые орудия — втульчатый шестигранный топор-кельт и копье —

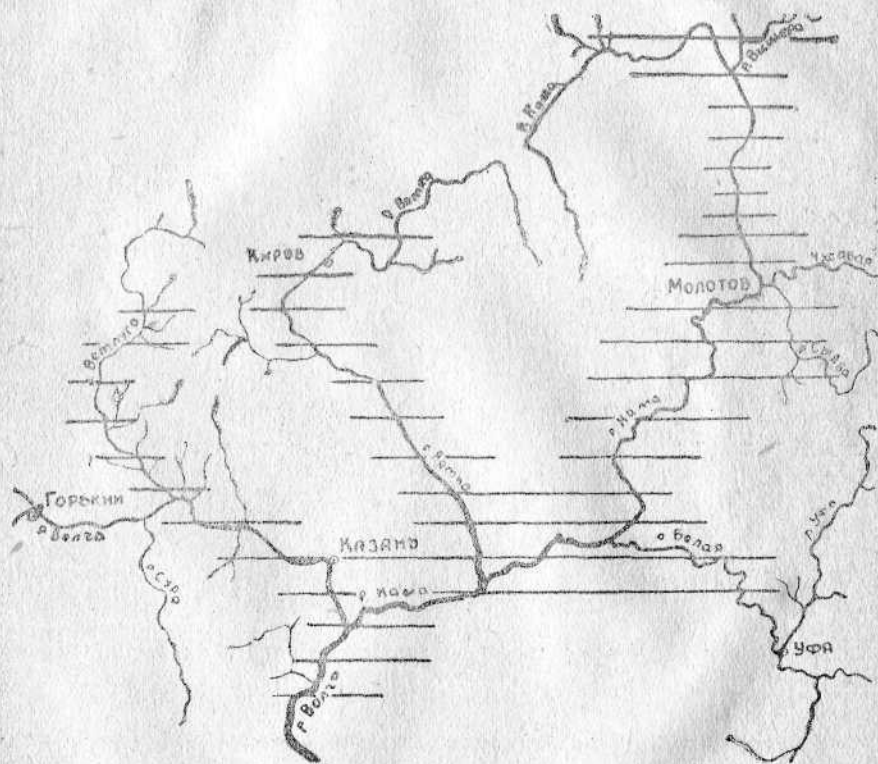


Рис. 15. Распространение памятников ананьинской культуры.

также происходят в основном из более древних местных сейменско-турбинских форм (рис. 20).

Ананьинская культура с начала и до конца относится уже к железной эпохе, следовательно, к высшей ступени варварства. Все основные орудия труда и большая часть оружия сделаны из железа: это — ножи (рис. 21, ф. 3), кинжалы, короткие мечи (рис. 20, ф. 5),

частью копья. Но бронза ещё в очень широком употреблении. Из неё готовится часть орудий труда и оружия: кельты, копья, особые чеканы или клевцы (рис. 20, ф. 3), многочисленные трёхгранные втульчатые наконечники стрел (рис. 20, ф. 3, 4), а также украшения (рис. 20, ф. 9—15); впрочем, последние делаются и из серебра, например, шейные кольца-гривны, в большинстве носившиеся мужчинами (рис. 19). Кроме того, в очень большом употреблении были различные предметы, сделанные из кости; благодаря обилию костей и, в частности, костяных вещей в культурном слое (напр., рис. 21, ф. 2, 4), городища ананьинской эпохи долгое время назывались «костеносными городищами».

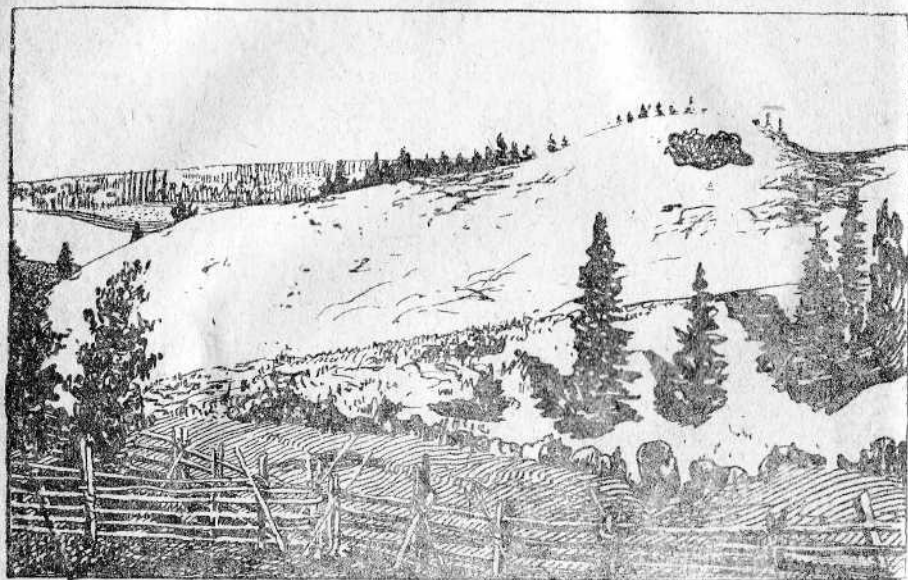


Рис. 16. Тижемское городище ананьинской эпохи на р. Вятке (по фот. автора).

Изучение ананьинских поселений позволило составить ясное представление о хозяйстве и многих сторонах быта ананьинцев. Преобладали земледелие и скотоводство. Земледелие стало подсечным: под посев вырубались и выжигались участки леса, вследствие этого и поселения были перенесены из речных пойм на высокие берега. Земледелие оставалось мотыжным, наконечники для мотыг готовились из трубчатых костей (рис. 21, ф. 4). Скотоводство было весьма развито; в состав стада входили уже все современные виды домашних животных: корова, лошадь, свинья и овца, — а рыболовство и охота имели подсобное значение, хотя охота в условиях развивающегося межплеменного обмена, судя по

костям диких животных, делается пушной, приобретая характер важного промысла.

Дальнейшее накопление материальных ценностей в руках первобытной патриархальной общины, основанное на развитии подсечного земледелия, скотоводства и обмена, привело к необходимости принятия более эффективных мер к защите достояния рода и племени; большая часть поселений стала укрепляться. Такие укрепленные поселения, дошедшие до нас в виде городищ, располагаются всегда на стрелке между реками, рекой и ручьем или просто оврагом, на вытянутых или треугольных, обычно небольших площадках (длиною в 50—70 метров). Площадки были с двух сторон защищены естественными крутыми обрывами; искусственные

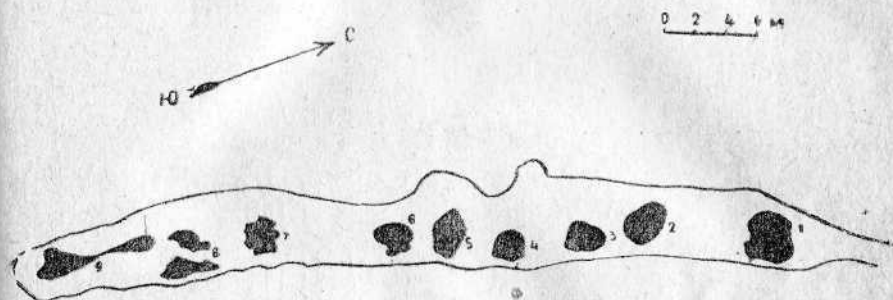


Рис. 17. Основание длинного жилища с 9 очагами на Конецгорском селище (по А. В. Збруевой).

же укрепления состояли из глубокого рва, отделяющего посёлок от равного ему по уровню поля, а также вала, насыпавшегося с внутренней стороны из выброшенной из рва земли; в древности гребень вала был укреплен дополнительно бревенчатым частоколом или стенами. До нас остатки этих укреплений дошли в сильно сглаженном, оплывшем виде (рис. 16). Жилища в них до сих пор не изучены. Зато на Конецгорском селище, близ Молотова, было вскрыто большое жилище с углубленным в землю основанием свыше 40 метров длины и 4—6 метров ширины. Вдоль жилища, по средней линии, находились 9 очагов (рис. 17). Перед нами типичный «длинный дом» — коллективное жилище родового общества.

Все могильники ананьинского типа — это бескурганные, грунтовые могильники. Некоторые из них содержат по несколько сот погребений. Последние располагаются густо, на Луговском могильнике — двумя рядами. Скелеты лежат на дне неглубоких могил, на спине, в вытянутом положении, но встречаются и следы сожженных трупов. Погребения дают понятие о религиозных представлениях ананьинцев: роль огня в погребальном обряде (встречаются скелеты частично обожженные), представление о «реке смерти»

в Луговском могильнике все скелеты лежат ногами к Каме). Имеются также скелеты без черепов, а в одном случае череп находился у скелета под мышкой. Близкие аналогии в несколько

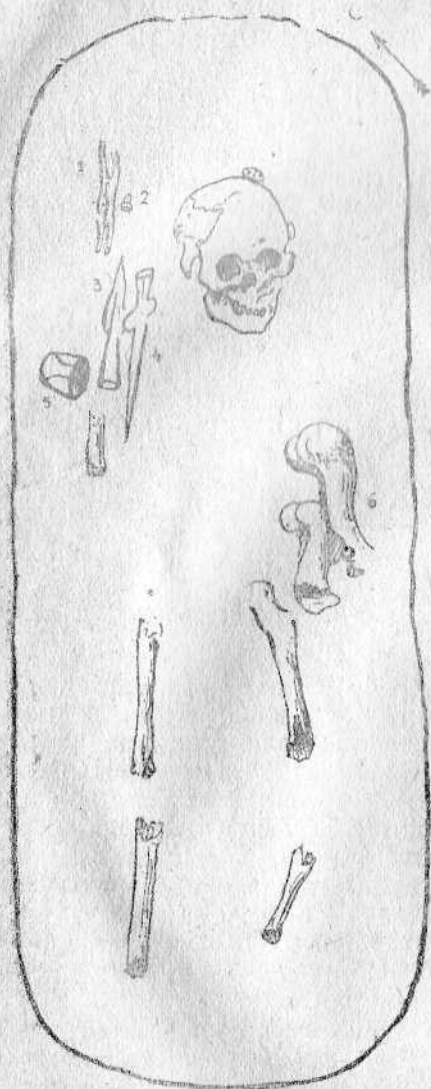


Рис. 18. Погребение воина из Луговского могильника (погр. № 57, раскопано А. В. Збруевой).

1 — костяные наконечники стрел; 2 — костяное навершие; 3 — железный наконечник копья; 4 — железный короткий меч; 5 — бронзовый ступчатый топор-кельт; 6 — кости животного.



Рис. 19. Изображение воина на погребальной плите с Ананьинского могильника (по фот. Молот. обл. музея).

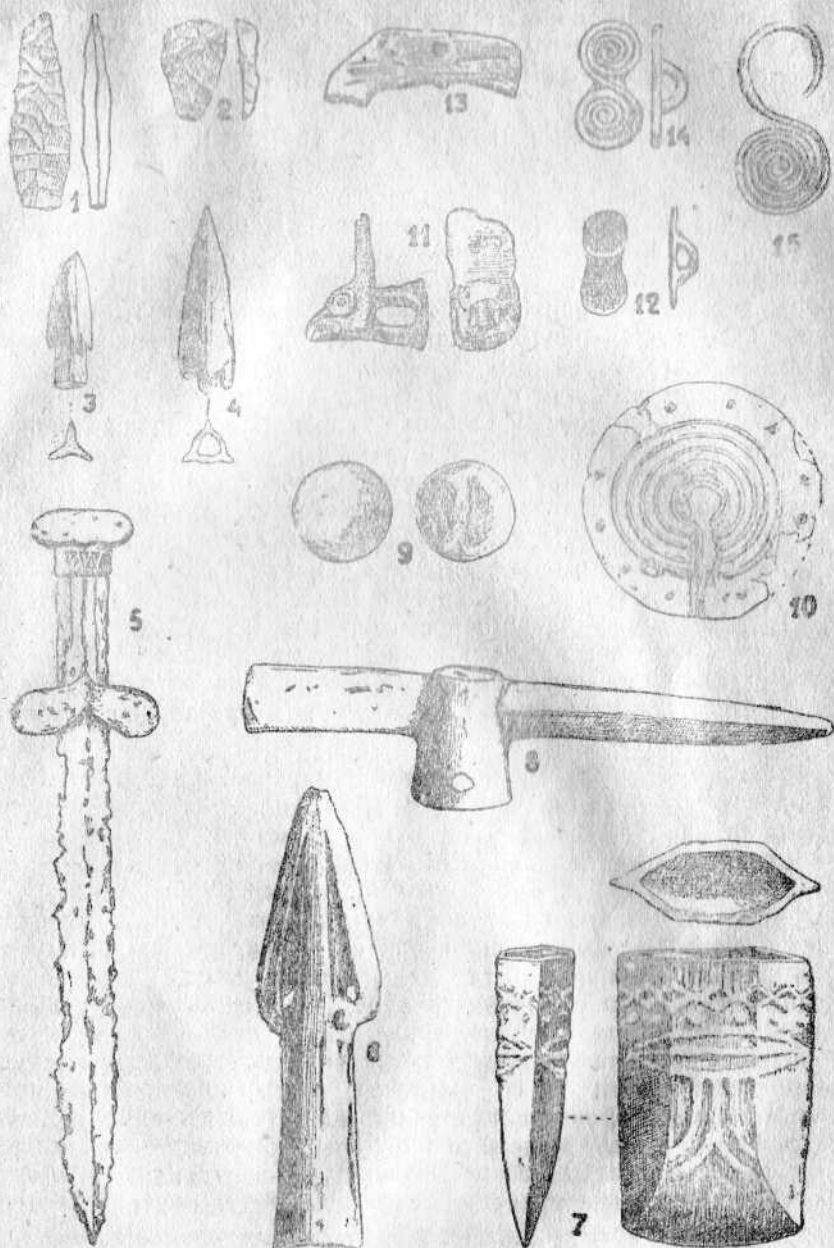


Рис. 20. Ананьевская культура.

1 — кремневый наконечник стрелы; 2 — кремневый скребок; 3, 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — железный короткий меч — акинак с золотой инкрустацией на рукояти; 6 — бронзовый наконечник копья; 7 — бронзовый втульчатый топор-кельт; 8 — бронзовый боевой кельт — чекан; 9—15 — различные бронзовые украшения. (1, 2, 11—13 — с Галкинского городища; 3, 4, 6—10, 14, 15 — из Зуевского могильника; 5 — из Луговского могильника).

более раннее время имеются в погребениях абашевской культуры, там эти случаи часты: эти факты связаны с существованием особого поверья, может быть, с обычаем отрезать головы у врагов.

Анализ могильного инвентаря приводит к выводу об имущественной неоднородности ананьинского общества. Некоторые скелеты совсем лишены вещей, другие, наоборот, очень богаты, будучи снабжены мечом, копьём, боевым топором-кельтом, стрелами, следовательно, и луком (не сохранившимся), украшениями, запасом пищи в виде целой части туши животного и т. д. (рис. 18). В Ананьинском могильнике над одной могилой была каменная плита с изображением на ней воина с кинжалом и боевым молотом-клевцом у пояса и с обручем-гривной на шее (рис. 19). Во время раскопок были вскрыты два богатых погребения, в которых, в соответствии с изображением на плите, оказались и железный кинжал, и железный клевец, и шейная гривна, сделанная из серебра. Эти находки приводят к выводу о выделении у ананьинцев родовой аристократии и наследственных вождей и, с другой стороны, о наличии патриархального рабства. Анализ погребений приводит к заключению и о подчинённом положении женщины.

Перечисленные выше факты так же, как, между прочим, и мотив пожирания хищниками других животных, излюбленный в произведениях искусства того времени, говорит о том, что военные столкновения, грабительские войны вошли в повседневную жизнь «ананьинцев», общество вступило в своем развитии на стадию военной демократии, нашедшую наиболее яркое отражение в укреплении поселений.

Обширность территории, занятой памятниками ананьинской культуры, говорит о бытовании на ней не одного какого-нибудь племени, но обширного союза родственных племён. В то же время первобытная община ананьинцев находилась на стадии далеко зашедшего разложения. Кроме указанных выше фактов, об этом же говорит чрезвычайно развитой межплеменной обмен. Устанавливается факт постоянных сношений со скифами, нуждавшимися в драгоценной пушнине для дальнейшего сбыта её греческим купцам из причерноморских городов. В обмен на меха ананьинцы получали от скифов оружие, украшения и прочие предметы скифской культуры, чем и объясняются значительные черты сходства ананьинской культуры со скифской, частью прочно вошедшие в быт и местное производство ананьинцев (трёхгранные бронзовые наконечники стрел, железные кинжалы, короткие мечи-акинаки и пр.); имеются и следы обратного культурного влияния ананьинцев на скифов (например, изредка встречающийся у них чекан-клевец).

О далёких торговых связях Прикамья того времени говорит неожиданная находка на втором селище у деревни Конецгор маленькой бронзовой статуэтки египетского бога Амона, хранящейся в Молотовском областном музее. Конечно, статуэтка проникла с берегов Нила на устье Чусовой не в результате непосредственных

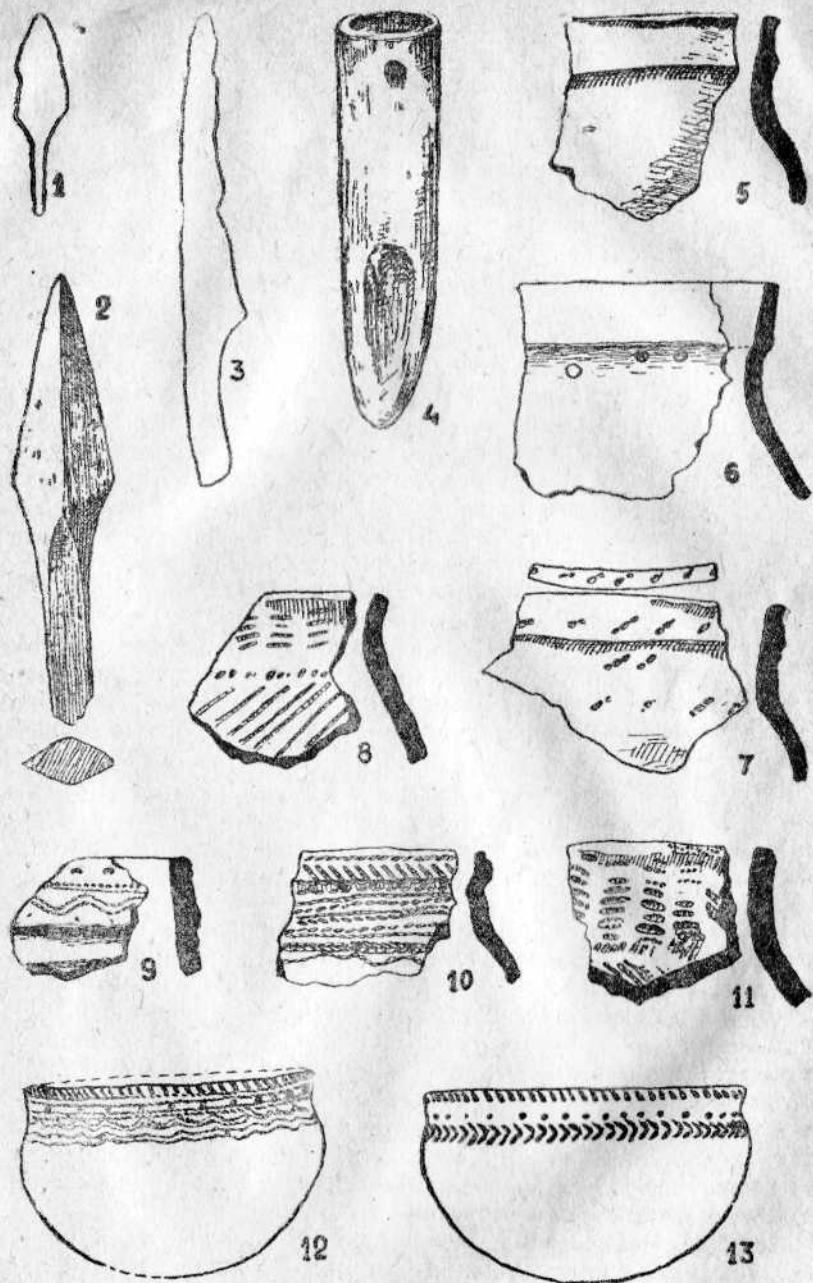


Рис. 21. Ананьинская культура.

1—железный наконечник стрелы; 2—костяной наконечник стрелы; 3—железный нож; 4—костяной наконечник мотыги; 5—11—обломки шеек глиняных сосудов (5—7, 9—с „воротничком“); 12, 13—целые глиняные сосуды (1, 3, 5—11—с Галкинского городища; 2, 12—из Зуевского могильника).

свошений, а через ряд промежуточных этапов. Помимо связи со скифами, устанавливаются связи с Кавказом, Средней Азией и в особенности с Зауральем и Центральной Сибирью, с верховьями Енисея.

Значение восточных связей ананьинских племён особенно подчёркивается их антропологическим типом. Если даже погребения позднейшей бронзовой эпохи к югу от Камы, сопровождаемые вещами срубно-хвалынской культуры, дают скелеты ярко выраженного европеоидного типа с длинным черепом и выступающим носом, то здесь встречаются уже отдельные черепа с явно монголоидными чертами, а в Луговском могильнике преобладает не менее ярко выраженный монголоидный тип, наиболее близкий бурятскому. Здесь же встречаются и представители смешанных типов.

Указанные антропологические факты вместе с культурными связями, ведущими в Зауралье и Сибирь, говорят о принадлежности Прикамья того времени преимущественно к ареалу расселения монголоидной расы, а сибирский характер местной культуры ещё в палеолитическую эпоху говорит в пользу очень большой древности здесь монголоидного типа, к которому принадлежало также, надо думать, население и неолитических стоянок, и поселений бронзовой, сейменско-турбинской культуры.

Ананьинские монголоидные племена, объединявшие почти три тысячи лет назад первобытное население древнего Прикамья и давшие ему относительно высокую, самобытную культуру, представляют собой ту основу, на которой в дальнейшем формируются местные народы этого обширного края, несущие в себе следы многовекового скрещения монголоидного и европеоидного элементов.

7

Пьяноборско-гляденовская культура (военная демократия, высшая ступень варварства)

Пьяноборско-гляденовская культура в Прикамье тесно связана с ананьинской. Следуя за последней, она относится ко времени между II веком до нашей эры и V веком нашей эры. Распространена она несколько шире, охватывая и смежные районы Поволжья. Эта культура изучена и очерчена значительно слабее ананьинской, и многие связанные с нею вопросы нуждаются в уточнении.

Культура получила своё название от богатого находками могильника у села Пьяный Бор, против устья реки Белой, недалеко от более раннего Зуевского могильника ананьинской эпохи, и по известному костыщу — жертвенному месту у села Гляденово, в 20 километрах ниже города Молотова.

Население Прикамья в эту пору продолжало жить на городищах, часто на тех же самых, на которых оно жило в период ананьинской культуры, и мы не можем в его хозяйственно-бытовом укладе отметить существенных перемен.

Городищ пьяноборского времени известно в Прикамье много.

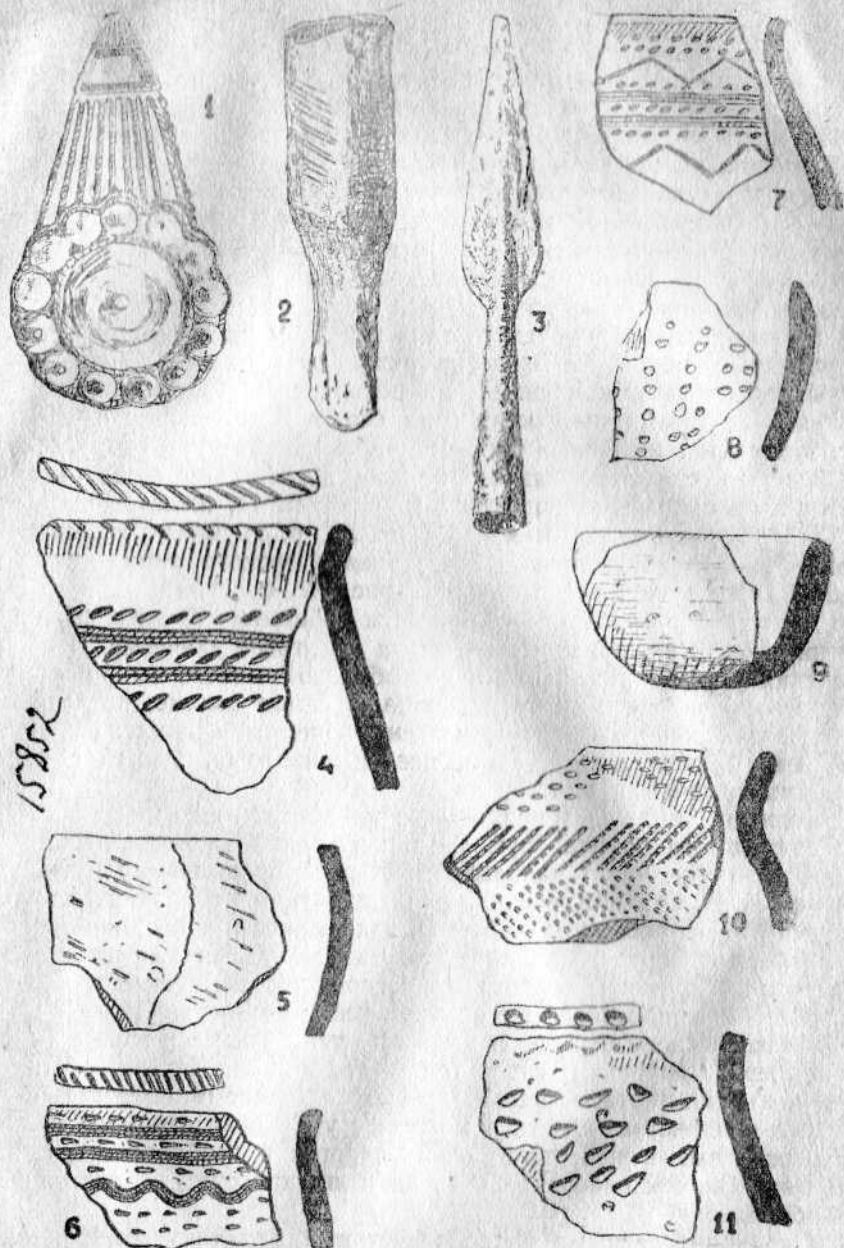


Рис. 22. Пьяноборская культура.

1 — эполетовидная бронзовая застёжка; 2 — железный втульчатый топор-кельт; 3 — железное втульчатое копье; 4—11—обломки глиняной посуды. (1—из Пьяноборского могильника; 4—11—с Турбинского селища).

Они того же устройства и размеров, что и ананьинские, на них встречается почти такая же керамика, большое количество костяных изделий и костей животных, среди которых резко преобладают домашние. Но бронзовые орудия здесь окончательно уступают место железным; бронзовыми остаются главным образом украшения, застёжки и т. п. Получает всеобщее распространение железный втульчатый топор-кельт, который не мог не сыграть важную роль в подсечном земледелии, посредством которого происходило медленное, но неуклонное хозяйственное освоение лесных водоразделов. Впрочем, это явление особенно сказалось в последующее, ломоватовское время.

Могильники пьяноборского типа известны на Каме пока только ниже устья Белой, на Вятке, а также отчасти в Поволжье. Могилы без курганных насыпей, на поверхности. Скелеты находятся в них в вытянутом положении, на спине. В мужских погребениях часто оружие: железные трёхлопастные наконечники стрел, уже не втульчатые, скифские, как в Ананьине, а с черешком для скрепления с древком, сарматского типа (рис. 23, ф. 1), железные топоры-кельты (рис. 22, ф. 2) и копья (рис. 22, ф. 3). Очень характерны бронзовые эполетовидные фибулы пьяноборского типа — крупные застёжки, носившиеся на одежде (рис. 22, ф. 1).

Женские погребения отличаются обилием бронзовых украшений; часть их, повидимому, имела культовое значение. В пьяноборских украшениях часто в своеобразной манере изображаются птицы, связанные с культом солнца, и самое солнце; встречаются бронзовые диски, состоящие из семи concentрических зон, фигурки семиголовых людей, семиголовых животных, зверей с семью рыбами во чреве и т. п.

Религия, отражая неправильные представления человека о природе, с самого начала тормозила познание природы, ослабляла силы человека, часто направляла их по неправильному пути. По словам И. В. Сталина, «всякая религия есть нечто противоположное науке»¹. В первобытном обществе, как, впрочем, и в современности, религиозные представления постоянно заставляли людей тратить массу сил, времени, средств на совершенно ненужные культовые церемонии, колдовские, магические действия; осуществлять массу не только бесполезных, но и явно вредных обрядов и запретов, как, например, уродовать свое тело (деформация черепа, отсекание пальцев), заниматься бессмысленным «лечением» болезней с помощью колдовства, класть в могилы с умершими огромное количество полезных вещей, часто очень дорогих и необходимых, лишая себя этих вещей и обрекая себя на излишний труд их постоянного возобновления.

Очень интересными археологическими памятниками Прикамья являются жертвенные места. Они появляются ещё в ананьинскую эпоху, но расцвета своего достигают в пьяноборско-гладеновскую.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. X, стр. 132—133.

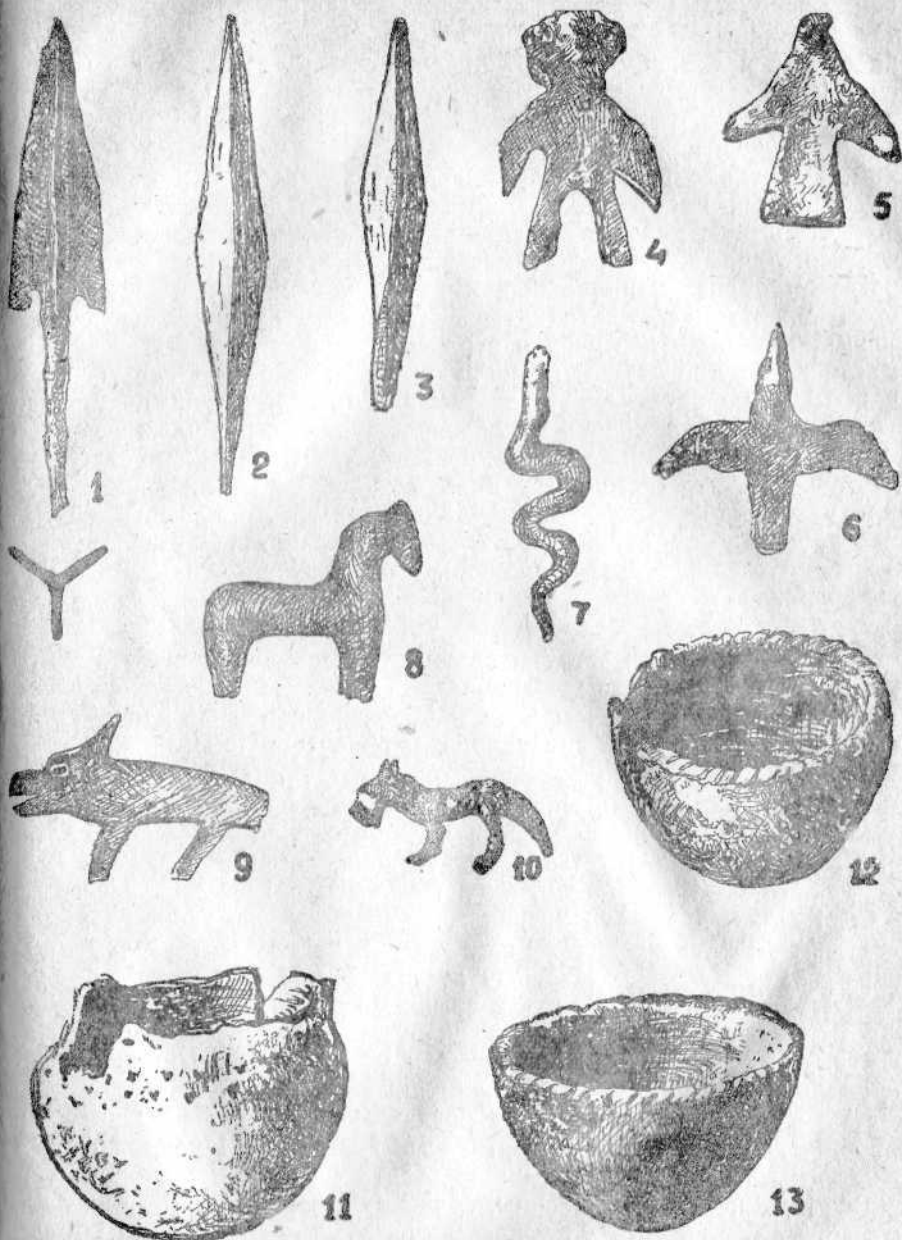


Рис. 23. Вещи с Гладеновского костища.

1—железный трехлопастный наконечник стрелы сарматского типа; 2,3—наконечники стрел из кости; 4—10—вотивные жертвенные фигурки из бронзы; 11—13—керамика (сильно уменьшена).

Они располагаются обычно на возвышенных, господствующих над окружающей местностью пунктах; в области горного Урала — на скалах и вершинах, а также в пещерах. Жертвенные места ещё недавно встречались у современного населения Северного Урала — манси, хантэ и ненцев, и поэтому, чтобы получить общее представление о характере жертвенных мест вообще, обратимся к ним. Последние располагались на возвышенностях, в рощах или на открытых местах. Здесь ставились деревянные идолы духов, божеств в виде колбев или чурбанов с грубо вырезанными человеческими лицами, изображающие различные силы природы в человеческом образе или предков, которым поклонялись. В Молотовском областном музее хранятся фотографии таких идолов, вырубленных прямо на деревьях в верхнекамских лесах. Иногда предметом почитания служили просто отдельные деревья, скалы, большие камни, обрывы, устья рек и т. п. У народов восточного Поволжья ещё в недавнем, дореволюционном прошлом сохранялись священные рощи — «кереметища», а в пермских часовнях — издревле почитаемые пни и т. д. Вокруг идолов или почитаемых предметов на жертвенных местах Северного Урала можно было видеть кости жертвенных животных, особенно черепа, положенные и развешанные дары: шкурки пушных зверей, ткани, одежду, украшенную бляхами и бусами, оружие, в особенности стрелы, ножи и проч.

На жертвенных местах и святилищах, сохранившихся с древности, находят слои золы от костров, разбитые кости животных, глиняную посуду в целом виде и черепках и разные вещи, бытовые и приготовленные специально для жертвоприношения.

Известнейшие древние жертвенные места Прикамья, называемые костямищами, — Гляденовское, Топасихинское, Гаревское и др. На Гляденовском костеце культурный слой располагался на высокой площадке в устье реки Мулянки, занимал площадь около 2500 квадратных метров, имел мощность в 1,5 метра и состоял из почти сплошного скопления золы и костей домашних и диких животных. Однако в жертву приносились не только животные; тут же найдено свыше двух тысяч костяных и железных трёхлопастных (сарматского типа) стрел, свыше 13 тысяч бус (из них около 80% стеклянных золочёных), свыше тысячи мелких бронзовых фигурок, главным образом, животных и много других вещей. Упомянутые бронзовые фигурки служили, вероятно, специально для жертвоприношений, изображая различные священные предметы и заменяя соответствующих жертвенных животных. Имеются фигурки всех домашних животных: коровы, лошади, свиньи, овцы, — а также диких: медведя, лисицы, белки. Имеются изображения пчёл, говорящие о наличии бортничества, лесного пчеловодства. Среди фигурок людей есть мужчины и женщины, иногда парами, стрелки из лука и всадники (рис. 23).

Жертвенные места Прикамья служат ярким выражением развивающегося анимизма, одухотворения окружающих элементов

природы и собственных предков, культ почитания разнообразных духов — «хозяев» гор, рек и озёр, деревьев и т. п. Некоторые из бронзовых изображений, в особенности фигуры фантастических животных, надо думать, служили принадлежностями возникшего шаманства. С помощью избранных шаманов, якобы находившихся в близких отношениях с духами, легче осуществлялось «общение» с этими последними и задабривание их, конечно, не без пользы для шамана.

Часть предметов с камских жертвенных мест говорит о дальних связях; так, много бус происходит из греческих городов Причерноморья.

Жертвенные места Зауралья некоторыми исследователями считаются более древними, и самое появление их в Прикамье связывается с проникновением этих обычаев и, в частности, шаманства, опять-таки из Зауралья. Шаманство было развито в Сибири чрезвычайно широко.

8

Харинская и ломоватовская культуры (военная демократия, высшая ступень варварства)

В некоторых, пока ещё немногочисленных могильниках Прикамья, относящихся к IV—VI векам, обнаружены вещи явно южных типов, связанных со степями Южного Урала, Поволжья и Северного Причерноморья. К числу этих вещей принадлежат своеобразные бронзовые поясные и сапожные (?) пряжки, кольца с тремя обоймами для прикрепления ремней, бронзовые же плоские шейные гривны, бронзовые и золотые серьги, пряжки с накладными золотыми пластинками, железные ножи с ножнами, окованными листовой бронзой, железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел, железные удила, глиняная посуда ручной лепки и пр. (рис. 24). Южный характер этих могильников усиливается тем, что погребения в них находятся под низкими расплывшимися курганами. Они были изучены у деревни Хариной, Гайнского района, Коми-Пермяцкого округа (Харинский могильник дал имя всей группе памятников); близ Усть-Качки, на Каме, в 25 километрах ниже города Молотова; у деревни Бахмутино, на реке Белой, и в некоторых других пунктах между ними. Отдельные же находки вещей харинского типа многочисленны.

Южные, степные влияния в вещах из погребального инвентаря могильников харинской эпохи в Прикамье настолько сильны, что некоторые исследователи даже выдвинули гипотезу о приходе сюда с юга новой народности. Однако правильнее считать, что здесь мы имеем дело лишь с культурным сближением и, возможно, с частичным смешиванием местного населения с какими-то степными племенами, придвинувшимися к Прикамью в результате исторических событий того времени, известных ныне под именем великого переселения народов.

Интересно, что в состав современного антропологического типа коми-пермяков так же, как удмуртов, манси, башкир и поволжских татар, — типа в основном многолоидного, — входит заметный восточно-средиземноморский европеоидный элемент, связанный со степными областями Приуралья, с древней Сибирью, Причерноморьем и Северным Кавказом; вероятно, он проник сюда, на Урал и в Приуралье, именно в это время. Но основной состав населения на Каме оставался прежним, о чём красноречиво говорят сохраняющиеся местные элементы в культуре и, прежде всего, керамика (рис. 24).

В районах Южного Прикамья, на Белой и в особенности на Сылве на основе местной культуры и под влиянием южных кочевых племён к концу VI века нашей эры сложилась своеобразная богатая культура, известная по одной из первых находок под именем ломоватовской. Последняя известна также в Верхнем Прикамье и ещё шире. Одновременно и, вероятно, под тем же влиянием в Южном Прикамье усилилось значение скотоводства.

Ломоватовская культура особенно хорошо представлена богатейшими могильниками окрестностей Кунгура: Неволинским, Бродовским и Горбунятским. В Неволинском могильнике найдены монеты сасанидского (Иран) царя Хозроя II, царствовавшего между 590 и 628 годами. Общая дата ломоватовской культуры с VII по IX век включительно.

Погребения ломоватовской культуры чрезвычайно богаты вещами; среди них, как и в харинское время, имеются предметы из драгоценных металлов, чем и объясняется факт разграбления большинства могил ещё в старину. Часть вещей — безусловно местного происхождения: это — преимущественно бронзовое литьё; различные бляшки, в том числе так называемые «рогатые» подвески, пронизки, браслеты и прочие украшения, а также многочисленные «шаманские изображения». Другая часть вещей — привозная, с юга: бусы из стекла и пасты, серьги, поясные наборы, некоторые железные вещи, как, например, мечи, а может быть, стремена и уздечки. Из железных изделий, из-за малых размеров железных криц местной выплавки, изготовлялись, вероятно, лишь мелкие предметы, как ножи, наконечники стрел, которые всё ещё остаются трёхлопастными, черешковыми (лишь с более крупными лопастями) и пр.

Упомянутые «шаманские» изображения ломоватовской эпохи особенно причудливы и богаты. Большая часть их представляет фигуры фантастических существ в виде сказочных зверей, птиц со звериными головами, с человеческими лицами на груди и т. п., созданных воображением людей, не понимавших явлений окружающей природы, представлявших её населённой бесчисленными духами, от которых постоянно зависели человеческие начинания и дела. «Каждая религия, — говорит Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, ко-

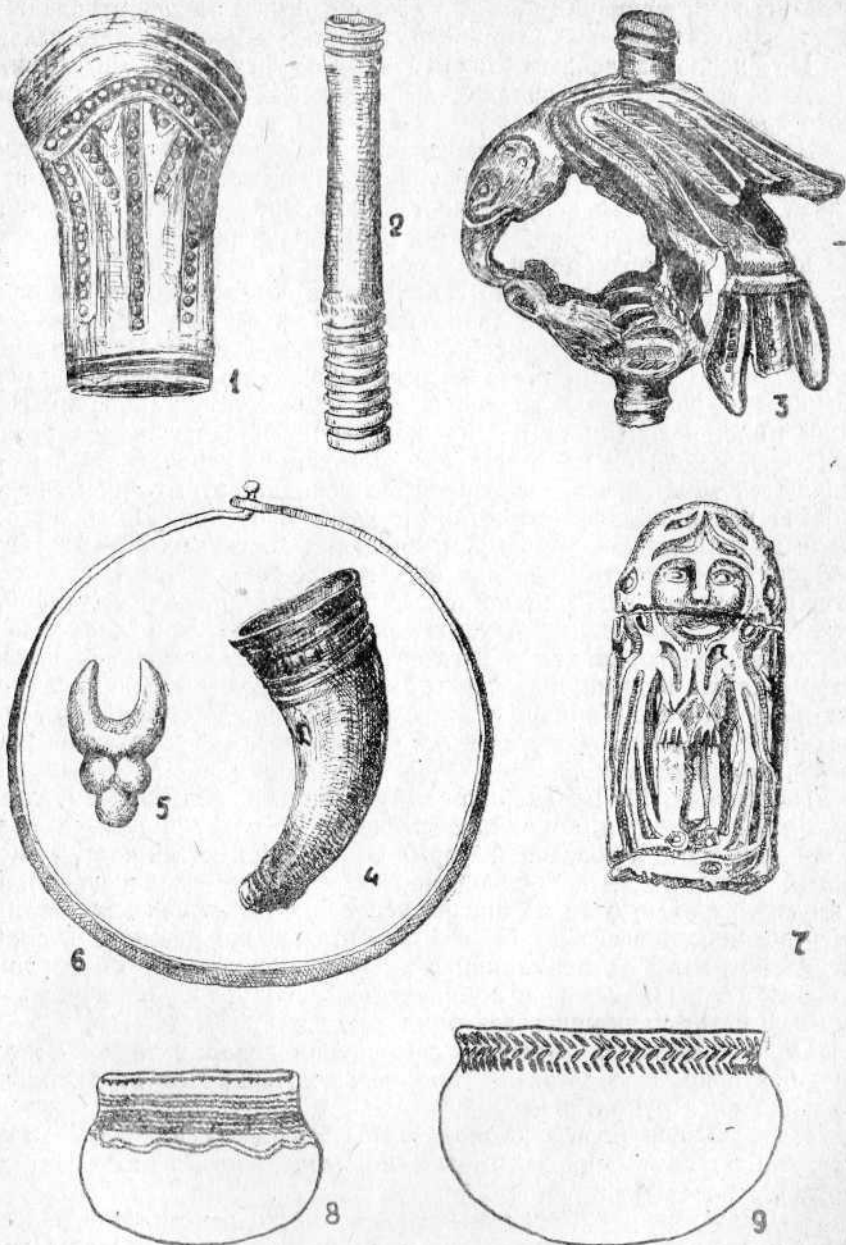


Рис. 24. Вещи хиринско-ломоватовского времени.

1—бронзовая рукоятка ножа; 2—4— бронзовые украшения-привязки; 5—бронзовая бляшка; 6— шейный бронзовый обруч-гривна; 7— шаманское изображение — бронзовый идол; 8, 9 — глиняная посуда (сильно уменьшена).

торые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных».¹

По неразграбленным погребениям кунгурских могильников удалось восстановить праздничный мужской и женский костюмы того времени.

Всё же не только харинская, но и ломоватовская культура остаётся ещё очень плохо изученной. Прежде всего бросается в глаза почти полная неизученность поселений этого времени; в отличие от могильников, они бедны находками и в старое время не привлекали археологов.

Городищ в это время, по сравнению с ананьинской и пьяноборской эпохой, делается особенно много, притом они распространялись, помимо крупных рек, и на мелкие притоки. Подавляющее большинство городищ было очень невелико по размерам жилой площади — до 700 и даже 500 квадратных метров; больших городищ мало, а городища площадью свыше 3—4 тысяч квадратных метров исключительно редки. Их земляные укрепления не отличаются мощностью. Особенностью городищ этого времени является почти полное отсутствие культурного слоя. Лишь на единичных памятниках толщина последнего достигает 50—60 сантиметров. Очень бедные находки состоят главным образом из обломков посуды из глины с примесью толчёной раковины, тонкой, с угловым штампованным орнаментом по краю или с отпечатками шнура вокруг горла. На поверхности некоторых памятников видны старые ямы, видимо, остатки жилищ или хранилищ; они до сих пор не изучались. Наряду с городищами, неукреплённые селища очень редки, располагаются всегда в глуши и отличаются незначительными размерами.

По мнению М. В. Талицкого, указанные особенности ломоватовских городищ находят объяснение в совершившемся в это время переходе к подсечной форме земледелия, когда частая смена полей приводила и к необходимости менять места поселений, почему культурные слои на них не успевали накапливаться. Видимо, они обитались всего по 15—20 лет. Малые же размеры городищ отражают переход от «длинного» многоочажного родового дома, известного в Прикамье в ананьинскую эпоху, к одноочажному дому, в котором помещалась одна семья.

Об усилившемся значении земледелия говорит также появление в это время железных широких мотыжек со втулкой для скрепления с рукояткой.

На большую роль скотоводства указывают находки костей всех видов домашних животных, но соотношение их в стаде остаётся неясным.

Наконец, попрежнему существенное место в хозяйстве занимала и охота. Так, культовые литые изображения в основном дают охотничьи мотивы: на них мы видим лосей, медведей, бобров, соболей и других животных. Главным орудием охоты был лук; судя

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 322.

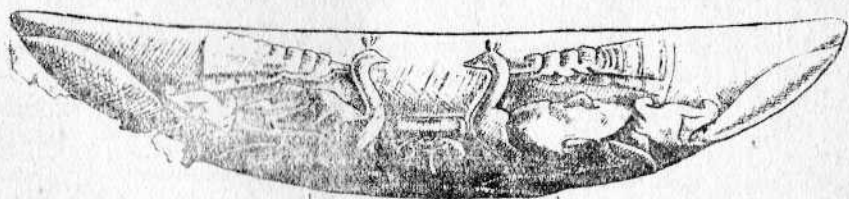


Рис. 25. Сасанидское серебряное блюдо из д. Керчевой (б. Чердынский уезд; найдено в 1893 г.) и сасанидская серебряная ладьевидная чаша из с. Бартыи (Березовский район, близ Кунгура; найдена в 1947 г.). Уменьшено более чем в 2 раза.

по одной бронзовой поясной бляхе из Бродовского могильника, изображающей сцену охоты на оленя, лук был уже сложным.

Пушная охота продолжала доставлять основной продукт для обмена с югом, чрезвычайно усилившегося в харинско-ломоватовскую эпоху. Помимо указанных выше украшений, железного оружия и проч., за пушнину население Прикамья получало в то время также драгоценные серебряные сосуды иранского, среднеазиатского и византийского происхождения. Многочисленные находки этих сосудов представляют одно из замечательнейших явлений в археологии Прикамья. Пермские коллекции восточного серебра, хранящиеся главным образом в Эрмитаже (Ленинград), — лучшие в мире; на востоке эти изделия в последующие века были давно перелиты, в Прикамье же они во множестве сохранились в земле. Этого «серебра закамского» было встарину так много, и оно представляло такую существенную статью дохода, что послужило в XIV веке поводом для ссоры Новгорода с Москвой.

Изготовление указанных серебряных сосудов относится к III, IV, V, VI векам и позднее, до IX и X веков. Проникновение их в Прикамье в основном относится к ломоватовскому времени, причём проникали они сюда, вероятно, больше в VIII и IX веках главным образом через арабских купцов. Эти вещи получали здесь значение принадлежностей культа, примеры чему описаны в Приуралье не раз. Так, серебряные блюда использовались в качестве существенной части идолов — их головы, лица и пр. Они находятся большей частью в стороне от древних поселений, нередко в глуши, вероятно, на месте древних святилищ. Глубина залегания их в земле очень незначительна: обычно они лежат у самой поверхности и выпахиваются плугом; специально спрятанные клады находились бы, надо полагать, в иных условиях. Серебряные блюда и чаши, будучи принадлежностью чтимых и неприкосновенных святилищ, по мере забвения и разрушения последних падали на землю, а затем оказывались в почве.

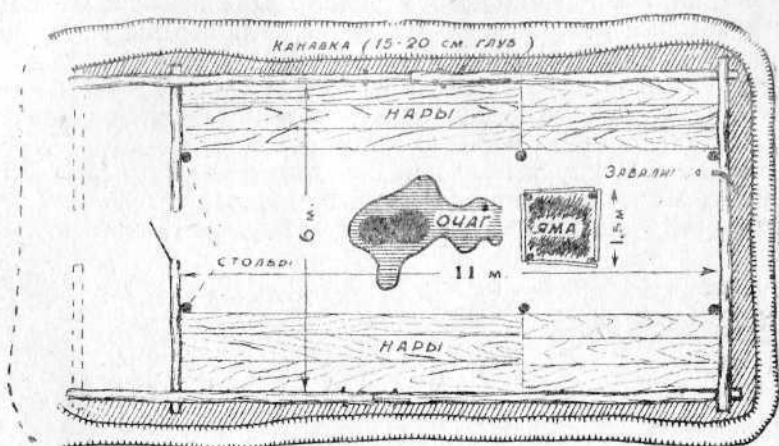
Следует подчеркнуть, что харинско-ломоватовские памятники имеют прямое отношение к проблеме формирования современных народов Западного Приуралья. Изучены они, эти памятники, ещё крайне слабо. Восполнить этот существенный пробел в древней истории Прикамья — одна из наших первоочередных задач.

9

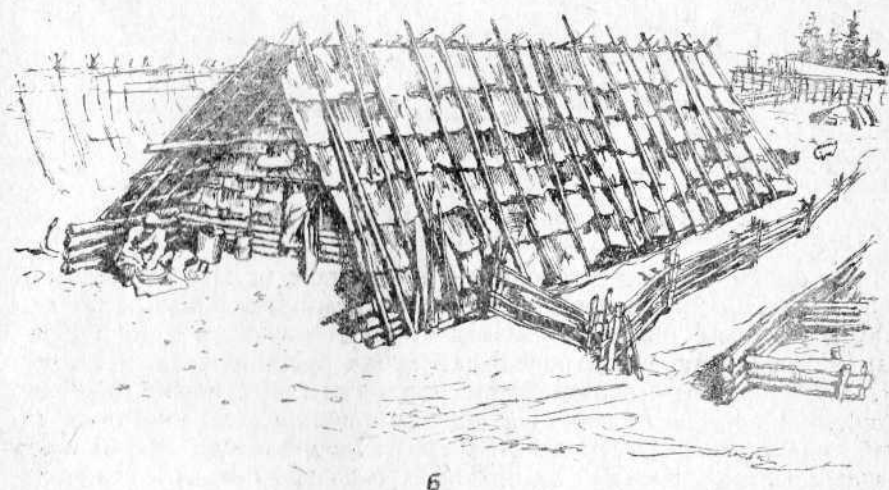
Родановская культура

В пределах Удмуртской АССР, по рекам Чепце, Ижу с притоками и Вале в советский период были исследованы городища и могильники, относящиеся к X и последующим векам. На городищах были изучены жилые и хозяйственные сооружения и ремесленные мастерские. В X веке здесь уже были бревенчатые дома с очагом в углу, с сараями, скотным двором и кладовыми. Находки железных ральников позволяют говорить о возникновении пашенного земледелия; большое количество костей домашних и диких

животных — о развитом скотоводстве и об охоте. Различные изделия и остатки мастерских дают представление о развитии ремёсел. На Кушманском городище открыты сыродутные горны для выплавки железа из руды и кузницы. Резные вещи из кости указы-



а



б

Рис. 26. План основания (а) и реконструкция (б) одного из жилищ Роданова городища (по М. В. Талицкому).

вают на высокое развитие местного искусства. Исследованные могильники характеризуют погребальные обычаи; восстанавливаемый по материалу погребений костюм по ряду признаков схож с современным костюмом удмуртов. Этими исследованиями уста-

новлена связь между современным населением, местным населением X века и ещё более древним населением пьяноборской и ананьинской эпохи. Удмуртский народ исторически сложился в междуречьях Вятки и Камы на основе более древних местных племён.

Аналогичная картина вырисовывается для Верхнего Прикамья в отношении коми-пермяцкого народа. Археологическими памятниками, которые можно связывать уже с коми-пермяками, являются большие городища, как Кыласовское, Роданово, Рождественское, Кудымкарское и многие другие. К X веку бедные, часто покидаемые укрепленные посёлки-городища ломоватовского типа исчезают и уступают место постоянным, хорошо укрепленным городищам с мощным культурным слоем. В соответствии с этим количество городищ снова уменьшается. Размеры городищ обычно велики и достигают площади в 15 000 квадратных метров (Кыласово).

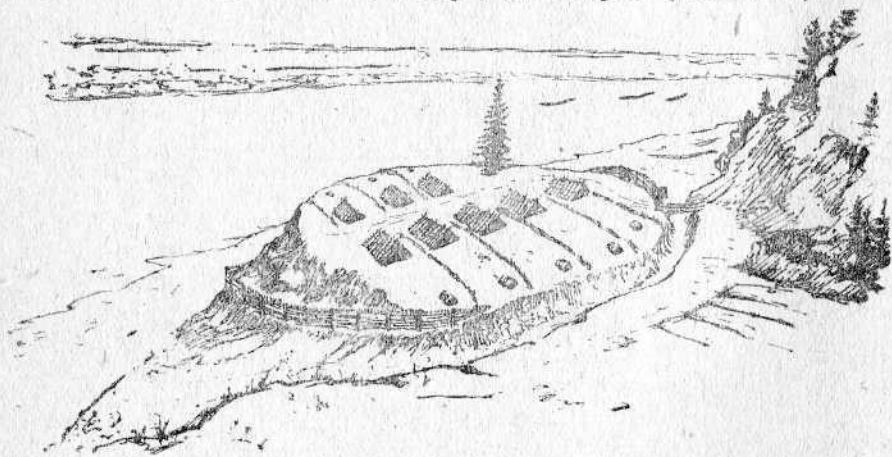


Рис. 27. Реконструкция поселка на Родановом городище (по М. В. Талицкому).

На одном из таких городищ — Родановом (к югу от Березников) — раскопками собран особенно богатый материал, позволяющий во многом охарактеризовать этот исторический этап в Прикамье, предшествующий появлению здесь русских и почти неизвестный письменным историческим источникам. Роданово городище относится к X—XIV векам. На нём было обнаружено много оснований прямоугольных домов (рис. 26а) площадью до 50—60 квадратных метров. Каждый из них имел в центре большой глинобитный открытый очаг и яму-хранилище (рис. 26а). Вдоль стен прослежены остатки деревянных нар. Устройство жилища указывает, что это был дом, где обитала большая патриархальная семья. Каждый такой дом имел свой двор, отделённый от соседнего двора изгородью. Внутри дворов также были устроены ямы-хранилища.

Крайне важным техническим приобретением в земледельческом хозяйстве этой эпохи в Прикамье явился плуг с железным раль-

ником (рис. 28, ф. 1, 2), что сделало земледелие гораздо более интенсивным. Но не исчезает и железная мотыга, дожившая в подсечном земледелии местами до наших дней. Появляется также коса-горбуша (рис. 28, ф. 4) и круглый вращающийся жёрнов. Родановский топор приобретает более широкое лезвие (рис. 28, ф. 3),

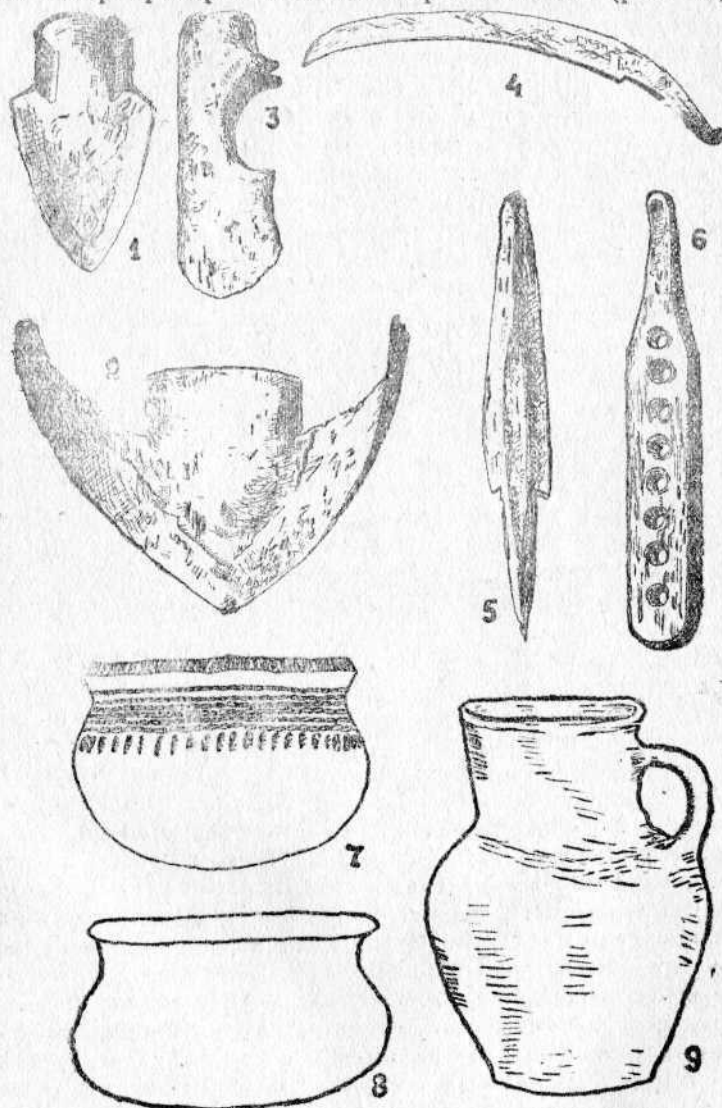


Рис. 28. Родановская культура.

1, 2 — железные сошники; 3 — железный топор (проушный); 4 — железная коса-горбуша; 5 — костяной наконечник стрелы; 6 — костяная копушка; 7, 8 — глиняная посуда местного производства; 9 — красный болгарский кувшин, сделанный на гончарном круге (1—6 — из коллекций Молот. обл. музея).

что сделало его более удобным и для подсека, расчистки лядины для посева. В ямах-кладовках и вокруг очагов найдены зёрна пшеницы, ячменя, ржи и овса.

В составе стада домашних животных, судя по костям в пищевых отбросах, были корова, лошадь, овца и свинья. При этом лошади употреблялись в пищу только старые, что говорит об употреблении их для транспорта, а также, вероятно, для распашки полей. У арабских авторов того времени, а также у путешественника XVI века Герберштейна имеются сведения о применении в этих районах езды на собаках. Кости собаки также найдены в раскопках. Впервые появляется домашняя птица (курица).

О значении и разнообразии охоты говорит разнообразие костяных и железных наконечников стрел, которые перестают быть трёхлопастными и делаются плоскими.

В Кочергинском могильнике этого времени, в бассейне Вятки, найдены части костяной обкладки сложного, клеёного лука. Кости рыб, рыболовные крючки, грузила от сетей и прочее указывают на развитое рыболовство.

Развиты были ремёсла: металлургия, обработка кожи, кости, ткачество, гончарство. Глиняная посуда частью ещё круглодонная, старого местного типа, господствовавшего в ломоватовское время (рис. 28), частью же, в особенности в более верхних слоях городища, привозная с Нижней Камы или Волги, болгарская — в виде плоскодонных кувшинов красного цвета, с одной или двумя ручками и лощёной поверхностью (рис. 28, ф. 9), а также баночной и других форм. Затем появляется и местное подражание болгарской керамике.

Погребения эпохи Роданова городища (X—XIV вв.) в Верхнем Прикамье почти не изучены. Но, судя по раскопкам Кочергинского могильника X века на Вятке, трупы клались на спине, в вытянутом положении и обильно снабжались «в загробный мир» вещами. Среди них железные втульчатые и проушные топоры, копья, ножи, стрелы, остатки сложных луков, разнообразные украшения (преимущественно из бронзы). Удалось установить наличие меховой одежды шерстью внутрь, с рукавами, покрытой сверху грубой шерстяной тканью. Ниже, вероятно, на теле, — следы рубахи (?) из растительной ткани. Чрезвычайно характерной особенностью родановской эпохи следует считать обилие на одежде различных бронзовых «шумящих» подвесок (рис. 29, ф. 9).

Ряд данных указывает, что в XII—XIII веках в Верхнем Прикамье чрезвычайно углубляется социальная дифференциация. В это время появляются богатейшие клады. Это не культовые серебряные вещи (сасанидские и византийские блюда), которые были известны и в предыдущее, ломоватовское время, а большие клады личных, женских украшений (ювелирные, повидимому, болгарские изделия; прекрасно сделанные ожерелья, хрустальные и сердоликовые бусы), например, Верх-Кондасский, Осокинский, Вильгортский (рис. 29) и другие клады. Появляется полное вооружение дружинни-

ка: меч и сабля, кольчуга, повидимому, шлем — доступное лишь наиболее богатым членам племени, из которых составлялась полурегулярная племенная конная дружина.

У нас слишком мало данных для того, чтобы говорить о возникновении классового общества, государства. Наоборот, замечательная коми-пермяцкая легенда о Кудым-Оше, в своих древних элементах безусловно восходящая к этому времени, в ярких красках рисует образ племенного вождя (М. В. Талицкий). Отсутствие

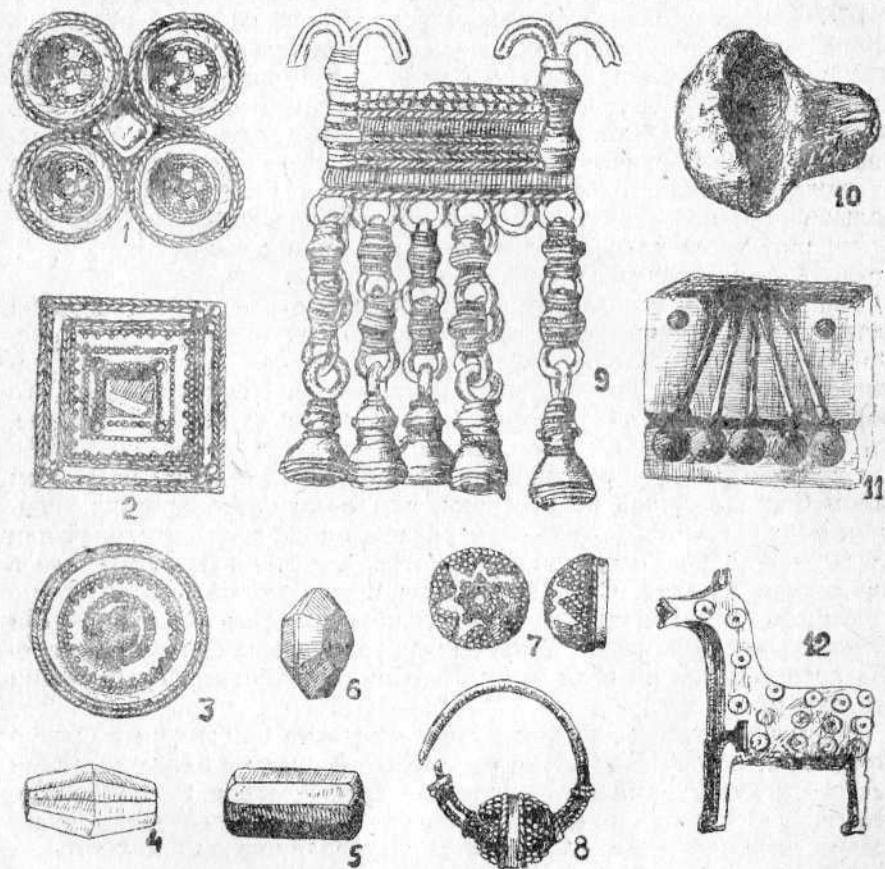


Рис. 29. Родановская культура.

1—3—серебряные бляхи с сердечковидными вставками; 4—хрустальная буса; 5, 6—сердечковидные бусы; 7—серебряное украшение; 8—булгарская серьга; 9—бронзовая шумящая привеска; 10—глиняная льячка для литья металла; 11—половина литейной формочки; 12—бронзовый булгарский замочек в виде дощечки. (1—7—из казды в с. Вильгорт на р. Колве).

особых «замков» на территории больших городищ, как это наблюдается в ту же эпоху южнее; на поселениях булгарской территории, затем, всё же, относительно однообразный характер предметов домашнего обихода, например, керамики и т. д. — всё это «говорит,

как будто, за то, что процесс общественного расслоения ещё не привёл к созданию классовых группировок, хотя этот момент и был уже недалёк» (А. В. Шмидт).

Общая планировка родановского посёлка (рис. 27) «сопоставляется с фактом нахождения на городище по меньшей мере пяти типов тамг. На городище жили, таким образом, представители не меньше пяти родов. В связи с этим вопрос о социальной организации посёлка наиболее вероятно решается в пользу соседской общины. Как постройка укреплений вокруг посёлка осуществлялась всеми родами совместно, так, очевидно, и земельный вопрос разрешался какой-то межродовой или надродовой организацией. Иначе говоря, род потерял решающее значение в самом основном вопросе жизни населения» (М. В. Талицкий). Надо думать, что описываемое население Верхнего Прикамья находилось на последней стадии разложения доклассового общества, на дофеодальной стадии. Большинство исследователей полагает, что для Верхнего Прикамья время появления классового общества можно отнести к XV, а может быть, к концу XIV века.

Как известно, «эпоха распада родового строя и становления классовых отношений есть время постоянных военных столкновений. В Пермском крае приходилось защищаться от набегов болгарских отрядов и новгородских ушкуйников. Неудивительно, что фортификационное дело стояло на относительно высоком уровне. Городища, занимавшие мысы, часто очень высокие (до 60 метров над уровнем реки), укреплялись с незащищённой стороны насыпным валом более сложной конструкции, чем валы более древних городищ. Верхняя часть вала выравнивалась в виде горизонтальной или слегка наклонной площадки, на которой, очевидно, возвышалась деревянная ограда¹. Склоны городищ, насколько можно судить по некоторым данным, иногда искусственно делались более крутыми (Кыласовское городище). У изученных городищ не обнаружено следов поселений перед валом» (А. В. Шмидт). Неукреплённых селищ найдено мало.

Племена, оставившие нам археологические памятники родановского типа, по своей культуре тесно были связаны с более древними местными культурами до ананьинской включительно. Особенно ясно это прослеживается по глиняной посуде и по металлическим культовым изображениям. Следовательно, родановская культура — глубоко местная культура. В то же время городища родановского типа, а таким образом, и связанное с ними племенное объединение, располагаются на чётко очерченной территории Верхнего Прикамья. Эта территория почти точно совпадает с территорией, населённой сейчас коми-пермяками; она лишь немного шире. Есть все основания отождествлять родановскую археологическую культуру с древним коми-пермяцким населением. Следовательно, базой, на которой

¹ У Роданова городища насыпного вала почти нет, и в виде площадки зауровнено естественное возвышение.

сложился пермский народ, было местное же, камское, более древнее население.

В связи с вопросом о происхождении коми-пермского народа необходимо учитывать также его физический, антропологический облик. По последним исследованиям советских антропологов, в состав коми (включая и вычегодских) входят три основных составных элемента: 1) переходный между европеоидным и монголоидным типами, известный под именем лапоноидного и уральского; 2) европеоидный балтийский и 3) европеоидный восточно-средиземноморский. Первый, лапоноидный, то есть смягчённо монголоидный тип преобладает; в верховьях Камы и в Зюздинском районе Кировской области он выражен лучше всего. Второй, балтийский тип — это тип, с древнейших времён продвигавшийся в области Приуралья на восток и смешавшийся здесь с монголоидным. Наконец, третий тип, средиземноморский европеоидный, — безусловно южного происхождения, причём примесь его наименее ясна. Таким образом, антропологический тип коми-пермяков представляется как тип местного происхождения, явившийся результатом многотысячелетнего скрещивания монголоидного и европеоидного элементов в области Приуралья. Время же проникновения на Каму южного, средиземноморского элемента может быть точно установлено лишь путём исследования скелетного материала из хорошо датированных погребений, чего мы пока ещё не имеем. В ананьинскую эпоху его присутствие уже устанавливается; но в то время население Прикамья было значительно более монголоидным. Археологически же, по материальной культуре, несомненные следы проникновения на Каму южной культуры, а, возможно, частью и её носителей, отмечаются в харинско-ломоватовскую эпоху, то есть в середине первого тысячелетия нашей эры, не раньше IV века.

10

Булгарское государство

Примерно, в те же века Южное Прикамье входило в состав древнего государства камских или волжских болгар, или булгар, и испытывало на себе влияние их относительно высокой культуры. Основным скрепляющим элементом этого древнейшего на северо-востоке Европы государства, как известно, явились болгары, ранее кочевавшие со своими стадами в приазовских и придонских степях. Под давлением хазар болгары во второй половине VII века покинули южнорусские степи. Часть их перешла в область между Нижним Дунаем и Балканскими горами, слилась с местным славянским населением и образовала дунайскую Болгарию; другая часть заняла область близ впадения Камы в Волгу, также слилась с местными племенами и впоследствии образовала государство Камской или Волжской Булгарии, просуществовавшее до XIV века и сыгравшее очень крупную роль в истории восточноевропейского средневековья и, в частности, домонгольской Руси.

Можно говорить о возникновении нескольких болгарских княжеств уже около VIII века. Археологически возникновение феодализма отмечается появлением здесь очень небольших по площади городищ, обнесённых рядами валов, насыпка которых была бы не под силу немногочисленным обитателям этих городищ и производилась, вероятно, силами окрестного подвластного населения. Такие городища — уже феодальные замки.

На Каме, близ Елабуги, имеется широко известное, так называемое Чёртовое городище. Его площадь относительно велика и покрыта культурным слоем добулгарской эпохи. Но в пределах его сохранились остатки небольшого каменного феодального замка четырёхугольной формы, с четырьмя круглыми башнями по углам. Перед нами картина захвата старого родового городища болгарским феодалом. Кроме фундаментов, сохранилась до наших дней одна башня этого замка (рис. 30), хорошо видная с парохода, ре-

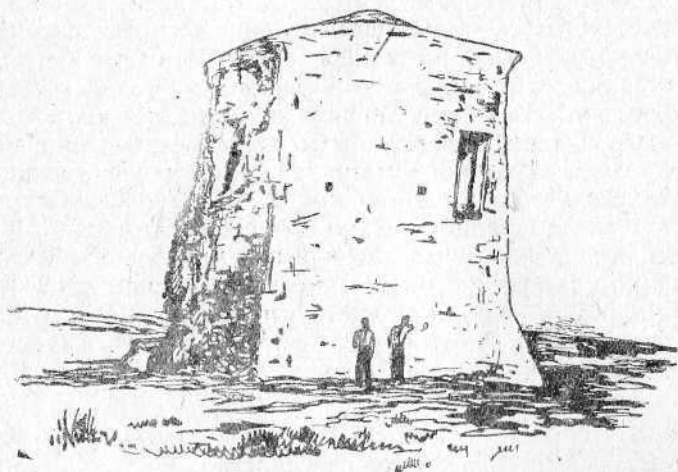


Рис. 30. Сохранившаяся болгарская каменная башня на Чёртовом городище под Елабугой (по фот. автора).

ставрированная в своё время отцом знаменитого художника, елабужским купцом Шишкиным, открывшим также Ананьинский могильник. Замок на Чёртовом городище — лучшее из известных каменных болгарских сооружений домонгольской эпохи. Вокруг него вырос феодальный город, следы которого сохранились в верхнем культурном слое городища. По мнению некоторых историков, это — болгарский город Брахимов, взятый и разорённый русским владимиро-суздальским князем Андреем Боголюбским в 1164 году.

К началу X века Волжско-Камская Булгария выступает уже как слившееся из отдельных княжеств государство. Из современных народов Поволжья в его состав или сферу его непосредственного влияния входили чуваша, предки казанских татар, марийцы (черемисы), мордва, культура которых является глубоко местной. К Бул-

грии же экономически тяготело всё Прикамье, включая Вятку и Чепцу, а в более позднее время экономическое и политическое влияние Камской Булгарии охватило всё Среднее и Южное Приуралье, включая земли башкир. Исследованиями советских археологов удалось уточнить границы Булгарского царства X—XII веков: с севера — Кама до Елабуги (и несколько дальше) и частью Закамье; с запада — правый берег Волги до Свияги, а, возможно, и дальше, вплоть до Горького; с востока — река Белая; на юге граница проходила в пределах Куйбышевской области.

Булгары не оставили нам своих письменных памятников, и история их во многом неясна. Однако сведения о камских булгарах находятся в сочинениях посещавших Поволжье ещё в очень раннее время учёных арабов, а с конца X века к ним можно присоединить также ценные указания русских летописей. Недостаток письменных источников усиливает значение археологических источников для изучения булгарской истории.

Клады золотых вещей, находимые на булгарских памятниках, привели ко многим кладоискательским раскопкам, но серьёзные научные раскопки их начаты лишь советскими учёными.

Главными центрами Булгарского государства были три больших города: Булгар (на левом берегу Волги, в 30 километрах ниже устья Камы) с окружностью земляных укреплений 7 километров; Сувар (немного южнее Булгара, в 40 километрах к востоку от Волги) окружностью в 5 километров и Биляр (ещё южнее) окружностью в 10 километров.

Древние арабские авторы говорят, что Булгар «служит складочным местом и гаванью этой страны». В X—XI веках Булгар был столицей всей державы, но в XII веке неоднократно разорялся владими́ро-суздальскими князьями, и, наконец, под натиском русских столица была перенесена в Биляр.

К южному концу города примыкала также укреплённая рвом и валом цитадель; середину её, надо думать, занимал ханский дворец. Городские укрепления устраивались таким образом: внутри валов находились бревенчатые клетки-срубы, — те же «городни» древнерусских городов, — наполнявшиеся землёй; наверху ставились рубленые бревенчатые стены с башнями и мостами через ров. В Суваре отрыты развалины кирпичного дворца, первоначально построенного в X веке; стены его были облицованы зелёными и голубыми полированными кирпичами, его древние части, предшествующие последующим перестройкам, свидетельствуют о привлечении к его постройке среднеазиатских строителей. Рядовые городские дома были плетнёвые глинобитные, а также срубные со сводчатыми и, позднее, цилиндрическими печами, напоминающими среднеазиатские тануры; в подпольях домов открыты зерновые ямы с остатками пшеницы.

У городов располагались большие ремесленные пригороды.

Уже в X веке булгары перешли в мусульманство, благодаря чему, их могильники очень рано превратились в обычные мусульман-

ские кладбища, не дающие представления о их древних погребальных обрядах.

В войнах принимало участие войско из свободного болгарского населения под предводительством своих князей, которых русские летописи называли турунами или трунами. На войну ходили на конях.

По свидетельству арабских писателей, у болгар еще в X веке сохранялись следы кочевого быта; так, летом жители переселялись в войлочные юрты. Они широко практиковали скотоводство, ели конину и были хорошими наездниками. У болгар очень высоко стояла обработка кожи (юфти), служившей предметом вывоза и весьма ценившейся на востоке. Булгары носили сапоги.

Однако восточные писатели характеризуют болгар прежде всего как земледельцев, возделывающих пшеницу, ячмень, просо. Действительно, на болгарских поселениях не раз были найдены крупные железные лемехи-ральники. Вооружённые ими тяжёлые плуги были тогда самыми совершенными земледельческими орудиями в Восточной Европе; они имели также резцы, прикреплявшиеся к дышлу для разрезания пластов. Булгары имели и железные серпы, притом очень развитой формы. Употреблялись также мотыги и косы-горбуши.

Наряду с земледелием и скотоводством, у болгар были широко развиты ремёсла: металлообрабатывающее, ювелирное, гончарное, кожевенное и другие. Кузнецы занимали в городах целые кварталы. Кузнецы-оружейники выделяли железные копья, стрелы, кинжалы, мечи, боевые топоры своеобразного болгарского типа, длинные и узкие, покрытые растительным орнаментом, а также кольчуги—доспехи в виде рубашки, сплетённой из мелких железных колец. Сабли из особого, похожего на булат сплава, а также, видимо, часть мечей, были привозными. Медники изготавливали круглодонные котлы из листовой меди или бронзы, бронзовые зеркала и замки. Широкое распространение замков весьма характерно для болгарского классового общества: замки очень своеобразны, имеют вид лошадок, иногда других животных, с орнаментом в виде кружков-яблоч и с механизмом внутри (рис. 29, ф. 12).

Высоко стояло также ювелирное дело. Выделялись украшения из золотых и серебряных пластинок со штампованным узором; украшения, сплетённые из такой же проволоки и отделанные чернью; витые ажурные браслеты и такие же гривны. Найдено много литейных форм для отливки украшений. Применялась также зернь.

Глиняная посуда сделана почти всегда на гончарном круге (рис. 28, ф. 9). Орнамент её обычно такой, как и на древнерусской керамике, то есть состоит из волнистых или параллельных прямых линий вокруг сосудов. Выделялись также толстостенные сосуды сферо-конической формы, обычные для мусульманских средневековых городов,—вероятно, метательные зажигательные снаряды, наполнявшиеся нефтью или другой горючей жидкостью, или же сосуды для перевозки ртuti.

Расцвету ремёсел у болгар способствовало широкое развитие транзитной торговли. Один из арабских писателей конца X века перечисляет товары, шедшие из Булгарии на юг, в Хорезм, — караванным путём через Белую, Башкирию, Яик и степи, — и в город Итиль по Волге: меха собольи, беличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячьи; козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, моржовые клыки, бобровая струя, янтарь; юфть, мёд, орехи; гончие собаки, мечи, кольчуги, берёзовый лес, славянские невольники, овцы и рогатый скот. В обмен с юга и юго-востока болгары получали предметы роскоши, украшения, ценные ткани, художественную керамику, булатные клинки. Торговля была меновой и денежной. По Каме болгары проникали далеко на север и достигали «моря сумрака». Так, всё те же арабы сообщают о торговле болгар с югрой, обитавшей у «моря сумрака»: «Болгары везут в Югру одежду, соль и сабли, фабрикуемые в мусульманских странах: они без рукоятки и украшений — это простые лезвия. При помощи их югра ловит в море сумрака рыб величиной с гору». Путь, который проделывали некоторые товары, например, моржовые клыки, меха и мусульманские сабли как нельзя лучше характеризует транзитный характер болгарской торговли.

Всё Нижнее Прикамье входило в состав Болгарского государства; археологический материал показывает также, что и Верхнее Прикамье было болгарам очень хорошо известно. На памятниках родановского типа очень часто находят вещи, привезённые сюда из Булгарии: это — керамика, некоторые литые бронзовые украшения, ювелирные вещи, оружие и другие железные изделия.

В X—XII веках влияние болгарской культуры выступает в Верхнем Прикамье вполне ясно. Так, культура плужного земледелия складывается здесь, без сомнения, под болгарским влиянием; у них были заимствованы типы сельскохозяйственных орудий. Проникновение в язык коми большого числа болгарских слов, вероятно, относится к болгарской эпохе.

Арабские писатели неоднократно упоминали об оживлённых торговых сношениях болгар с народом вису или ису, к которому они проникали по Волге (Итилю). Обычно под народом вису историки понимают верхневолжскую летописную вась. Однако, по весьма правдоподобному мнению М. В. Талицкого, под именем вису или ису болгарам были известны племена не Поволжья, а Прикамья. По сообщению араба Ауфи, народ ису находится в расстоянии 20 дней пути от болгар; дальше на север живёт югра, а за ней, на берегу моря, — народ, занимающийся морским промыслом. Промежуточное положение ису между болгарами и югрой никак не может относиться к Верхнему Поволжью, а только к Прикамью. Но как примирить этот вывод с указанием арабов, что болгары ездили к вису по реке Итилю? Разгадка этого противоречия заключается в том, что те же арабы (Ибн-Хаукаль, Истахри, Худуд-аль-Алам) продолжением Волги считали Каму, а не Верхнюю Волгу. Таким образом, вполне вероятно, что под народом вису арабских авторов следует

подразумевать древних коми-пермяков, живших в городищах родановского типа.

Любопытно, что следы тесных взаимоотношений с булгарами сохранились не только в археологии Прикамья, но и в его топонимике (названиях мест, урочищ) и фольклоре. Так, в Молотовской области есть деревни и сёла, называемые Болгары, а в Очёрском районе, по сообщению краеведа А. В. Нецветаева, даже часть населения одной из деревень именуется болгарами. Следует изучить не только фольклор, но и этнографию этих местностей.

11

Памятники Золотой Орды, Казанского ханства и заселения Прикамья русскими

Названные памятники — это позднейшие археологические памятники. Они не только слабо изучены, но ещё почти не выявлены и требуют к себе пристального внимания.

Монгольское нашествие в начале XIII века прокатилось страшным, всеуничтожающим потоком по пространствам Восточной Европы. Были сожжены и разрушены также болгарские селения и города. Некоторые из них, как Биляр, так и не смогли больше подняться, другие восстанавливались медленно и часто не достигали уже прежнего уровня развития.

На развалинах недолговечной монгольской империи татарами было создано в Поволжье государство Золотой Орды, а в XV веке отделилось от него Казанское ханство. Своеобразная и довольно высокая цивилизация Золотой Орды XIV века включила в себя культуру местных народов Поволжья, в частности, болгарскую, а также испытывала сильное влияние Средней Азии (Хорезма) и других народов, в том числе влияние русской культуры. Верхние слои болгарских городов показывают, что в период татарского владычества их культура в основном оставалась прежней и что татары многое восприняли от болгар.

Недавними раскопками в городе Булгаре открыта хорошо сохранившаяся баня XIV века, помещавшаяся близ главной площади города. Её здание было построено из белого камня и кирпича и богато украшено цветной штукатуркой и литыми украшениями. В бане был фонтан в виде 12-лепесткового цветка и центральное отопление с водопроводом для горячей и холодной воды. Баня во многом похожа на восточные, в особенности на крымские средневековые бани. Изучены также развалины так называемой Чёрной палаты, минарета, и других архитектурных остатков.

Разнообразный материал по культуре Золотой Орды получен также при раскопках Сувары и на некоторых более южных городищах.

В XV веке, с возвышением Казани, болгарские города приходят в упадок и прекращают своё существование. Основное ядро населения Казанского ханства составляли потомки булгар; помимо из-

вестного количества татар, но включило в свой состав также луговых (левобережных) и горных (правобережных) мари (черемис), удмуртов и отчасти мордву. За Казанью первоначально сохранялось название Новый Булгар. Приблизительные границы ханства шли на западе по рекам Суре и Ветлуге, на севере — по Пижме и Вятке, на востоке в его пределы входили Елабуга и Сарапул, на юге граница продвигалась до Саратау (Саратова) и Сарайска (Царицына — ныне Сталинград).

Основным занятием населения было земледелие и скотоводство. Были хорошо развиты ремёсла и торговля. Предметами экспорта по-прежнему, как во времена болгар, служили меха, юфть и рабы. Земли казанских феодалов обрабатывались их крепостными людьми и рабами.

Археологические памятники Казанского ханства не изучены. Также можно сказать и о русских памятниках Прикамья. Среди них немало таких, которые при их археологическом исследовании могут значительно обогатить наши бедные сведения о первых веках освоения Урала и Приуралья русскими. В качестве примера этого рода памятников приведём построенный Строгановыми в 1564 году Орёл-городок или Кергедан, покинутый уже в конце XVII века; остатки его, хорошо сохранившиеся на левом берегу Камы против современного Орла, подвергнуты недавно наружному археологическому обследованию. Они представляют большое удобство для раскопок. Таковы же несколько «Ермаковых» городищ, расположенных вдоль пути Ермака в Сибирь; часть их является действительно фортификационными сооружениями Ермака и во многих отношениях представляет интерес для исследования. Сюда же можно отнести места ранних камских монастырей (например, Пыскорского, где в своё время были начаты раскопки) и многие другие исторические памятники.

Особый интерес представляют места старинных рудных и нерудных разработок и старинных, давно брошенных заводов; их изучение обогатит историю нашей горнозаводской техники.

МЕТОДЫ ПОИСКОВ И КРАЕВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

1

Археологические разведки, обследования и раскопки

Археологические полевые исследования могут быть подразделены на три последовательные, тесно связанные стадии: 1) археологическая рекогносцировка (разведка), 2) детальное наружное обследование памятников и 3) их окончательное изучение посредством раскопок.

Раскопки неизбежно ведут к разрушению памятников; дело это очень ответственное и разрешается только опытным учёным-археологам. Только Институт истории материальной культуры Академии наук может выдавать «открытые листы» на раскопки, без которых производство раскопок археологических памятников преследуется законом в уголовном порядке.

Но разведки и даже обследования по силам не только специалистам, но и любителю-краеведу при условии усвоения им методов их производства.

Сжатое изложение этих методов является содержанием настоящей главы.

2

Первичная регистрация памятников

К категории предварительных, рекогносцировочных работ относится сбор первоначальных, наводящих сведений о памятниках, сведений часто очень кратких и даже не всегда достоверных. Эти данные могут быть получены в результате беглого осмотра какого-либо памятника, путём опроса местного населения, переписки с кем-либо из местных работников, из литературы и т. п.

Предварительный сбор рекогносцировочных сведений о памятниках по какому-либо району очень облегчает проведение дальнейшего детального обследования на месте.

Запись рекогносцировочных данных, при их систематическом собирании, Удобнее всего вести не просто в тетради или полевом дневнике, а на особых, специально предназначенных для этого карточках. Такая карточка состоит из восьмушки обыкновенного листа писчей бумаги (примерно, 17,5×11 сантиметров) с разграфлённой сверху заглавной частью, как это показано на рисунке 31.

<p><u>Стойанна</u></p>	<p>О. Н. Багер 1947</p>	<p>О-40-66-А Молот. обл. В. Городк. р-н р. Чусовая.</p>	<p>37</p>
<p>Около 2 км к югу от дер. <u>Верхние Тари</u>, вправо от дороги на покосы, на размытом песчаном склоне восточного берега Борового озера В. И. Тромовым в июле 1/2 найдено несколько мелких черепков древней глиняной посуды с орнаментом и осколок кремня</p> <p>12. VII 1947 О. Багер</p> <p>Местонахождение обследовано мною со студентами университета. Обнаружена стоянка начала 2-го тысячелетия до н. э.</p> <p>См. материал обследования.</p> <p>15. VII 1947. О. Багер</p>			

Рис. 31. Образец заполненной карточки рекогносцировочного каталога памятников.

На карточку записываются данные только об одном памятнике или сведения о находках каких-либо древних остатков, иногда даже многочисленных, но непременно относящихся к одному пункту, к одному древнему поселению или могильнику.

Три заглавные клетки над чертой заполняют следующим образом. В первую вписывается категория памятника или находок, о которых идёт речь в карточке. Например: «Городище», или «Курганы», или «Стоянка», или «Находка каменных орудий», или «Находка человеческих костей» и т. п. Если категория памятника не может быть указана с полной определённости, то после неё ставится вопросительный знак, например: «Обломки неолитической посуды (?)».

Во второй клетке обозначается источник, из которого получены занесённые в карточку сведения, например, указывается автор и напечатанная им статья или фамилия давшего приведённые сведения краеведа, или фамилия составившего карточку лица, если данные получены им из случайного, беглого опроса и т. п.

В третьей клетке указывается географическое положение памятника или местонахождения, а именно, административные пределы и река или озеро, на берегу которого находится описываемый пункт. Если памятник удалён от реки, озера и т. п., то последняя строка третьей клетки оставляется свободной. Здесь же желательно обозначить индекс по номенклатуре основной топографической карты СССР, что значительно облегчает нахождение памятника на карте. Направо в углу можно поставить порядковый номер карточки, не имеющий, впрочем, иного значения, кроме учёта самих карточек. Нумерация карточек может ограничиваться пределами области, района или даже окрестностями какого-либо села, или, наконец, условно взятым районом, в зависимости от того, применительно к какой территории данный рекогносцировочный карточный каталог памятников составляется.

Заглавная часть карточки ни в коем случае не должна загромождаться. Краткость обозначений придаёт необходимую наглядность. Такие карточки, если их даже очень много, легко и быстро могут подбираться по категориям памятников (например, курганы, находки костей четвертичных животных и т. п.), по авторам, по районам, по течению различных рек, в порядке следования по определённому маршруту и, вообще, по любому нужному признаку.

При записи в самом начале текста следует обозначать тот населённый пункт (деревню, совхоз и т. д.), близ которого находится данный памятник или местонахождение. Для удобства название населённого пункта следует подчёркивать, так как обычно это название служит и для названия памятника.

Далее, при заполнении карточки следует с особым вниманием отнестись, во-первых, к возможно более подробному описанию памятника или находки и, во-вторых, к не менее подробному обозначению условий и места расположения того пункта, о котором идёт речь. Нужно помнить, что подобные карточки обычно имеют чисто рабо-

чее, наводящее значение, и запись о пункте находки или расположения памятника должна быть сделана так, чтобы всякий, пользуясь ею, без труда мог обнаружить указанное место. С этой целью на обороте карточки полезно давать хотя бы схематический план местности с обозначением памятника, а также указывать фамилии местных жителей, которые могут указать нужное место, проводить на него.

Каждая карточка должна иметь дату составления и подпись составившего её лица, что придаёт ей характер документа.

Следует указать, что если позднее вторично или даже в третий раз получаются сведения о том же памятнике, дополняющие первые, то их следует непременно записывать на той же карточке, также с подписью и с новой датой. Если двух сторон карточки нехватает, то первая обозначается, помимо номера, буквой «а», и запись продолжается на второй карточке, на третьей и т. д., которые обозначаются непременно тем же номером, что и первая, но с добавлением к нему букв «б», «в» и т. д.

Если намечается обследование не только одного-двух заранее известных памятников, а планируются поиски и обследования памятников на каком-либо участке района или по определённом маршруту, то сбор предварительных данных о районе предстоящих работ, то есть составление рекогносцировочного каталога памятников, непременно должен предшествовать полевой работе. Иначе в поле можно пропустить памятник, который уже известен в литературе. В то же время данные рекогносцировочного каталога памятников, переведённые на карту, всегда служат необходимым материалом для детальной планировки и уточнения полевых маршрутов.

Попутно отметим, что в практике полевой работы оправдала себя также регистрация на подобных же карточках тех лиц на местах, которые могут быть особенно полезны предоставлением нужных нам сведений, своим знанием местного края и т. д. В таком случае в предметную, первую заглавную клетку карточки вписывается, вместо названия памятников, фамилия, имя и отчество интересующего нас лица. Некоторых из таких наиболее интересующихся древними памятниками местных жителей следует привлекать в качестве корреспондентов, поручая им наблюдение за сохранностью памятников, обнаруженных в их районе, а также поиски и выявление новых.

3

Маршрутные археологические обследования, их планирование и организация

Археологические раскопки принадлежат к числу стационарных исследований, то есть они связаны с более или менее длительным пребыванием исследователей на одном месте. Другое дело — обследования и разведки, требующие относительно небольшой затраты времени на каждый памятник, что делает необходимым постоянное

передвижение исследователя по его маршруту. Такие маршрутные исследования обычно включают обе первые стадии полевых археологических работ, то есть и разведки, и детальные обследования памятников.

Маршрутные археологические исследования производятся обычно вдоль берегов рек, где располагается большая часть древних поселений. Однако, такое планирование маршрутов нельзя признать правильным. Оставляя в стороне участки водоразделов, мы тем са-

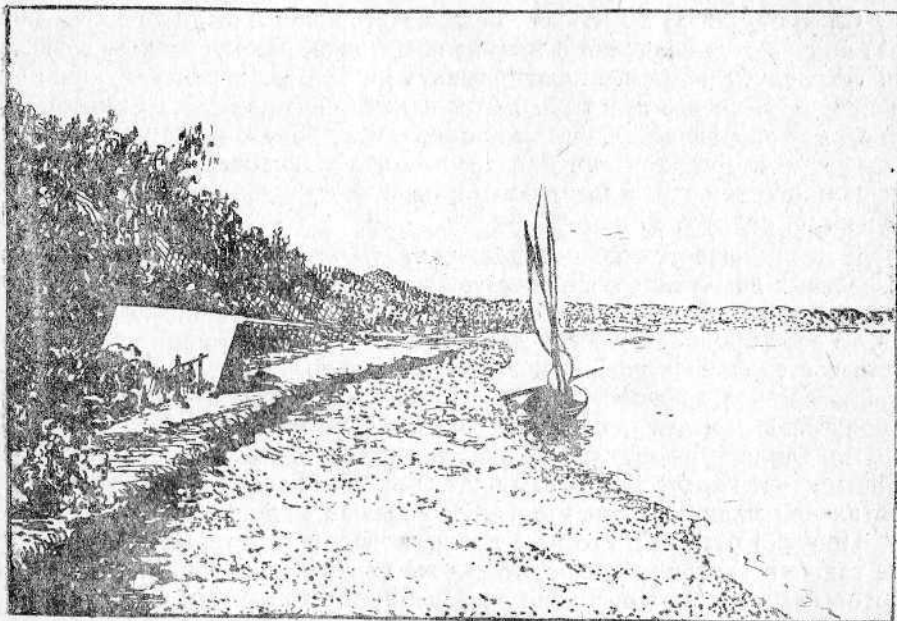


Рис. 32. Лагерь разведочной археологической партии на берегу р. Вятки (по фот. автора).

мым упускаем нередко ценнейший археологический материал, проливающий свет на особенности расселения и хозяйства общественных образований прошлого. При производстве археологических разведок и обследований наиболее желательно охватывать ими не узкие полосы, магистрали, а более или менее цельные районы, захватывающие и реки, и водоразделы, например, по планшетам и листам основной топографической карты СССР (в допущенных масштабах).

Прохождение разведочных маршрутов всегда производится пешком, так как только пешком можно, обыскивая район, проникать во все уголки. В случае обследования берегов реки удобно иметь плавучую базу в лодке, что очень облегчает труд исследователей, идущих по берегам. Тогда разведочный отряд должен состоять не менее, чем из трёх человек: двое идут по берегам, а один передвигается

в лодке, в то же время, если река не слишком широка, осматривая обнажения обоих её берегов. База в лодке даёт возможность делать остановки и ночёвки в любом пункте, у любого древнего памятника, прямо на берегу. Пища готовится на костре, основная часть письменной работы производится в палатке (рис. 32). Хороший рейковый парус даёт возможность в случае нужды быстро перебрасывать отряд на значительные расстояния без всякой затраты на гужевой или какой-либо иной транспорт.

4

Снаряжение

Снаряжение археолога-обследователя должно быть возможно более практичным и лёгким. Приводим список необходимых предметов этого снаряжения.

1. Заплечный мешок (рюкзак), куда, кроме минимального количества личного багажа (смены белья, провизии и т. п.), помещаются: рулетка для промеров, простой плотничный уровень-ватерпас для нивелировок, совок садовый и кисть для работы при зачистках и разборке культурного слоя,

флакон растворённого в спирту шеллака и резиновый баллон для пропитывания и укрепления шеллаком предметов плохой сохранности при выемке их из слоя,

достаточное количество упаковочного материала (газет) для завёртывания собранных коллекций.

В заплечном мешке нужно также оставить достаточно места для собираемых коллекций.

2. Сумка, содержащая: географические карты, тетради для дневника, карточные каталоги памятников, необходимые писчебумажные принадлежности, все письменные материалы уже обследованных по маршруту памятников, планшет для съёмки планов, компас, масштабную визирную линейку (с ребром).

3. Походная (шанцевая) лопатка в чехле для зачистки обнажений и прочих земляных работ при обследовании.

4. Небольшой охотничий топорик в чехле для изготовления вешек при съёмке планов (в то же время — одна из необходимейших принадлежностей походной жизни).

5. Весьма желателен фотоаппарат с запасом пластинок или плёнки¹.

¹ Мы не останавливаемся здесь на предметах, дополнительно необходимых в случае лодочного маршрута.

Работа при прохождении археологического маршрута

Теперь посмотрим, как ведётся работа в археологической разведке.

Прежде всего, при прохождении маршрута проверяются предварительные данные рекогносцировочного каталога памятников. Если сведения о памятнике на месте не подтвердились, на карточке делается соответствующая пометка, за соответствующей подписью и датой. Если сведения подтвердились, памятник обнаружен и обследован, на карточке делается пометка об этом со ссылкой на материал обследования этого памятника (рис. 31).

Затем, одним из существеннейших и непрерывно применяемых приёмов археологической разведки является тщательнейший опрос местного населения. Никто не знает местности лучше, чем местные жители, и если мы дадим ясно понять, что именно нас интересует, тогда опрос принесёт наилучшие результаты. Человеку неподготовленному нередко трудно бывает сразу же объяснить, что из себя представляет, скажем, неолитическая стоянка или искусственный надмогильный курган. Поэтому необходимо знать местные названия некоторых памятников, а также использовать целый ряд других, приходящих вместе с практикой приёмов. Например, нам не раз удавалось после безрезультатного опроса всё же обнаруживать стоянки каменного века путём выяснения у местных старожилов, где они брали кремь для высекания огня в то время, когда в деревне не было спичек; такая, казалось бы, естественная «россыпь» кремня нередко оказывается стоянкой.

Данные опроса немедленно фиксируются на уже знакомых нам карточках, которые тут же присоединяются к нашему рекогносцировочному каталогу памятников.

Опрос нередко бывает трудным, однообразным, надоедливым делом, требующим изо дня в день большого терпения. В связи с этим не следует забывать, что тщательность опроса местного населения в значительной мере предрешает успех археологической разведки. Предварительный учёт полезных для целей разведки лиц позволяет из одного села направляться в другое, имея направление от одного старожила к другому, облегчает возможность сразу найти нужный язык, очень экономит время и повышает продуктивность опроса. Следует также использовать всевозможные собрания в колхозах, школах, в местных организациях, в избах-читальнях, то есть всякую возможность произвести массовый опрос. Следует особенно рекомендовать постановку во время разведки докладов и лекций о задачах изучения памятников истории материальной культуры, что всегда не только даёт обильные сведения о памятниках, но и является ценной формой массовой культурной работы на местах.

Наконец, помимо проверки предварительных данных и опроса населения, во время разведки непрестанно производятся поиски по-

вых памятников путём непосредственного осмотра местности, распаханых полей, обнажений, земляных работ и т. д. с учётом условий, характерных для расположения памятников различных категорий и различных этапов истории общества на данной территории.

6

Приёмы обнаружения древних поселений и могильников

Как указывалось, каждое древнее поселение характеризуется наличием так называемого культурного слоя. Культурный слой обыкновенно имеет более тёмную, чем соседние слои, окраску, содержит включения угля, золы и остатков материальной культуры. В некоторых случаях, когда поселение относится к очень отдалённому времени или культурные остатки его покрыты легко проницаемым для воды и воздуха грунтом, например, песком, тёмная окраска культурного слоя с течением времени бледнеет и, наконец, совершенно исчезает. Тогда, если культурный слой по составу земли подобен смежным слоям, его можно определить только по древним остаткам материальной культуры, которые в нём залегают.

Места древних поселений удаётся обнаруживать в тех случаях, когда культурный слой их по тем или иным причинам подвергся частичному разрушению. Например, следы культурного слоя древнего поселения обнаруживаются при осмотре с высокого места распаханых, ещё свободных от всходов полей, так как место древнего поселения обрисовывается тёмным пятном разрушенного сверху плугом культурного слоя на фоне более светлой, песчаной или глинистой земли. На месте такого пятна почти всегда удаётся обнаружить древние предметы, выпавшие из слоя.

Очень часто древние поселения разрушаются рекою, оврагом. Тогда культурные отложения выступают обычно тёмной полосой на обнажении обрыва или крутого склона, непосредственно под дёрном или глубже (рис. 33), с торчащими и выпадающими из него культурными остатками.

Весьма нередки такие случаи, когда культурные отложения прошлого обнаруживаются в искусственно сделанных с какими-либо хозяйственными или строительными целями обнажениях — в котлованах, силосных ямах, канавах и проч.

При поисках древних поселений все естественные и искусственные обнажения должны осматриваться самым тщательным образом.

Существуют, однако, категории поселений, которые легко обнаруживаются даже при беглом осмотре местности и почти всегда широко известны местному населению. Это — поселения, укреплённые сохранившимися до нашего времени земляными валами и рвами, так называемые городища, и поселения в пещерах. Древнейшие городища Прикамья, относящиеся к периоду разложения первобытной общины, к началу железной эпохи, отличаются обычно очень незначительными размерами и расположены на высоких местах, между обрывистыми берегами рек и оврагов таким образом, что земляные

укрепления нужно было строить только с одной стороны. (рис. 34). Насыпные валы таких городищ часто бывают очень короткими, что при высоте в несколько метров делает их с первого взгляда похожими на большой погребальный курган. Некоторые позднейшие городища характеризуются гораздо более значительными, иногда очень большими размерами по занимаемой площади и длинными, высокими валами, иногда окружающими городище со всех сторон.

Валы городищ, без сомнения, были в своё время значительно выше и по гребню дополнительно укреплены деревянным тыном или стенами. Рвы в настоящее время сильно, иногда совершенно за-

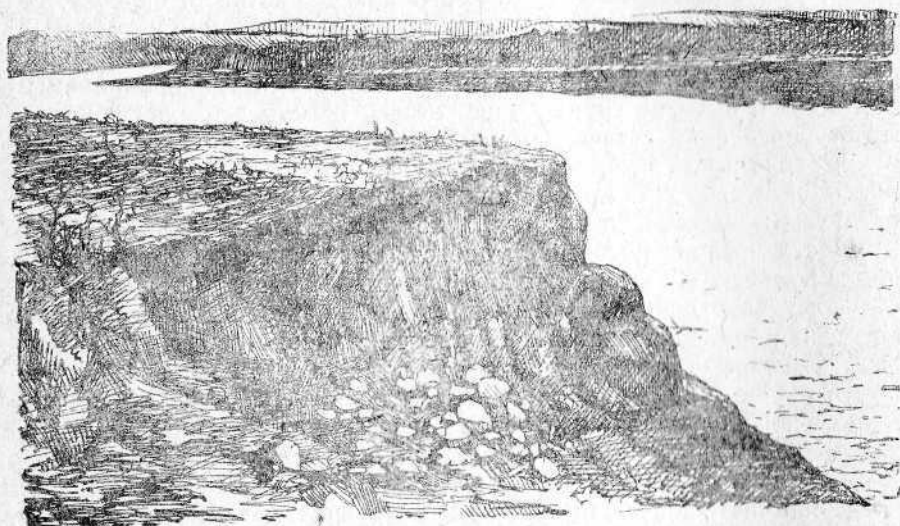


Рис. 33. Обнажение культурного слоя на Конецгорском селище ананьинской культуры (по фот. автора).

плыли землёй. На некоторых городищах феодального времени ещё сохранились каменные башни, части стен, иногда целые кремни с развалинами построек внутри.

Древние поселения в пещерах, гротах и под защитой скалистых навесов также сравнительно легко поддаются обнаружению. На низших ступенях развития человек особенно охотно использовал эти нередко великолепные естественные убежища (рис. 33) и вёл борьбу за них с обитавшими в них хищниками: пещёрным медведем, львом и гиеной. Расположенные во множестве в гористых районах, особенно многочисленные в районах выходов мягких горных пород, (напр., известняков), пещеры и гроты при их обследовании иногда вознаграждают археолога интереснейшими находками остатков палеолита и костей четвертичных животных. В Прикамье пещеры нередко являлись жертвенными местами.

Места древних погребений или могильники могут быть подразделены у нас на две крупных группы. К первой относятся могильники,

в которых могилы в настоящее время ничем не отмечены с поверхности, ко второй же—могильники, имеющие над погребениями земляную насыпь-курган. В каждой могиле или под каждым курганом находятся остатки одного или нескольких погребений, обычно сопровождаемые некоторым количеством вещей, которые, по верованиям тех времён, были необходимы умершему в «загробной жизни».

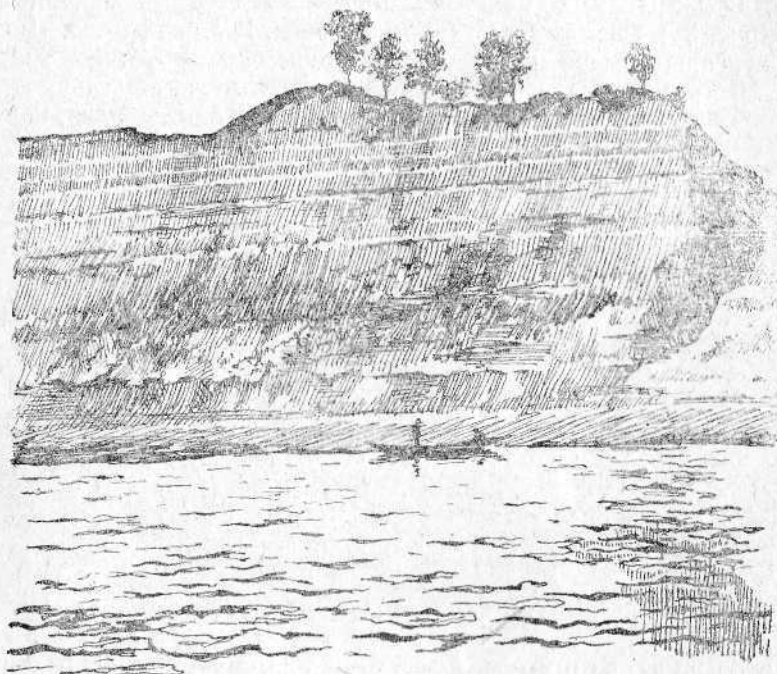


Рис. 34. Древнее городище, наполовину обвалившееся в реку
Скорняковское городище на р. Вятке (по фот. автора).

Первая группа могильников ещё труднее поддаётся обнаружению, чем остатки неукреплённых поселений. Ведь, могильники не имеют даже тех признаков, которые помогают обнаруживать поселения, — культурного слоя и большого количества содержащихся в нём предметов. Такие могильники обнаруживаются только при разрушении погребений. Иногда могилы удаётся заметить на обрывистом обнажении по заполняющему их смешанному грунту. Но обыкновенно они делаются заметными лишь тогда, когда на поверхности появляются части разрушающегося погребения в виде человеческих костей или различных предметов, находившихся в могиле при погребении. Следовательно, для отыскания памятников этого рода необходимо внимательно осматривать обнажения речных берегов и оврагов и проверять, как и во всех остальных случаях, каждую сделанную населением (на пашне, при рытье ямы и т. д.)

случайную находку человеческих костей или типичных предметов из погребального инвентаря, сопровождающего умершего.

Другая крупная категория могильников—это могильники курганные, то есть такие, в которых над каждым погребением или над несколькими сразу насыпан обычно круглый, редко продолговатый земляной курган. Под некоторыми курганами погребения лежат в специально вырытых для них ещё до насыпки кургана могильных ямах. Под другими — положены прямо на поверхности почвы, без ямы (рис. 35). Размеры курганов различны. В Прикамье надмогильные курганы обычно невелики, в среднем около метра высотой, иногда больше, часто меньше, при соответствующем диаметре. В своё время, непосредственно после насыпки, курганы были, конечно,

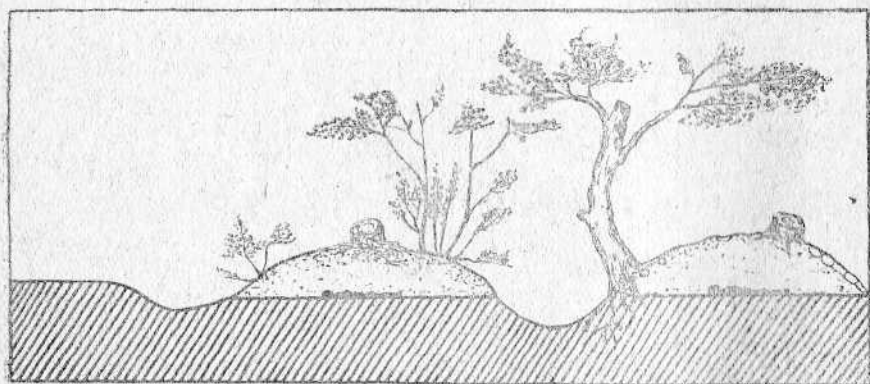


Рис. 35. Погребения под курганами (схематический разрез).

значительно выше и имели более остроконечную форму. До нас же они дошли, как правило, в сильно оплывшем виде.

У подошвы почти каждого кургана можно заметить следы полузапывшего ровика, из которого в своё время была взята земля для насыпи. Правда, эти ровики иногда заплывают землёй, не оставляя следа на поверхности; но в тех случаях, когда они имеются, это может служить надёжным доказательством того, что перед нами не естественное образование, а искусственно насыпанный курган.

Нередко, в особенности в степях, можно встретить отдельные одиноко стоящие курганы. Но чаще курганы располагаются группами, образуя могильники, насчитывающие десятки и сотни курганов.

Следы курганов можно видеть в виде слабых всхолмлений и на давно распаханых площадях. В этих условиях их можно лучше видеть, присев на корточки, или при очень низких вечерних лучах солнца, хорошо оттеняющих рельеф. Их можно отличать также по относительно светлому пятну нарушенной насыпи на более тёмном

фоне распаханной почвы. Недавно, при раскопках одного курганного могильника на Южном Урале совершенно оплывшие курганы узнавались по скоплениям особых цветов, выделявшихся пятнами среди дуга и выдававших наличие грунта могильных насыпей.

Курганные могильники известны в Нижнем Прикамье и особенно часты в бассейне реки Белой; там они относятся к эпохе бронзы: к андроновской, срубно-хвалынской и абашевской культурам. В Верхнем Прикамье курганы очень редки; в них открыты погребения харинского типа. Простые могильники без насыпей над погребениями в Прикамье значительно преобладают.

Для целей погребения умерших использовались также пещеры. Именно в пещерах были обнаружены древнейшие в СССР, среднепалеолитические погребения.

7

Условия расположения различного рода памятников на местности и наиболее характерные для них находки предметов

Мы уже знакомы в общих чертах с основными категориями археологических памятников Прикамья и с важнейшими признаками, которыми нужно руководствоваться для их обнаружения. Но где и как искать памятники определённой, почему-либо специально интересующей нас эпохи или культуры, например, неолитические поселения? И как определять стадию общественно-экономического развития, время, археологическую культуру обнаруженного нами древнего памятника?

Для правильных ответов на эти вопросы необходимо хорошо знать археологический материал. Без сомнения, много может дать здесь и краеведческая практика в пределах определённого, хотя бы и небольшого района.

В предыдущей главе мы уже останавливались на характеристике основных особенностей ископаемых культур Прикамья. Установление этих особенностей играет решающую роль при первичном определении вновь открываемых памятников; приведённые в той же главе таблицы типичных для каждой культуры предметов могут служить для определения новых находок. Однако, при поисках и определении памятников необходимо учитывать не только особенности их материальной культуры, но и особенности самих поселений, городищ или могильников и их расположения на местности.

Расположение древних поселений в тех или иных условиях ландшафта, в различных условиях рельефа, подчинено определённым закономерностям социально-экономического порядка.

Палеолитические поселения, население которых жило охотой на крупных (мамонт и носорог) и стадных (лошадь и северный олень) животных располагаются обычно на берегах рек,

в сильно пересечённой местности, близ соединения с речной долиной древних глубоких оврагов и балок, в которых первобытным охотникам удобно было устраивать коллективные облавы и засады на спускающихся к водоёму животных (рис. 3). Остатки этих поселений располагаются в толще древних речных террас, обычно не ниже второй надпойменной террасы. Палеолитические стоянки характеризуются, прежде всего, находками костей вымерших в настоящее время крупных животных — мамонта, носорога, а также современных представителей арктической фауны — северного оленя, песца и др. Поэтому при поисках палеолитических стоянок необходимо тщательно регистрировать и осматривать местонахождения остатков четвертичной фауны. Если часть костей оказывается расколотой или разбитой для добывания мозга, имеет следы действия огня и соединена с находками примитивных каменных орудий или даже только кремнёвых осколков, наличие палеолитической стоянки может считаться установленным. После этого остаётся лишь найти культурный слой, из которого выпадают древние предметы, что достигается обычно путём производства вертикальных зачисток обнажений лопатами.

Необходимо отметить, что палеолитические остатки, относящиеся преимущественно к ледниковой эпохе, залегают в подпочвенных слоях, нередко на значительной глубине; все более поздние культурные остатки, начиная от ранненеолитических, относящиеся уже к современной геологической эпохе, залегают обычно в поверхностном, почвенном слое, образование которого целиком относится к геологической современности.

Более поздние стоянки родового общества, преимущественно неолитические, связаны уже с иными формами хозяйства — рыболовно-охотничьего. Это определило и иные условия, в которых неолитические поселения располагались. Они, как общее правило, расположены в непосредственной близости от водоёмов — рыболовных угодий, то есть на берегах рек, чаще — мелких речек и озёр, на очень небольшой высоте, иногда у самой воды, на низких, пологих берегах или дюнах, песчаных буграх, на речных поймах и на первой надпойменной террасе (рис. 7). Наиболее частые находки на неолитических стоянках — расщеплённые, нередко обожжённые кости диких животных, осколки кремня и среди них прекрасно сделанные кремнёвые орудия: наконечники стрел, копий, ножей, скребки, шилья, полированные топоры клиновидной формы, шлифовальные плиты и т. д., наконец, многочисленные обломки глиняной посуды, среди которых особенно характерны черепки больших, полуяйцевидной формы (с круглым дном) сосудов, наружная поверхность которых покрыта густыми рядами вдавлений зубчатого и других штампов.

Некоторые поздние рыболовно-охотничьи поселения родового общества относятся уже к эпохе использования меди и бронзы. Однако, условия их расположения при той же хозяйственной базе остаются прежними. Инвентарь производственных орудий

остаётся тем же по назначению и лишь меняет свой внешний облик, в особенности глиняная посуда, керамика, приобретающая сначала уплощенные, а затем и плоские днища.

Позднее, в эпоху разложения родового общества, когда ведущую роль в хозяйстве приобретают скотоводство и земледелие, поселения располагаются выше, поблизости от возделываемых полей; непосредственная близость водоёма перестаёт быть обязательной.

Особые условия социальной жизни ещё в конце эпохи родового общества привели к необходимости защиты поселений от нападений; появились первые укрепленные поселения, городища. В ещё более позднее время, в феодальную эпоху, как мы помним, городища отличались значительно большими размерами. Городища, в особенности ранние, располагаются обычно на высоких крутых берегах, на стрелках рек и оврагов, вообще, там, где природные условия облегчали работы по укреплению селища. На большинстве селищ и на городищах главную роль играют уже железные орудия, но встречаются в большом количестве также орудия из кости, рога, бронзы и даже камня. На поселениях болгарского времени впервые появилась керамика, сделанная на гончарном круге.

Пещеры и убежища под навесами скал далеко не все были обитаемы в древности. Пещерные жилища располагаются чаще не в глухих, непроходимых горах, а в предгорьях, близ выхода горных ручьёв и речек на равнину. Человек выбирал для жилья преимущественно сухие и светлые, неглубокие гrotы или навесы, хорошо обогреваемые солнцем и защищённые от холодных ветров, с находящимся недалеко родником или речкой. Как уже указывалось, этого рода памятники дают нередко древнейшие культурные остатки. Поэтому при их обследовании следует особое внимание обращать на находки осколков кремня и костей животных, среди которых попадают кости вымерших в настоящее время видов, как носорог, мамонт, гигантский олень, пещерный лев и т. п.

Моги́льники, за немногими исключениями, располагаются на высоких местах: берегах рек, на холмах и их склонах.

Моги́льники, относящиеся к бронзовой эпохе, независимо от того, курганные они или не курганные, характеризуются обычно скорченным положением скелета, с поджатыми руками и ногами; скелеты иногда окрашены в красную краску, посыпанную на труп при погребении, и сопровождаются вещами, например, хорошо сделанными каменными и костяными орудиями, единичными предметами из бронзы и глиняными горшками, орнаментированными в верхней части, с круглыми или плоскими днищами. Для моги́льников сейменско-турбинского типа, насколько известно, характерны следы особого погребального ритуала, связанного с вытянутым на спине положением трупа и отсутствием насыпи-кургана.

Могильники более поздние, уже железной эпохи, содержат вытянутые на спине скелеты с оружием и орудиями труда, сделанными из железа и частью из бронзы, с нередко многочисленными украшениями и круглодонной и грубой плоскодонной керамикой с бедным орнаментом.

Очень редки (и в Прикамье ещё не найдены) древнейшие палеолитические погребения в пещерах и неолитические могильники, расположенные или на площади неолитических же стоянок, или отдельно, в стороне от поселений, например, на небольшом острове среди озера и т. п.

Древние погребения, если они не имеют курганных насыпей, обнаруживаются по находкам человеческих костей, древних украшений, целых глиняных сосудов и пр.

8

Письменные материалы в археологическом маршруте

Письменные материалы маршрутного обследования включают:

1) карту достаточно крупного масштаба, на которую наносятся при помощи особых условных обозначений (см. ниже) обнаруженные памятники и на которой каждый вечер точно обозначается линия пройденного за день маршрута, хотя бы он и не дал положительных результатов;

2) дневник, кратко отражающий процесс работы и её планирование; дневник нецелесообразно загружать подробными описаниями археологических памятников: весь этот материал фиксируется или в карточном каталоге, или в специальных папках по обследованию каждого памятника; в дневнике же, во избежание дублирования, делаются в нужных местах лишь точные ссылки на эти материалы;

3) рекогносцировочный карточный каталог памятников;

4) материалы детального обследования отдельных памятников.

9

Составление археологической карты

Строго говоря, археологическая карта должна содержать лишь научно проверенные данные и давать картину размещения древнего населения на определённой территории в различные исторические эпохи, а также служить одним из основных, притом наглядных элементов научной инвентаризации всех археологических памятников. Но на первой, рекогносцировочной стадии археологического изучения большой практический интерес представляет нанесение на карту хотя бы и не совсем достоверных памятников, зарегистрированных в рекогносцировочном карточном каталоге. Нанесение же открытых и обследованных памятников на карту по линии маршрута в археологической разведке является обязательным.

Условные знаки для нанесения археологических памятников

на карту очень разнообразны. В практике краеведческих работ не следует их очень детализировать, так как это неизбежно приведёт к ошибкам. Следует применять лишь обозначения основных категорий памятников. Применительно к территории Прикамья усвоим следующие немногие обозначения:



пещера с культурными остатками.



позднейшее (христианское) кладбище.



стоянка рыболовно-охотничья, палеолитическая, неолитическая или даже начала металлического периода.



отдельно стоящий курган или курганный могильник; в последнем случае над указанным значком можно поставить цифру, обозначающую количество курганных насыпей в могильнике.



селище — скотоводческо-земледельческое поселение бронзовой или железной эпохи, обычно расположенное относительно высоко над водоемом.



случайная находка отдельных древних предметов.



городище — поселение со следами земляных или других укреплений.



клад древних монет.



жертвенное место.



клад древних украшений, драгоценной металлической посуды и пр.



наскальные рисунки (писанцы).



местонахождение костей древних животных.



могильник без следов земляных насыпей над погребениями.

В случае надобности к приведённым условным обозначениям могут быть прибавлены и некоторые другие.

Смысл условных обозначений должен быть отдельно объяснён на каждой карте в так называемой экспликации (объяснении знаков). У каждого значка на археологической карте должен, кроме того, стоять порядковый номер, связывающий его со специально приложенным к карте списком памятников, содержащим, как минимум, хотя бы только их краткие названия, например:

- 17) Нижнеадишевская эппалеолитическая стоянка.
- 18) Конецгорское селище.
- 19) Галкинское городище.
- 20) Турбинский могильник.

Территориальные рамки отдельных археологических карт могут быть весьма различны, будучи ограничены административными пределами района, области и т. п. Но желательно составление археологических карт по отдельным листам единой топографической кар-

ты СССР, подобно тому, как это делают геологи для своей карты. Сложение таких карт со временем даст нам единую археологическую карту всей нашей Родины.

Полная археологическая карта должна быть снабжена и относительно полными описаниями памятников. При значительном числе последних желательно вырабатывать для описаний определённый стандарт, а остающийся неиспользованным детальный материал давать в виде приложений.

Помимо сводной археологической карты определённой территории, большой исторический интерес имеют эпохальные карты той же территории, то есть такие карты, на которые нанесены памятники только одной эпохи или какой-либо одной археологической культуры.

Задавшись целью составить археологическую карту, не следует, собирая для неё материал, долго откладывать завершение этой работы по причине недостатка данных. Искерпывающая полнота сведений об археологических памятниках любого намеченного района всё равно не будет достигнута; в то же время составление археологической карты и опубликование её в печати или в экспозиции музея всегда приносит пользу в археологическом изучении края, подводит итоги нашим знаниям на этом этапе, стимулирует и направляет дальнейшие поиски и исследования.

По Прикамью в целом такая работа только что проделана И. А. Талицкой: по материалам, собранным покойным М. В. Талицким, ею составлен «Справочник об археологических памятниках бассейна р. Камы», включивший сведения почти о полутора тысячах памятников. Это число, без сомнения, далеко не исчерпывает всего наличия памятников, в большинстве остающихся ещё не выявленными. Их дальнейшее выявление и изучение — наша повседневная задача.

10

Программа обследования древних поселений

Теперь познакомимся с программой детального полевого обследования отдельных памятников. Чтобы не загружать изложения, возьмём и рассмотрим пример обследования памятника с культурным слоем и могильника — городища и курганного могильника, как наиболее сложных представителей указанных категорий памятников.

Прежде всего запомним, что обследование имеет целью максимально полное наружное описание памятника, а также отчасти и характеристику его внутреннего содержания, если о последнем можно судить по легко доступным данным, не требующим сколько-нибудь значительных раскопочных работ.

В программу обследования археологического памятника с культурным слоем, то есть места древнего поселения, в нашем примере городища, входят следующие работы:

1. Съёмка топографического плана городища и непосредственно примыкающей к нему части местности для характеристики как самого памятника, так и топографических условий его расположения. Чтобы не носить с собою штатива, планшет для съёмки можно устанавливать неподвижно на тут же вырубленной палке-рогуле (рис. 36). Мы не имеем здесь места останавливаться на объ-

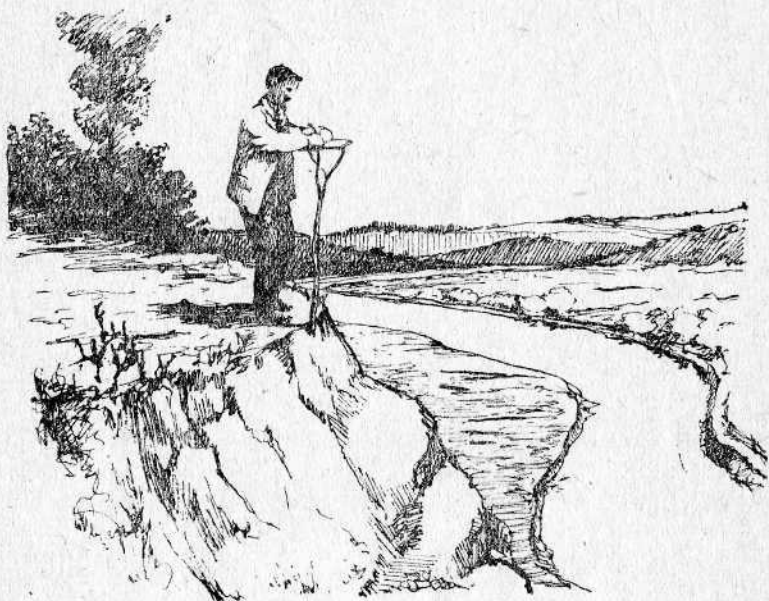


Рис. 36. Съёмка полуглазомерного плана археологического памятника.

яснении техники топографической съёмки. Укажем лишь, что рельеф лучше обозначать не штриховкой, как это нередко делают, а горизонталями (рис. 37), каждая из которых соединяет все точки, находящиеся на одной и той же высоте над определённым, условно принятым уровнем (например, над уровнем отмеченной на плане реки, озера и т. п.). Наиболее удобный масштаб для планов обычных у нас, незначительных по занимаемой площади памятников — 1 метр в 1 миллиметре. Площадь самого памятника (например, площадка городища и её земляные укрепления) должна сниматься совершенно точно, с подробными промерами рулеткой. Окружающая местность, если точная её съёмка затруднена, может быть фиксирована на плане лишь с некоторыми основными промерами полуглазомерным способом. На плане городища или любого другого

древнего поселения необходимо внимательно отмечать все естественные и искусственные обнажения культурных слоёв, ямы и т. п. Следует также фиксировать границы распространения находок древних предметов на поверхности, особенно, если последняя распаханна. распространение находок на поверхности даёт ориентировочное представление о площади, занимаемой древним селищем или стоянкой (рис. 37). На плане каждого памятника желательно давать

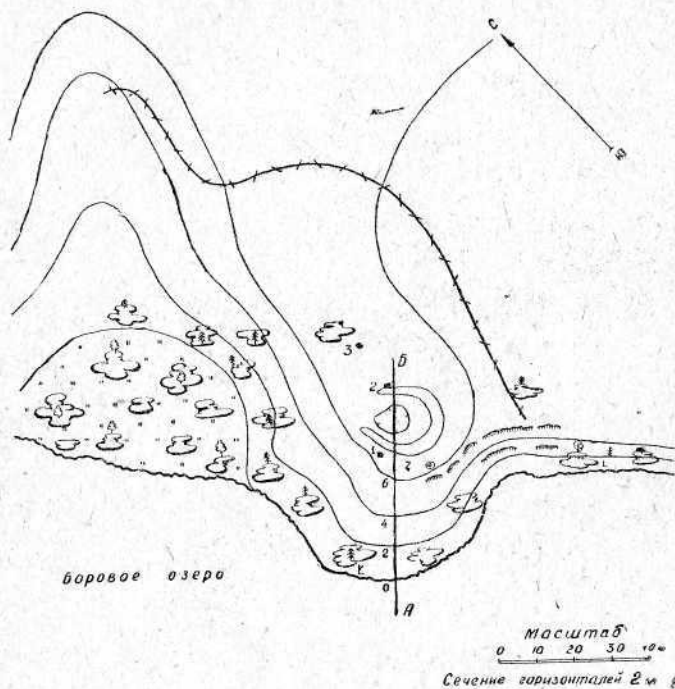


Рис. 37. Топографический план места древнего поселения (Боровое озеро II на Чусовой). Косо пересеченной линией обозначена граница распространения культурных остатков на поверхности. А — Б — линия нивелировки, Залитые тушью квадраты — три пробных участка, раскопанные при обследовании.

также два-три обозначенных стрелками направления на видные с памятника ближайшие селения или чем-либо выделяющиеся пункты окружающего ландшафта, непременно с указанием хотя бы приблизительного расстояния до них: это облегчает нахождение памятника в дальнейшем.

В случае незнания приёмов топографической съёмки можно снять хотя бы схематический план памятника, но возможно более точно выдержанный в каком-либо одном масштабе.

При обследовании пещер следует давать подробный план их внутренних площадей и площадки перед входом.

2. Нивелировка поверхности памятника по наиболее характерному направлению, иногда по двум взаимно пересекающимся направлениям. Данные нивелировки необходимы как для топографической съёмки, так и для вычерчивания профиля поверхности памятника, дающего в соединении с планом весьма наглядное представление о нём. Нивелировка может быть произведена с помощью кола высотой в один метр, шнура, ватерпаса и рулетки.

В нескольких словах, такая нивелировка, очень примитивная и простая, заключается в следующем: метровый кол ставится вертикально в конечной нижней точке нивелировки, скажем, у самой воды; от его верхнего конца в нужном направлении натягивается горизонтально (что устанавливается с помощью ватерпаса) шнур, который другим своим концом ложится на какую-нибудь точку поверхности; промеряются рулеткой и заносятся на особый лист бумаги (карточку): превышение первой точки над второй по вертикали и расстояние между ними по горизонтали (напр. +1 метр на 6,5 метра). После этого метровый кол переносится на место верхней из упомянутых точек, и приём повторяется до тех пор, пока подобными ступенями не будет пройдено всё необходимое расстояние. По записям такой нивелировки легко может быть вычерчен на бумаге профиль поверхности городища, стоянки и т. п. Желательно черчение профиля производить на месте, уточняя линию поверхности между двумя фиксированными точками на глаз. При нивелировке точки промеров не следует отделять одну от другой по вертикали более, чем на один метр.

При обследовании пещер и гротов нивелировочные промеры следует распространять и на защищающий их потолок, чтобы иметь возможность вычертить общий разрез грота (рис. 38).

3. Описание памятника. Описание следует производить на месте, после подробного его осмотра, лучше уже после съёмки плана и нивелировки. Текст его удобнее составлять всегда в одной и той же последовательности вопросов. Приводим пункты описания городища.

а) Название (если его нет, то по урочищу, где расположен памятник, или ближайшему населённому пункту).

б) Географическое положение (например: «Находится в Верхне-Муллинском районе Молотовской области, в 1 км к северо-востоку от деревни Субботино»).

в) Топография расположения (например: «Расположено на высоком, крутом правом берегу реки Камы, на «стрелке», образуемой соединяющимся с долиной оврагом, носящим название «Городищенский», на левом берегу последнего»).

г) Описание защитных валов, рвов и внутренней площадки (с указанием сделанных рулеткою их промеров; высоту валов следует измерять не от дна рвов, а так же, как и глубину рвов, от уровня поверхности смежного поля вне городища).

д) Состояние поверхности (указать, покрыта ли поверхность памятника лесом и каким (старым, молодым, густым и т. п.), пнями, задернована, находится под посевом и проч. Это имеет значение, прежде всего, при планировании раскопок, а также для суждения о сохранности памятника).

е) Степень сохранности (указать все причинённые памятнику разрушения, как-то: разрушение рекой, обвалами, размывами, выемками земли для хозяйственных нужд, кладонскательскими раскопками, распашкой и проч.).



Рис. 38. План и разрез палеолитической пещеры (Медведь-камень под Тагилом).

ж) Распространение находок на поверхности (с обозначением его границ на плане и с приблизительным вычислением площади).

з) Описание слоёв по имеющимся на памятнике обнажениям их (на обрывах, в ямах и т. п.). При этом для получения более ясной картины разрешается произвести шанцевой лопаткой вертикальную зачистку небольшого участка обнажения, от поверхности и до подстилающего материкового грунта. Дерновый слой, культурные слои со всеми их выделяющимися по составу и цвету горизонтами, а также все прослойки и подстилающие слои тщательно промеряются и подробно описываются, с указанием наличия в них

остатков материальной культуры, костей животных, угля, золы, пережжённого камня, с указанием количества находок и т. п.

и) Современное понимание памятника местным населением (предания, легенды, имеющие нередко значительный интерес).

к) История сведений о памятнике (история открытия, сведения о памятнике в литературе, предыдущие работы по его изучению, что сделано на памятнике при данном его обследовании).

Этими десятью пунктами исчерпывается текст описания древнего поселения-городища. Если имеются какие-либо сведения, не вмещающиеся в рамки приведённой схемы, их нужно давать в конце описания. Описание памятника следует целиком заканчивать во время пребывания на нём, а не откладывать, как это часто хочется сделать в целях экономии времени в поле.

4. Весьма желательны фотографические снимки, хотя бы два-три. Нужно сфотографировать место расположения памятника (с него или со стороны), общий вид памятника и его существенных деталей в более крупном плане. Фотоснимки можно заменить одним-двумя рисунками.

5. Вскрытие, раскопка на памятнике пробных участков разрешается только лицам, имеющим от Института истории материальной культуры Академии наук выданный на их имя «открытый лист». Последний могут получить лица, известные как умелые полевые работники или получившие рекомендации от опытных полевых работников и специальных научных организаций, или, наконец, лица, зарекомендовавшие себя качеством своих отчётов по наружному обследованию памятников.

Вскрытие пробных участков или шурфовка состоит в раскопках единичных «колодцев», размером в квадратный метр каждый. Расстояние одного шурфа от другого должно быть не менее 15 метров, но для памятников, занимающих крупную площадь, и это расстояние слишком мало. Вообще, при шурфовке памятника следует ограничиваться минимальным количеством портящих его пробных шурфов, всячески используя уже имеющиеся на памятнике естественные и искусственные обнажения.

Пробная шурфовка имеет целью дать предварительное, ориентировочное представление о характере, мощности, распространении и содержании культурных отложений памятника. Поэтому пробные участки — шурфы следует располагать на памятнике очень продуманно, чтобы, избежав излишних раскопок, всё же осветить перечисленные выше вопросы. Шурфы следует углублять далеко в подстилающий материк, помня, что нередко под совершенно стерильной, похожей на грунт, мощной прослойкой залегает ещё один, древнейший культурный слой.

Сама раскопка ведётся тщательной горизонтальной, равномерной для всей площади участка зачисткой с применением совочка, кисти для изучения мелких деталей, с фотографированием и зарисовкой последних, с укреплением при помощи раствора шеллака объектов слабой сохранности и т. п.

Лица, не имеющие «открытого листа», обязаны ограничиваться описанием культурных отложений памятника лишь по данным уже имеющихся на нём обнажений; с их зачисткой, но без специальной шурфовки.

6. Во всё время пребывания на памятнике производится сбор подъёмного материала, то есть культурных остатков с поверхности.

Материал с поверхности и из культурного слоя обнажений и шурфов ни в коем случае нельзя смешивать, его нужно тщательно и строго отделять. Необходимо брать отдельно не только предметы из различных слоёв, но, в случае, если однородный культурный слой обладает большой мощностью, даже подразделять материал по искусственно выделяемым горизонтам его толщи.

Если подъёмного материала много и собран он со значительной площади, то его желательно не смешивать, а разделять по отдельным частям обследуемого памятника.

В большинстве случаев полезно брать образцы слоёв, в особенности на стоянках, остатки которых залегают в торфе или под торфом и дают прекрасную возможность для микроскопического анализа сохранившейся цветочной пыльцы растений, что имеет большое значение для характеристики современных древнему поселению климатических условий и ландшафта.

7. Ответственной частью работ при обследовании памятника является этикетаж и упаковка собранных коллекций. Каждая из групп, на которые подразделён материал, снабжается небольшой, чётко написанной этикеткой. На каждой этикетке сверху непременно пишется название данного памятника, полностью или сокращённо. Затем обозначается номер пробного участка или обнажения, глубина залегания данного предмета или группы предметов или части памятника, на поверхности которой материал собран. Внизу ставится номер пакета, под которым содержание этой этикетки одновременно заносится в специальную краткую полевую опись пакетов, где под соответствующими номерами повторяется содержание этикеток.

Вот пример этикетки:

<i>Осинское городище</i>
<i>Зачистка I</i>
<i>Культурный слой</i>
<i>Глубина 0,30—0,60 м</i>
<i>Пакет 8</i>

Этикетку не следует писать химическим карандашом, который легко расплывается от сырости, а простым синим или красным карандашом. Чтобы запись на этикетке не запачкалась землёй и не стёрлась, этикетку нужно складывать пополам.

При упаковке вещей следует помнить, что в каждый пакет должны попадать вещи только из одного места и одинаковых условий нахождения, указанных в этикетке; если в этом нет полной уверенности, теряется достоверность, а тем самым в значительной мере и научная ценность материала. Здесь необходима абсолютная аккуратность, так как иногда даже одна попавшая не в тот пакет вещь может ввести в заблуждение и привести к неверным выводам при научной обработке материала.

При упаковке готовая, сложенная вдвое этикетка кладётся внутрь пакета. На пакете же пишется название памятника и номер пакета.

Если в дальнейшем этикетка утрачивается или её почему-либо нельзя прочесть, то содержание её легко может быть восстановлено по надписанным сверху названию памятника и номеру пакета, с помощью полевой описи пакетов.

Обследование древнего поселения ограничивается перечисленными работами.

Оно занимает время от трёх-четырёх часов до целого дня и больше, смотря по сложности памятника.

11

Форма письменной регистрации данных обследования отдельных памятников

Что касается формы записей при обследовании, то подобно тому, что уже было сказано по поводу записей предварительных данных о памятниках, их удобнее делать не в общем дневнике, а на отдельных листах-карточках, строго перенумерованных и хранящихся в папках или обложках отдельно по каждому памятнику. Карточки на этот раз должны быть большего формата, в 1/4 писчего листа (приблизительно 17×22 см). Сверху над чертой помещаются три заглавных графы, вполне аналогичных уже описанным для карточек рекогносцировочного каталога памятников. Такие карточки удобны для записей нивелировок, описаний, зарисовок и чертежей деталей. Обычно несколько большего формата бывает лист с планом, но и его желательно уместить на карточке того же размера.

Чертежи, превосходящие размером эти карточки (например, длинные разрезы обнажений и т. п.), нужно складывать так, чтобы они подходили к общему формату материалов и легко умещались в той же папке. Только при этом условии они не треплются и не мнутся.

Для регистрации данных шурфовки и зачисток слоёв на обнажениях чрезвычайно удобна карточка указанного выше размера, на обыкновенной клетчатой бумаге, но особой формы, представленной на рисунке 39. В трёх верхних графах обозначаются: а) название памятника, б) область и район, где он находится, в) автор и год обследования. В три нижние заглавные графы вписываются: а) номер

пробного участка или зачистки, его размеры, глубина, а также в какой его части сделаны промеры слоёв; б) в какой части памятника находится данный шурф или зачистка; в) кто именно вырыл этот шурф, когда—дата). Важнейшим из крупных делений основной

. Стоянка Боровое озеро III	Молот. обл., В. Городица-н оз. Боровое	обсл. Бадера 1947
Уч. 2 $\frac{1,5 \text{ м} \times 1,5 \text{ м}}{\text{г. л. } 0,55 \text{ м}}$	У края I ^{ой} над- пойм. террасы, над озером	Студент Т. Медведева 2/VIII
<div data-bbox="153 432 342 471">Подзол серый песчаный</div> <div data-bbox="146 558 384 652">Культ. слой песчаный, рыхл., желтый</div> <div data-bbox="142 840 358 934">Песок белесо- ватый, под- стилающий</div>	<div data-bbox="399 432 446 495">0,06</div> <div data-bbox="467 558 721 667">Обломки керами- ки, кремневые ос- колки и оружия</div> <div data-bbox="399 762 446 793">0,42</div> <div data-bbox="508 863 638 926">Находок нет</div> <div data-bbox="612 1091 752 1138">О Бадера</div>	<div data-bbox="752 605 866 636">пакет 3</div>

Рис. 39. Образец заполненной карточки для регистрации данных по пробным участкам или узким зачисткам слоев древних поселений.

части раскопочной карточки является второй слева узкий столбец, где в определённом масштабе (удобнее 5 см в одной клетке) наносится схематический разрез почвы с подразделением на отдельные слои, с разной штриховкой для каждого и цифрами, указывающими расстояние каждого слоя от поверхности. В первой графе слева даётся описание каждого слоя, в третьей — краткая характе-

ристика культурного содержания каждого слоя; в четвёртой — номера пакетов, в которые упакованы соответствующие части материала.

Внизу карточки должна быть дата заполнения и подпись заполнившего лица, несущего ответственность за её содержание.

Различные детали наблюдений при исследовании пробного участка, например, разрезы и планы очагов, резкие снижения культурного слоя на стенках участка и т. п. следует отмечать или на отдельных карточках, или, лучше, на обороте той же карточки.

Подобные карточки, концентрируя данные по каждому пробному участку, чрезвычайно удобны и тем, что, подбирая их в любом нужном порядке и направлении, мы можем быстро получать наглядное представление о последовательности залегания слоёв всего памятника.

Обследование и описание любого древнего поселения вполне аналогично описанию городища, с той лишь разницей, что для неукреплённых стоянок и селищ мы не будем иметь описания валов и рвов; для памятников, сохранивших на поверхности остатки каменных сооружений, нам придётся давать описание этих последних.

12

Программа обследования могильников

Говоря об обследовании могильников, мы возьмём, как и в отношении поселений, более сложный случай, т. е. описание курганных могильников. Эта же схема описания применима для простых могильников, если из неё исключить пункты описания курганных насыпей, и, если это бывает возможно, включить описание формы и глубины обнажающихся на обрыве могил.

Итак, обследование курганного могильника заключается в следующем:

1. Съёмка плана могильника. Ввиду большой однородности условий расположения могильников, план их не обязательно должен быть топографическим; последний может быть заменён схематическим, но строго масштабным планом, где каждый курган изображён в виде круга соответствующего диаметра; у его подножия линиями или штриховкой должны быть обозначены остатки ровиков, а следы ям и впадин на курганах от кладонискательских раскопок даны или в форме их точных очертаний, или, в случае старых, заплывших ям, в виде простых «галок» в соответствующем месте изображения кургана. Курганы неясных очертаний можно обозначать пунктиром. Как и план поселения, план могильника должен содержать ориентирующие направления на чем-либо выделяющиеся пункты окружающего ландшафта с указанием расстояния до них. Наконец, каждый курган должен быть обозначен своим порядковым номером (в пределах каждой группы). Это даёт возможность точного учёта всех частей сложного памятника,

каким является каждый курганный могильник. Если могильник бескурганный, его план снимается, как план древнего поселения.

2. Желательно в материалах обследования иметь профиль характерных по форме курганных насыпей, для чего в поле нужно произвести нивелировку поверхности одного-двух-трёх курганов вместе с ровиком (по диаметру насыпей через центр их) описанным выше способом. Чертить профиль по данным промеров нивелировки также желательно на месте.



Рис. 40. Измерение высоты и радиуса кургана.

3. Описание могильника по следующим пунктам:

- а) Название.
- б) Географическое положение.
- в) Топография расположения.
- г) Количество курганов.

д) Их взаимное расположение (например: один, наиболее крупный — в центре, остальные — кольцом вокруг; или в один длинный ряд, или в шахматном порядке и т. п.).

е) Описание курганных насыпей (форма, высота, диаметр, ровики, каменное обрамление и т. п.). Желательно индивидуальное описание каждого кургана по признакам: форма, высота, диаметр, ровики, состояние поверхности, степень сохранности. Если этого сделать почему-либо нельзя, можно давать суммарное описание курганов.

Высоту кургана нужно измерять не от дна ровика, а от горизонта подстилающего материкового грунта до высшей точки на-

сыпи; необходимо избегать ошибки и при измерении диаметра кургана, то есть не включать в него ширину ровиков (рис. 40).

ж) Степень сохранности могильника.

з) Состояние поверхности.

и) Представление о памятнике местного населения.

к) История сведений о памятнике.

4. Фотографирование или зарисовка (желательно — общего вида могильника, характеризующего условия его расположения, а также виды отдельных, наиболее типичных для могильника курганов).

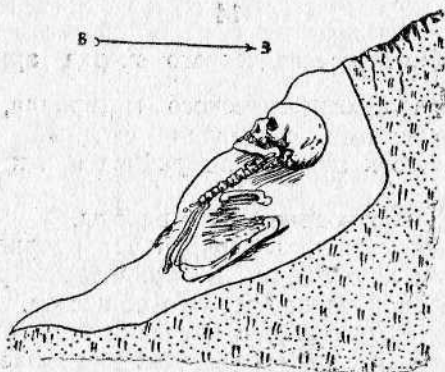


Рис. 41. Зарисовка остатков древнего погребения, разрушенного обвалами берега.

5. Пробные раскопки при обследовании могильника производить не разрешается. Только в том случае, если при обследовании части погребений обнаружены на поверхности (на пашне, обнажении, в земляной выемке и т. п.), они должны быть тщательно (при помощи совочка, ножа и кисти) расчищены, точно зарисованы (рис. 41), сфотографированы (если возможно) вместе с найденными при них вещами и подробно списаны. При этом исследователь должен взять с собой не только остатки материальной культуры, но и все без исключения кости скелета. Этикетаж и упаковка ведётся описанным выше образом.

13

Из чего должны состоять материалы законченного обследования каждого памятника

Письменные материалы обследования каждого памятника, соответственно изложенной программе, состоят из:

а) плана памятника,

б) записей нивелировок,

в) чертёжных профилей поверхности поселения, городища или курганов,

- г) описания памятника,
- д) фотографий и зарисовок;
- для памятников с культурным слоем дополнительно:
- е) карточек зачисток обнажений или шурфовки с описаниями и измерительными и прочими данными по каждому шурфу или зачистке, с профилями и деталями,
- ж) полевой описи пакетов с собранным на памятнике вещевым материалом.

Папка письменных материалов обследования сопровождает собранную коллекцию остатков материальной культуры, фауны (костей животных), флоры (углей), с образцами слоёв и проч.

14

Составление сводного краеведческого очерка археологии района

В итоге сборов археологического материала, наблюдений и обследований может быть составлен сводный археологический очерк применительно к территории района или к любой иной территории.

Вот примерное построение такой работы.

1. Естественнo-исторический очерк территории, с упором на описание элементов ландшафта и природных ресурсов, влиявших на развитие экономики древнего общества.

2. История археологического изучения территории. Можно давать её в виде крайне сжатых сведений или даже списка исследований и находок (в хронологическом порядке).

3. Археологические памятники, их описание и иллюстративный материал (рисунки памятников, фотографии, изображения вещей). Это основная глава: описание каждого памятника или местонахождения должно быть занумеровано и этим номером связано с прилагаемой археологической картой.

4. Археологическая карта. Если возможно, также карты памятников по эпохам и археологическим культурам.

5. Заключительная глава с выводами автора из изложенного им фактического материала. Содержание и построение её целиком зависит от автора.

6. Библиография, источники (в том числе музейные коллекции и частные собрания). Располагаются в алфавитном порядке и нумеруются для удобства ссылок на них в тексте работы. Сюда включаются лишь источники, содержащие данные об археологических памятниках района и указания на них. Ссылки на прочую литературу приводятся в виде подстрочных примечаний.

15

Установление связи со специальными научными организациями

Произведённые по изложенной программе обследования археологических памятников, обладая полнотою данных, представляют большой научный интерес и являются необходимой стадией изучения всякого памятника, предшествующей его раскопкам.

Однако, необходимо не только обеспечить вовлечение широко-го краеведческого актива в дело выявления, охраны и первично-го изучения археологических памятников, но и добиться такой организации этого дела, при которой все результаты произведён-ных разведок и обследований будут всецело использоваться со-ветской наукой, специальными организациями, охраняющими и исследующими памятники материальной культуры.

Для этого каждый, имеющий какие-либо сведения или материа-лы о памятниках, должен немедленно, лично или по почте, нала-дить связь с соответствующими организациями, от которых он в дальнейшем может получать помощь и руководство.

Перечислим научные организации, имеющие отношение к изу-чению древней истории Прикамья по его археологическим памят-никам.

Кабинет археологии Молотовского университета, работником которого составлено настоящее руководство. Кабинет оказывает научно-методическую помощь работникам на местах, концентрирует у себя материалы по археологии Прикамья и Урала в целом и смеж-ных ему областей и ведёт исследование этих территорий. Адрес: Молотов (областной), Займка, университет, кабинет археологии.

Молотовский областной музей краеведения. Адрес: Молотов (областной), улица Орджоникидзе, 10.

Государственный музей Татарской АССР. Адрес: Казань, ул. Чер-нышевского, 2.

В районах — все районные краеведческие музеи.

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (Москва, Пятницкая, 33) и его ленинградское отделение (Ленинград, Дворцовая набережная, 18).

Институт и музей антропологии Московского университета (Москва, Моховая, 11), особенно интересующиеся находками костных остатков человека.

Государственный исторический музей (Москва, Красная пло-щадь, 2).

Государственный Эрмитаж (Ленинград, Дворцовая набереж-ная).

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Ака-демии наук СССР (Ленинград, Университетская набережная, 3).

Институт краеведческой и музейной работы (Москва, Софий-ская набережная, 38).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Глава I

Роль археологии в изучении истории общества	5
---	---

Глава II

Национализация и охрана археологических памятников в СССР . .	11
1. Национализация научных памятников в СССР и организация их изучения	11
2. Законоположения Советского Правительства по учёту и охране памятников старины	12
3. Вопросы охраны памятников в условиях развёрнутого социалистического строительства и роль советской общественности . .	14

Глава III

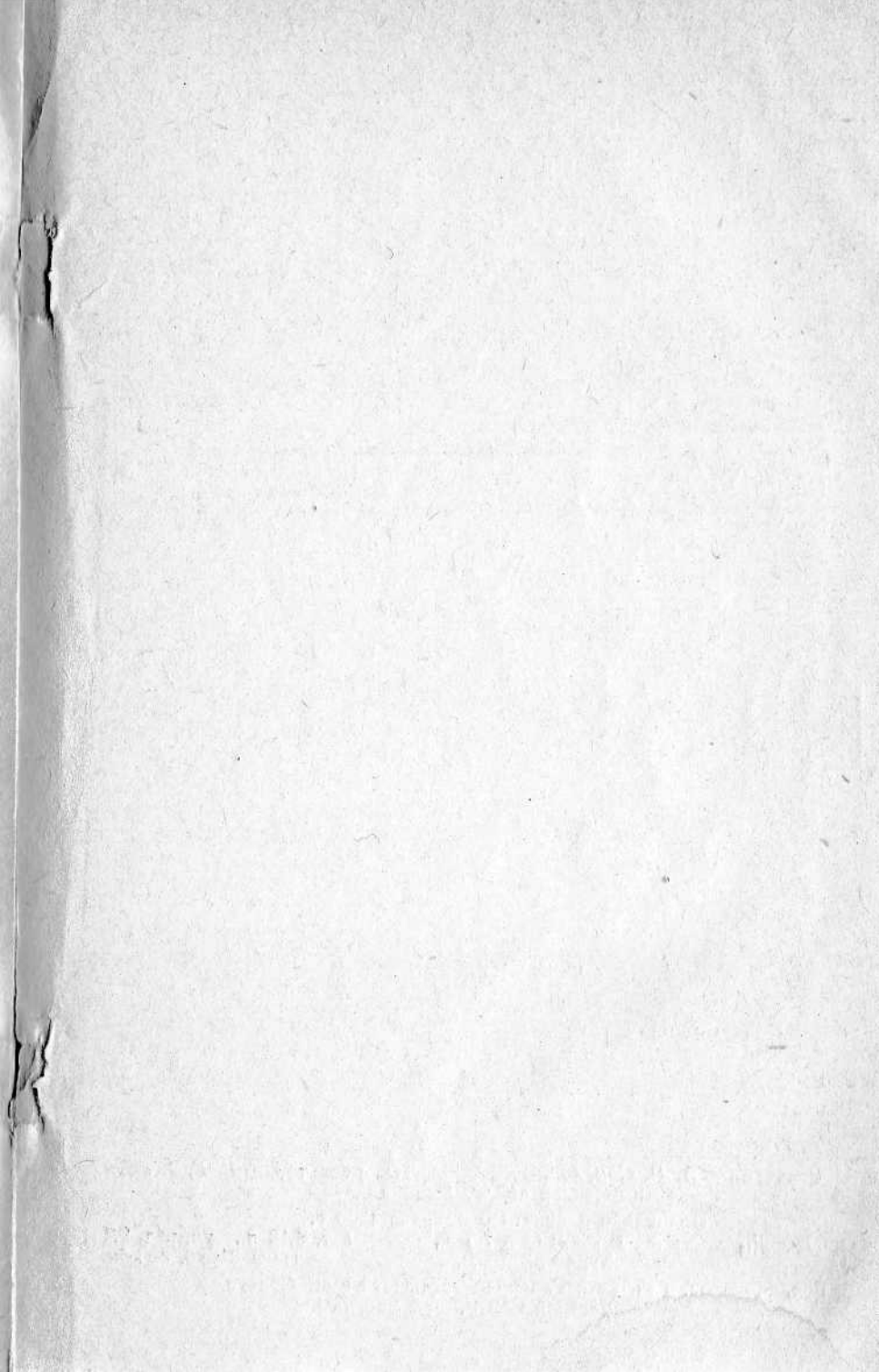
Археологические памятники и изучение их в Прикамье	16
1. Археологические памятники Прикамья	16
2. Остатки древних поселений и их раскопки	17
3. Что дают раскопки могильников	18
4. Что даёт изучение прочих древних памятников Прикамья . .	18
5. Понятие об ископаемых культурах	19
6. Абсолютная и относительная хронология	20
7. К истории археологического изучения Прикамья	21

Глава IV

Основные черты ранней истории Прикамья	33
1. Первоначальное заселение Прикамья человеком. Нижний палеолит (первобытное стадо, низшая ступень дикости)	33
2. Верхний палеолит (первобытная община, средняя ступень дикости)	35
3. Эпипалеолит (первобытная община, высшая ступень дикости) .	38
4. Неолит и энеолит (первобытная община, низшая ступень варварства)	39
5. Эпоха бронзы (первобытная община, средняя ступень варварства) Сейменско-турбинская, андроновская и срубно-хвалынская культуры	16
6. Ананьинская культура (военная демократия, высшая ступень варварства)	44
7. Пьяноборско-гладеновская культура (военная демократия, высшая ступень варварства)	62
8. Харинская и ломоватовская культуры (военная демократия, высшая ступень варварства)	67
9. Родановская культура	72
10. Булгарское государство	79
11. Памятники Золотой Орды, Казанского ханства и заселения Прикамья русскими	84

Глава V

Методы поисков и краеведческого изучения археологических памятников	86
1. Археологические разведки, обследования и раскопки	86
2. Первичная регистрация памятников	86
3. Маршрутные археологические обследования, их планирование и организация	89
4. Снаряжение	91
5. Работа при прохождении археологического маршрута	92
6. Приёмы обнаружения древних поселений и могильников	93
7. Условия расположения различного рода памятников на местности и наиболее характерные для них находки предметов	97
8. Письменные материалы в археологическом маршруте	100
9. Составление археологической карты	100
10. Программа обследования древних поселений	102
11. Форма письменной регистрации данных обследования отдельных памятников	109
12. Программа обследования могильников	111
13. Из чего должны состоять материалы законченного обследования каждого памятника	113
14. Составление свободного краеведческого очерка археологии района	114
15. Установление связи со специальными научными организациями	114



Редактор — А. В. Соколов.

Тех. редактор. — Е. Г. Женин

Корректор — Ю. Ф. Якубов

Формат 60×92¹/₁₆
ЛБ00637

Подписано к печати 3 февраля 1950 г.

Объем: печ. 7,5 л.,

авт. 8,12 л., уч.-изд. 9,4

Тираж 3000 экз.

Цена 3 руб. 30 коп.

Гор. Молотов. Тип. № 8 Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Зак. 506.

ОПЕЧАТКИ

Страница	строка	напечатано	следует читать
46	25 сверху	неолетических	неолитических
50	8 сверху	втульчатый (кельт	втульчатый кельт)
68	3 сверху	многолоидного	монголоидного
85	1 сверху	но	оно
118	2 снизу	свободного	сводного

О. Н. Бадер. Зак. 506.